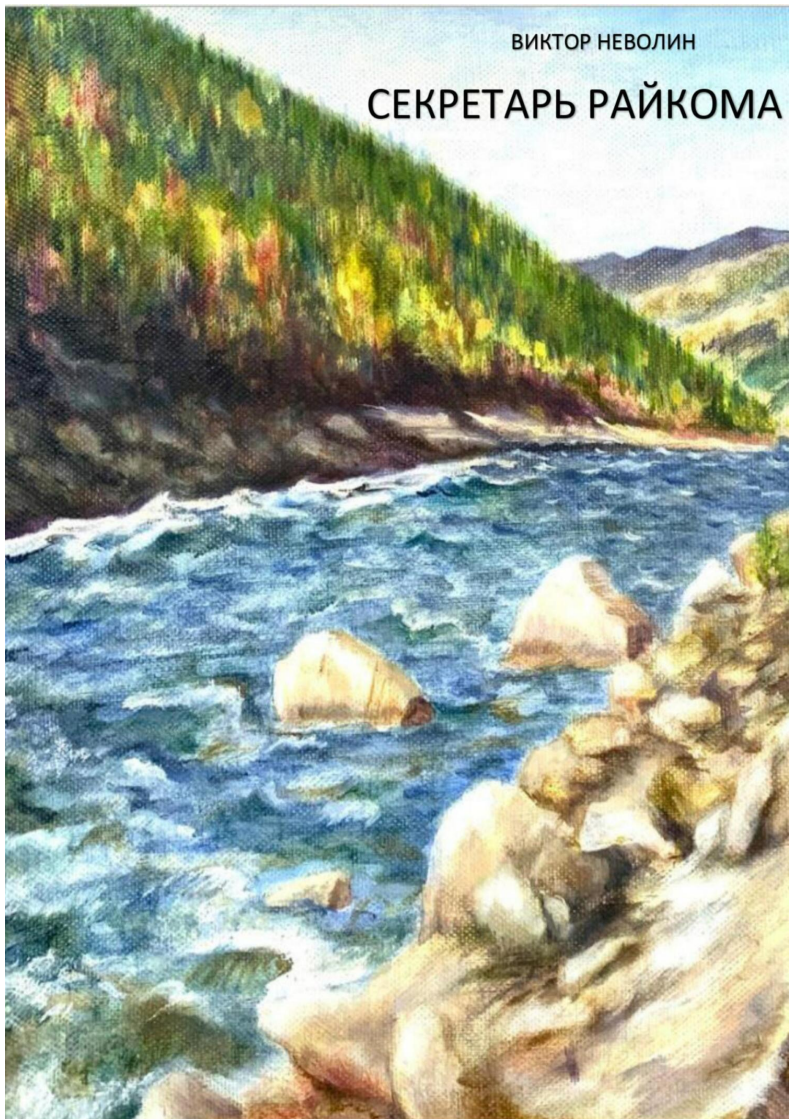

ВИКТОР НЕВОЛИН

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Виктор Андреевич Неволин

Секретарь райкома

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69208240

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга Неволина В.А. "Секретарь райкома" о работе первым секретарем райкома КПСС Мотыгинского и Северо-Енисейского районов Красноярского края в период 1960-70-е годы.

Виктор Неволин

Секретарь райкома

Об авторе

В 1956 году после окончания геологического факультета Томского государственного университета направлен на работу в трест «Енисейзолото». В Северо-Енисейском районе Красноярского края работал участковым геологом на Советском руднике, начальником поисково-разведочной партии. В дальнейшем двенадцать лет подряд избирался первым секретарем райкома КПСС Северо-Енисейского и Мотыгинского районов, а с 1973 по 1993 год был руководителем геологической службы Центральной Сибири (Красноярский край, Хакасия и Тува). С выходом на пенсию создал ООО «Научно-производственный центр «ЦентрСибгео» и является его бессменным директором до настоящего времени.

Окончил институт управления народным хозяйством АНХ СССР. Кандидат геолого-минералогических наук, заслуженный геолог РСФСР, лауреат Государственной премии СССР за открытие и разведку Олимпиадинского золоторудного месторождения. Отличник разведки недр, почетный геолог Монголии. Награжден тремя орденами и двенадцатью медалями. С 1972 по 1990 год избирался депутатом Красноярского краевого Совета народных депутатов по Бельско-

му, Норильскому и Красноярскому избирательным округам. 29 лет был членом Красноярского краевого комитета КПСС. Почетный гражданин Красноярского края (2002).

Секретарь райкома

Предисловие

После издания двух первых книг «Человек, лишенный малой Родины» и «Записки геолога», которые были востребованы читателем, я решил приступить к написанию своей третьей книги воспоминаний и размышлений – «Секретарь райкома», которая по замыслу должна состоять из двух частей: первая будет посвящена партийной работе первым секретарем Северо-Енисейского и Мотыгинского райкомов партии, которая по времени составила 12 лет; вторая часть будет охватывать период моей работы в качестве руководителя геологической службы Центральной Сибири (Красноярский край, республики Хакасия и Тува), также связанной с партийной работой, так как я был избран членом Красноярского крайкома КПСС. В этот же период на протяжении 18 лет я избирался депутатом Красноярского краевого Совета народных депутатов по Бельскому, Норильскому и Красноярскому избирательным округам. И несмотря на руководящую производственную работу, я сохранил партийно-организаторские стиль и методы работы с коллективом и отдельными людьми.

В общей сложности моя деятельность в КПСС в крае

составила почти 30 лет, когда я входил в так называемый партийно-хозяйственный актив. Это был период небывалого бурного политического и экономического развития нашего края, притока сюда населения для осуществления великих строек, становления его могущества и процветания во всех отношениях.

Я не писатель, но испытываю острую духовную потребность своими словами высказать личное отношение к советскому периоду моей жизни – как и чем мы жили, во что верили, к чему стремились, чего достигли. В итоге мы были созидателями и свою жизнь, думается, прожили достойно.

За долгую жизнь мне посчастливилось встретить на своем пути много интересных, простых, трудолюбивых, заслуженных и выдающихся людей. Сегодня вспоминаю их с искренней теплотой и душевностью и хочу о них рассказать в своей книге. И признаю, что отрицательные оценки некоторых персонажей могут быть с моей стороны необъективны.

В годы своего длительного пребывания в партии я старался преданно ей служить, независимо от служебного положения, и свою идеологию не менял. И как бы сегодня плохо ни говорили о советских коммунистах, они представляли собой передовую часть общества в решении политических и хозяйственных задач, были активными сторонниками социалистического развития государства.

Я глубоко убежден в том, что Коммунистическая партия Советского Союза преждевременно перестала существовать

по субъективным причинам, потеряла свою боеспособность, без которой в этом мире развитие невозможно. Она своевременно не реформировала программу в своей партии, сообразуясь с мировым развитием экономики и политики, жила старыми представлениями, в частности, не признавала частную собственность в отдельных сферах производства и торговле, не изменила своего негативного отношения к религии и т.д.

Новая власть, к сожалению, не представила населению России свою программу дальнейшего развития. Мне представляется, для России наиболее приемлемый путь – это социалистический, он более достойный и справедливый, чем ныне существующий – дикий капитализм.

Глава 1

Северо-Енисейский район

Секретарем райкома партии я стал случайно, по обстоятельствам. И ранее в жизни я никогда даже не думал об этой должности, хотя к общественной работе меня активно тянуло с раннего детства. В поселке я был первым октябренок, потом пионером, хотя в комсомол нас, детей высланных, не принимали. Я хотел быть комсомольцем и заменил это желание членством в Осавиахиме. В детстве мой друг Семен Трофимов меня упрекал, что я не имею одного друга, а дружу со многими одновременно.

В период долгой военной службы в ВМФ СССР избирался секретарем комсомольской организации корабля, дивизиона учебных кораблей, штаба экспедиции особого назначения ВМФ, руководителем матросской группы в системе политического просвещения, а во время учебы в Томском госуниверситете был руководителем агитколлектива по работе среди населения и заместителем секретаря партбюро факультета.

Секретарь райкома партии – выборная должность, это руководитель района, представляющий Коммунистическую партию Советского Союза, и сама должность секретаря – это не профессия. Секретарю дается право осуществлять через выборные партийные структуры общее руководство всей политической и государственной деятельностью на определенной территории. На него возлагается и обязанность идеологического воспитания трудящихся в соответствии с программными документами деятельности КПСС.

В свое время, до войны и в годы войны, должности секретарей райкомов партии занимали люди преимущественно из рабочих и крестьян, и редко из интеллигенции, проявившие себя активно в становлении и укреплении советской власти, активные пропагандисты коммунистических идей в народе. Их готовили и обучали, если они не имели высокого уровня образования и профессиональной подготовки, через совпартшколы, а позднее, после войны, – в высших партийных школах при ЦК КПСС и Академии общественных наук

при ЦК КПСС. Эти люди постепенно становились кадровыми партийными работниками, особенно первые секретари, и партийное руководство КПСС потом по-своему усмотрению переводило их из одного района, города в другие в зависимости от их должностных способностей и моральных качеств.

Кандидатом в члены ВКП(б) я стал тоже именно по обстоятельствам. В свое время шел подбор военнослужащих для поступления в школу агентурной разведки ВМФ. И одним из первых требований, наряду со здоровьем, образованием и уровнем боевой подготовки военного, должна быть его партийная принадлежность. Из Потийской военно-морской базы Черноморского флота (Грузия) командование остановилось на трех кандидатах, в число которых попал и я. Но я был еще комсомольцем. Тогда и поступила команда – командиру Первого отдельного Краснознаменного дивизиона подводных лодок Черноморского флота, где я служил, немедленно принять Неволлина В.А. кандидатом в члены ВКП(б), и буквально в 3-4 дня прошли партийные бюро и собрания и я единогласно был принят кандидатом в члены ВКП(б). Утверждал решение партийных органов дивизиона политотдел Потийской военно-морской базы, а кандидатскую карточку мне вручили уже в политотделе Одесской военно-морской базы ЧФ, куда я прибыл на учебу. В члены КПСС я был принят в 1953 году партсобранием Томского госуниверситета.

Моя производственная деятельность началась в Севе-

ро-Енисейском районе Красноярского края в качестве рудничного геолога Северо-Енисейского рудоприискового управления треста «Енисейзолото». Наряду со служебными обязанностями геолога активно был включен в партийную работу геолого-разведочной экспедиции – в течение трех лет избирался секретарем парторганизации экспедиции, а в 1961 году был избран членом Северо-Енисейского райкома партии, что, вероятно, послужило поводом для выдвижением меня на освобожденную партийную работу.

С приходом к руководству СССР Н.С. Хрущева произошли колоссальные изменения в руководстве партией и народом. Как сегодня отмечают политики и идеологи, они имели и положительные, и отрицательные стороны для жизни народа и страны, в том числе и для самих членов партии. С развенчанием культа личности Сталина Н. Хрущев фактически закрыл страницу деятельности большевизма, хотя сам в это время был одним из ближайших соратников Сталина по руководству партией и государством. Страх и насилие при Сталине он осудил, но их действия коренным образом не изменились, они продолжали еще жить.

Н.С. Хрущев реформировал руководство промышленностью и строительством, приблизил его непосредственно к регионам, создав совнархозы, в том числе и в Красноярском крае, освободив в какой-то мере от крепостного режима крестьян, которые были лишены паспортов и не имели права покидать свои колхозы. Поднимал животноводство путем

насаждения волевым путем производства кукурузы. Повсеместно началось строительство панельного жилья индустриальными методами. А в конце 50-х годов на очередном партийном съезде по настоянию Н.С. Хрущева было принято решение об укреплении партийного руководства экономикой страны, выдвижении на должности первых секретарей райкомов и горкомов партии специалистов народного хозяйства. Ранее же занимали эти должности преимущественно люди с гуманитарным образованием – историки, юристы и т.д. К примеру, если район сельскохозяйственный, то теперь первый секретарь райкома должен быть специалистом сельского хозяйства – агрономом, зоотехником, инженером по сельскохозяйственной технике и т.п. В промышленных районах, например, в городах, специализированных на добыче полезных ископаемых, – горным инженером, металлургом, в других – машиностроителем, строителем и т.д.

В этой связи хотелось бы напомнить, что в Северо-Енисейском районе был первый секретарь Пономаренко, окончивший в свое время совпартшколу, инвалид с ограничением в движении, потом его заменил И.Ф. Кудрявцев – горный техник, позже окончивший заочно высшую партшколу, председатель райисполкома Тремясов, историк, кадровый партработник, прибыл в район после работы первым секретарем Казачинского района. Второй секретарь А.В. Кириллов и третий секретарь М.П. Кулаков только что окончили высшие партийные школы в городе Красноярске.

В конце 1961 года И.Ф. Кудрявцева избрали председателем Красноярского краевого совета профсоюзов, и встал вопрос о его преемнике. Процедура замены была длительная, не то что снять или назначить какого-либо директора предприятия – достаточно издать приказ и человек на месте, естественно, со знанием дела.

Для меня же, начальника геологической партии, работавшего в районе независимо от местных органов партийной и государственной власти, было неизвестно, что делается в районе в этом плане. Вдруг вызывает на беседу в райком партии представитель крайкома партии, зам. зав. отделом партийных органов, как она представилась, Анна Емельянова Ермилова. Она мне сказала, что хотела со мной познакомиться и узнать мое мнение о жизни районной парторганизации, поговорить о результатах работ в геологической отрасли и вообще о состоянии экономики в золотодобывающей промышленности района.

Женщина по возрасту за сорок лет, полного телосложения, с мужицким подходом к беседе, курящая, и даже предложила мне папиросу. Я поблагодарил и отказался, поскольку я тогда пытался бросить курение и уже несколько месяцев не курил. Она детально интересовалась партийной жизнью в районе. Спросила о моем семейном положении, чем занимается супруга, а также каким авторитетом в районе пользуется первый секретарь райкома И.Ф. Кудрявцев. И даже никакого намека не было на мое выдвижение на партийную ра-

боту. В конце беседы она сказала, что в районе пробудет до конца недели и, может быть, мы еще встретимся – имелось в виду проведение партийных мероприятий. Потом я узнал, что Анна Емельяновна встречалась и с некоторыми другими коммунистами района, членами райкома партии.

Прошла пара недель, и уже забылась наша встреча, как меня приглашает в райком И.Ф. Кудрявцев и говорит:

– Вас приглашают на беседу в Красноярский крайком КПСС, нужно там быть завтра до обеда и обратиться к Б.В. Баранову – заворготделом, бронь на самолет в аэропорту заказали.

Отпрашиваться на выезд из района у меня не было необходимости, поскольку никому здесь не подчинялся.

В крайком я прибыл к указанному времени. В орготделе кроме технического секретаря ответственных работников не было, и она мне сказала, что о моем прибытии Б.В. Баранову известно и он меня обязательно примет под вечер, поскольку находится вне здания крайкома. Одновременно предложила мне сходить пообедать в столовой, которая является закрытой для горожан, и согласилась меня туда сопроводить, от чего я не отказался.

Борис Васильевич Баранов, зав. отделом оргпартрabоты, как я потом узнал, прибыл в Красноярский край после окончания высшей партшколы при ЦК КПСС вместе с группой партийных работников по решению ЦК КПСС для организационного укрепления Красноярской краевой парторгани-

зации во главе с Органовым, ставшим первым секретарем крайкома партии. Встретил он меня просто и приветливо, усадил за стол. Человек возрастом за 40 лет, высокого роста, стройный, ранее служил в Кремлевском полку, с выразительным лицом, в разговоре немного окает, что указывает на его волжское происхождение.

Он не стал узнавать мои биографические данные, поскольку они у него были на столе в моей объективке и ранее с ними уже детально ознакомился. Борис Васильевич сразу приступил к делу:

– Крайком партии рассматривает вашу кандидатуру на выдвижение – рекомендовать Северо-Енисейскому району для избрания вас первым секретарем райкома партии. Как вы на это смотрите?

Я ему сразу говорю, что на эту должность не подхожу. Другое дело, если бы рекомендовали меня на должность заведующего отделом, в лучшем случае на должность секретаря райкома по промышленности, с натяжкой можно было бы попробовать. Я это сказал искренне, не задумываясь. Он немного удивился мною сказанному:

– Впервые слышу, чтобы человек отказывался от большой должности в сторону меньшей.

И тогда я ему встречно говорю:

– Вы просто рискуете – а вдруг я не справлюсь, и вам же придется отвечать».

– Если крайком вам доверяет, вы сами уже обязаны от-

дать все, на что вы способны, и нести партийную ответственность, – дальше никакой агитации не было. И закончил беседу словами: – Сейчас идите в гостиницу «Север», где вам заказали номер для проживания, хорошо подумайте о нашем предложении, с семьей и районом не советуйтесь, поскольку эта процедура предварительная и сложная, а завтра к 10 часам приходите ко мне, и мы начнем собеседования с членами бюро крайкома.

Перед беседой с Барановым в приемной встретил Анну Емельяновну, которая приняла меня как старого знакомого и пригласила в свой кабинет. Опять предложила закурить. Я был в возбужденном, нервном состоянии, принял поданную ею папиросу и закурил так, что о своих воздержаниях в прошлом забыл. Теперь мне уже одной пачки папирос или сигарет не хватало на один день. Она мне посоветовала от предложения крайкома не отказываться:

– У вас все получится.

Зайдя в номер гостиницы, встретил там человека, немного старше меня по возрасту. Познакомились – Василий Иванович Попов, управляющий Ачинским строительным трестом, прибыл в крайком партии на собеседование – рекомендуют первым секретарем Ачинского горкома партии. Сходили вместе поужинать, ночевали, а потом стали близкими коллегами по партийной работе.

Утром встал рано и сам себе сказал: ничего менять не буду – пусть все идет по сценарию крайкома партии, а потом

что будет, то будет, живем один раз, и жизнь вся состоит из подъемов и падений. Пусть меня судят по делам.

На другой день в назначенное время в приемной Баранова откуда-то появился наш И.Ф. Кудрявцев, и все мы трое направились в кабинет второго секретаря крайкома Михаил Сергеевич Суетина. Я заходил в кабинет третьим, а передо мной Кудрявцев, и он при этом за своей спиной показал мне кулак – предупреждая: держи себя стойко и не думай отказываться от предложения крайкома. М.С. Суетин – небольшого роста, полноватый, с коротко стриженными волосами, немного похож на азиата, хотя всегда считал себя кровно русским человеком. В край он приехал недавно из Удмуртии, где был первым секретарем обкома КПСС, его Н.С. Хрущев демонстративно снял с должности за сельскохозяйственные срывы в работе.

Смотрит на меня исподлобья пронзительным взглядом, изучая, что я представляю собой – так мне показалось. Баранов зачитал мои биографические данные, а Кудрявцев стал меня характеризовать с положительной стороны, хотя я с ним в районе никогда не общался и лично познакомился лишь полмесяца назад. Рассказал об обстановке в районе, и беседа прошла мирно, без выводов, поскольку она была промежуточной.

Теперь предстояла встреча с первым секретарем Красноярского крайкома партии, он решает в последней инстанции, рекомендовать или нет на избрание представленные канди-

датуры. Это было обязательным условием: первых секретарей райкомов и горкомов кроме первого секретаря крайкома никто не мог утвердить. О других секретарях партийных комитетов решение принималось уже на ином уровне крайкома. Предстояло ждать звонка из приемной, когда освободится первый секретарь, и рекомендовано не отлучаться, быть наготове. Психологически я все время находился в напряжении, но старался себя вести свободно.

Поступила команда: нас ждут! И вместе с Барановым мы шли по длинному коридору в приемную А.А. Кокарева. Немного бил мандраж, хотя я пытался себя успокоить. В приемной я остановился, в кабинет вошел сначала Борис Васильевич, потом позвали и меня. В торце длинного стола сидел человек пожилого возраста, крепкого телосложения, светлые волосы поседели – изношенный человек, хотя в то время ему было чуть больше пятидесяти. Недавно он перенес инсульт, и его щека при разговоре изредка подергивалась. Это был Александр Акимович Кокарев – первый секретарь Красноярского крайкома партии.

Справа от него за длинным столом сидел второй секретарь крайкома партии Михаил Сергеевич Суетин, напротив него за стол сел Баранов.

Александр Акимович показался мне, несмотря на сухость в разговоре, человеком простым и доброжелательным, но он был строг в обращении с людьми, не улыбался, говорил ровно. Наша беседа продолжалась около 30 минут, вопросы в

основном были делового характера и касались экономики и перспектив развития района, жизни людей в районе, их проблем. Но по вопросам, которые мне задавались, чувствовалось, что все сидящие меня изучают. Баранов вопросов совсем не задавал, а Суетин – репликами. Было видно, что Кокарев очень уважает Баранова как работника и целиком ему доверяет. Кокарев меня не спрашивал, желаю я или нет работать в райкоме партии. Он закончил встречу словами:

– Северо-Енисейский район является основным районом по добыче золота в крае, однако последние десятилетия она не растет в связи с плохой сырьевой базой. Крайком будет надеяться, что вы своей работой поправите это дело. Будем рекомендовать вас первым секретарем Северо-Енисейского райкома партии, желаю успехов!

Встал, пожал мне руку. Встал и Суетин, тоже попрощался со мной за руку. Я вышел из кабинета, а Баранов еще задержался там.

Выйдя из кабинета, я пошел в орготдел ждать прихода Баранова. Мне потом рассказала Анна Емельяновна о впечатлении, которое я произвел на Кокарева, со слов Баранова. Кокарев после моей аудиенции сказал своим коллегам: «Конечно, он молод, не имеет опыта руководящей партработы, еще сырой для такой высокой должности, но он имеет хорошее университетское образование, прекрасно знает свой район, и из него со временем выйдет неплохой партийный работник».

С возвращением в свой кабинет Баранов в присутствии Кудрявцева стал согласовывать вопрос о дате проведения организационного пленума райкома. Крайком рекомендовал провести его через неделю, и представителем крайкома на пленум должен поехать заведующий промышленно-транспортным отделом крайкома Георгий Константинович Фридовский, с которым я в тот же день познакомился. В крайкоме мне также сказали, что когда вся эта процедура передачи власти будет подготовлена, мне сообщат, а сейчас могу ехать домой. Сказали, что утром к гостинице подойдет машина «Волга» крайкома партии с таким-то номером и увезет меня в аэропорт. В депутатской комнате мне продадут билет до Северо-Енисейска, такое задание дано начальнику ГВФ (в Северо-Енисейск было два рейса Ли-2 и билеты заранее забронированы). Тогда и в Москву не летали большие самолеты, в основном на красноярский Север, и то класса Ил-14, не выше.

До пленума никто не знал, кого будут рекомендовать первым секретарем райкома, хотя все знали, что Кудрявцев покидает район. Даже жене я не сказал, что меня хотят сделать партийным функционером, потому что не был уверен – а изберут ли? Ведь самому выдвинуться на эту должность в районе было невозможно. Этой должности наверняка ждал председатель райисполкома Тремясов и другие секретари.

За два часа до начала пленума меня пригласили в райком партии, где были уже Фридовский, Кудрявцев, инструктор

крайкома Кутяшов, курировавший наш район, и члены бюро райкома. Все члены бюро стали переглядываться между собой: зачем этот тип здесь появился, большинство членов бюро не знало путем ни меня и ничего о моей деятельности.

Заседание бюро открыл Кудрявцев и сразу предложил слово представителю крайкома Фридовскому, который изложил суть вопроса – ради чего собирается организационный пленум райкома – и сразу изложил мнение крайкома насчет Кудрявцева (мотивы его перевода на профсоюзную работу) и точку зрения крайкома по кандидатуре первого секретаря райкома – укрепление районного партийного комитета за счет специалистов народного хозяйства. В районе существует большая проблема с минерально-сырьевой базой золотодобывающих предприятий, и в руководстве районной парт-организации нужны геологи. «Чужеземцев» к нам не привезли. Фридовский не стал развивать дискуссию по этому вопросу и сразу предложил мою кандидатуру, которая была обсуждена в крайкоме и одобрена.

Что можно было возразить членам бюро по моей кандидатуре: молодой, инженер-геолог, секретарь партийной организации, член райкома партии, подходит по всем статьям того времени – тогда по всей стране шло омоложение партийных кадров и выдвижение на партийную работу специалистов народного хозяйства. Все это соответствовало только что наметившемуся курсу партии, выдвинутому Н.С. Хрущевым.

Мне был задан лишь один вопрос председателем райисполкома Тремясовым (ему, конечно, очень хотелось занять эту должность, так говорили в районе):

– Как думает Неволин – справится он с этой должностью?

Я ответил:

– С помощью районного партийного актива и каждого члена бюро райкома партии наши дела непременно будут улучшаться. Лично я отдам работе все свои знания и физические силы.

Уже на бюро райкома чувствовалось, что борьбы за власть в районе не предвидится. После нескольких выступлений бюро райкома приняло решение принять рекомендации крайкома и идти с ними на пленум райкома, то есть теперь и бюро райкома берет на себя ответственность, чтобы не провалить мою кандидатуру на организационном пленуме. Между прочим, Фридовский как опытный партократ все-таки спросил у членов райкома, могут ли они предложить другую кандидатуру. Все промолчали, и решение принимается единогласно.

Через час в кабинете политического просвещения райкома открылся пленум Северо-Енисейского райкома партии. Его открыл Кудрявцев, и он вынес на обсуждение пленума один вопрос – организационный. Повестка дня была утверждена, и слово было предоставлено представителю Красноярского крайкома КПСС Г.К. Фридовскому, который довел до сведения членов пленума, что Кудрявцев избран предсе-

дателем крайсовпрофа и ставится вопрос об его освобождении от обязанностей первого секретаря райкома. И здесь вопросов не было, проголосовали за освобождение. И сразу Фридовский, используя свой опыт, предлагает на обсуждение кандидатуру Неволлина на избрание на эту должность, рекомендуемого и Красноярским крайкомом, и бюро Северо-Енисейского райкома, обрисовав мою кандидатуру с самой лучшей стороны, как будто лучшей кандидатуры в районе и не было. Ему задали несколько вопросов, он на них с ходу ответил.

Теперь вызвали на трибуну меня. Автобиографию мою коротко рассказал по объективке Фридовский. Мне только пришлось отвечать на вопросы, а их было задано много, правда, ни одного провокационного. В частности, задали вопрос, как я собираюсь своим партийным руководством улучшать социальную жизнь трудящихся района, вопросы жилья, строительства, решать транспортные проблемы, остро стоящие в районе, и многое другое. Я был знаком с этими проблемами не понаслышке, и знал, как можно решить некоторые из них в ближайшем будущем. В общем, вопросы и их обсуждение носили доброжелательный характер. Были на пленуме и такие коммунисты, которые в душе хотели обновления партийного руководства в районе. Кудрявцев многим уже поднадоел, как им казалось, барством. Всем хорош не будешь.

В поддержку моей кандидатуры на пленуме выступила

Лидия Швецова, секретарь парторганизации золотодобывающей фабрики, и еще два товарища.

За меня проголосовали единогласно, таким образом, меня избрали первым секретарем Северо-Енисейского райкома партии под аплодисменты. Мне оставалось искренне поблагодарить всех членов пленума за оказанное доверие и закрыть заседание, еще раз заверив их, что буду отрабатывать это доверие честно и добросовестно.

После пленума мы – двое крайкомовцев и двое местных – пошли в кабинет первого секретаря райкома обсуждать вопросы передачи дел новому руководству. Все это было, конечно, большим событием для меня и района, где во главе района поставили малоизвестного геолога, которому только тридцать пять лет, ранее не работавшего в партийных органах. Не ожидали этого и наши геологи – как в геологической партии, где я работал, и в Ангарской экспедиции, так и в Красноярском территориальном геологоуправлении.

Вечером после трудового дня Фридовский, Евгений Иванович Бодягин, начальник рудоприискового управления, и я пошли в особую комнату для гостей поселковой столовой поужинать. Кудрявцев тоже принял участие, но задержался с нами ненадолго, объяснил, что ему надо готовиться к отъезду в Красноярск, и мы его задерживать не стали. Ужин затянулся надолго, пили коньяк и закусывали мороженой брусникой с сахаром и другими местными деликатесами. Поскольку домой пришел очень поздно, то и сообщени-

ем не обрадовал свою супругу, хотя заранее предупредил ее о партийных мероприятиях и своей задержке. Она сделала мне выговор и ушла спать, потом несколько дней не разговаривала, вот так была сбита моя радость – избрание первым руководителем Северо-Енисейского района! Хотя взаимоотношения с женой всегда были теплые и доброжелательные.

Итак, пленум райкома сделал меня освобожденным партийным работником – первым секретарем Северо-Енисейского райкома партии. Должность высокая, и могу ли я на ней удержаться, было первым вопросом не только для меня, но и для района, уж слишком высокий взлет. Теперь отступить было просто некуда, но я все еще сомневался: потяну ли я этот воз?

На другой день Кудрявцев стал меня торопить с передачей дел, ему хотелось поскорее уехать в Красноярск. Я знал, что он не рекомендовал мою кандидатуру, у него, по-видимому, были другие люди в преемники, поскольку он меня просто не знал и со мною никогда не общался. А все решила Анна Емельяновна Ермилова, приехавшая в район подбирать кандидата на должность первого секретаря. Она беседовала со многими членами райкома и представила в крайком, вероятно, несколько кандидатур на эту должность. А там, просеяв всех, остановились на мне. Это мое предположение потом подтвердил инструктор крайкома Кутяшев. Кудрявцев был, конечно, умным, со мной разговоры вел доброжелательно, только на официальной ноте, соблюдая партийный этикет.

Помощников и советников, как начинать партийную работу, у меня не было. Работников аппарата я всех знал, но ни с кем не был в дружеских отношениях. Да я этого и не хотел, думал, что профессиональным партработником стану сам, своим трудом.

После окончательного приема партийных документов и подписания приемочного акта мы с Кудрявцевым остались вдвоем, краевые работники уехали. Кудрявцев, закаленный партийный работник, многоопытный, уже бывал во многих встрясках, и он, как мне кажется, ждал от меня, когда я спрошу совета, с чего мне начинать свою работу. Но я специально уходил от этой темы, поскольку не все разделял в практике и методах партийного руководства районом Кудрявцевым, многие вещи я категорически не воспринимал из сталинской школы партийцев, как они часто себя называли. Не разделял их практику и методы, но и сам не знал, как работать по-новому. Поэтому беседа прошла скованно. Но один совет мне Кудрявцев дал:

– Свою ежедневную работу начинай с чтения передовой статьи газеты «Правда», центрального партийного органа ЦК КПСС, там ты найдешь ответ и план действий, поскольку передовая – это всегда заказная статья идеологического отдела ЦК партии, и она все время ориентирует партийные органы на то, какие сегодня партия ставит задачи и выдвигает главные вопросы в их деятельности.

Потом в товарищеской беседе я рассказал своему ин-

структуру-куратору из крайкома о совете Кудрявцева, тот долго смеялся и назвал это начетничеством. Кудрявцев также дал мне характеристики на второго и третьего секретарей райкома партии и на председателя райисполкома и остальных членов бюро райкома. Характеристики были хотя и положительные, но сдержанные, не хвалебные, как иногда принято делать.

Последней вещью, которую мне передал Кудрявцев, была особая папка, вынутая им из сейфа. Она была самая толстая и полная, он советовал, чтобы я на досуге ее прочитал. Это были материалы, поступающие в руки первого секретаря райкома лично от административных органов под грифом «строго секретно», от КГБ, МВД, прокурора и других.

Через неделю после принятия дел меня вызвали на утверждение на бюро крайкома, таков был порядок, поскольку решение пленума райкома – еще не окончательная инстанция для полноправного руководства районом. А перед тем как попасть на бюро, нужно было пройти собеседование, в порядке знакомства, с секретарями крайкома и заведующими отделами крайкома. Они, как правило, пятнадцать, от силы двадцать минут знакомятся и спрашивают, в чем с их стороны нужна помощь району и мне лично. Это облегчало прохождение процедуры на бюро.

Поскольку со вторым секретарем Суетиным мы были уже знакомы, то к нему меня не повели. Сопровождал меня один из ответственных работников крайкома, и в беседах он не

принимал никакого участия, а просто обеспечивал прием, чтобы нигде не пришлось стоять в очереди к партийному чиновнику, поэтому и здесь чувствовалась организованность во всем как пример для подражания. В это же самое время проходил собеседования еще один «новобранец» – Василий Иванович Попов, только что избранный первым секретарем Ачинского горкома партии, с которым я познакомился в гостинице «Север».

Секретарем по промышленности Красноярского крайкома партии был милейший и, пожалуй, умнейший человек – Валентин Феодосьевич Гаврилов-Подольский. По профессии он был инженером-механиком, причем крупным специалистом в энергетике, человеком высокой культуры и нравственности, симпатичным и внешне, мягким во всем, не похожим на остальных аппаратчиков, людей более сухих и жестких, с напускной официальностью. Этот человек был полной противоположностью по характеру первому секретарю крайкома, и его считали «громоотводом» Кокарева. Об этой его слабости Кокарев знал, но всегда его высоко ценил, не позволял его где-либо осуждать или разносить, как иногда поступал с другими.

Гаврилов-Подольский принял меня любезно, вышел из-за стола, поздоровался за руку и усадил в кресло. Он всегда высоко ценил красноярских геологов, знал об их нелегком труде, и сразу ко мне с откровением:

– Первый раз в жизни вижу геолога секретарем райкома

партии.

Я ему рассказал, с какими трудностями в работе мне придется столкнуться, и он пообещал оказывать максимальное внимание району, а мне – помощь, просил звонить, когда посчитаю нужным. А ведь как приятно и радостно на душе, когда встречаешься и работаешь с такими людьми.

Секретарем по идеологии крайкома была Полина Георгиевна Макеева, лет под сорок, незамужняя (считалось). Недавно она была еще первым секретарем Красноярского крайкома комсомола, потом поехала учиться в Академию общественных наук при ЦК КПСС, где защитила кандидатскую диссертацию. Это была единственная в ту пору в крайкоме кандидат исторических наук из аппарата. Полная женщина и крепко скроенная, на лицо приятная, румяная, родившаяся в одной из красноярских деревень. Она, говорят, в молодости нравилась многим, но с ней почему-то молодые люди боялись заводить романы и близкие знакомства. Макеева при встрече тоже вышла из-за стола, чтобы со мной поздороваться. Руку мою пожала крепко, и показалось, по-мужски.

Наша беседа с ней касалась в основном вопросов идеологической работы в районе, особенно если учесть контингент жителей – большое количество ссыльных, высланных тунецев, религиозников-баптистов.

У нее было очень хорошее мнение о наших идеологах, она близко знала и наших руководителей комсомола, в частно-

сти, первого секретаря Алексея Николаевича Гонзу – этого молодого красивого гиганта в то время не могла не заметить ни одна женщина. Полина Георгиевна в процессе беседы вела себя строго официально, ничего женского в ней не выделялось, будто она полностью поглощена партийной работой.

Макеева в должности секретаря крайкома по идеологии работала долго, потом ее перевели в Москву. Когда ей исполнилось пятьдесят лет, думали, что ее отправят на пенсию, а ее назначили членом комитета партийного контроля при ЦК КПСС, очень высокая должность в партийной иерархии, говорят, по рекомендации самого М.С. Суслова.

Потом исключили из моего «бегунка» двух человек – секретаря по сельскому хозяйству Терентия Тюрикова и зав. отделом Михаила Климина, поскольку сельское хозяйство в районе не имело особой значимости.

Состоялась моя беседа и с председателем партийной комиссии Гудилиным, человеком тоже сугубо партийным, сталинской школы. Он был уже в возрасте, в прошлом работал первым секретарем Хакасского обкома партии. Беседа была короткой – пожелал успехов в работе, и потом мы с ним мало встречались. Однажды я сам создал с ним конфликт и сожалею об этом – обострять с ним отношения по мелкому вопросу не следовало.

Побывал я тогда и в отделе административных органов, который занимался прокуратурой, судом, МВД, финансовыми органами. Его заведующим был бывший полковник МВД

Никита Грибков, он когда-то работал и в «Енисейстрое», со мной обошелся панибратски, учитывая мою молодость. Еще рассказал какой-то анекдот, что мне тогда казалось в стенах партийного органа непозволительным. Зашел к Василию Михайловичу Кургину, зав. финхозотделом крайкома, который потом оказался самым нужным человеком – у него все финансирование партийных органов края: транспорт, мебель, путевки, деньги на строительство и т.д. Познакомился с зав. отделом транспорта и связи, который возглавлял Яков Бурин. А с заведующим промышленно-транспортным отделом Фридовским я уже близко познакомился, тогда он меня представлял на пленуме Северо-Енисейского райкома партии. Идеологический отдел тогда возглавлял Михаил Жарков.

Теперь мне предстояло пройти бюро крайкома, но это уже на следующий день. Вечером в гостинице «Север» я в ресторане покушал и рано улегся спать.

Бюро крайкома партии началось в 10 часов в малом зале, его вел первый секретарь крайкома Александр Акимович Кокарев. Большой стол в виде трибуны, он в центре, рядом другие секретари крайкома по партийному старшинству и рангу. Недалеко стояла кафедра для выступлений. Народу полный зал.

Первый вопрос был организационный, кадровый. Утверждались не только партийные кадры, но и хозяйственные по номенклатуре должностей, подконтрольных непосредствен-

но крайкому, без согласия которого никто не мог не только назначить, но и уволить.

Докладывал на бюро Борис Васильевич Баранов. Сначала он зачитал мои анкетные данные и сообщил, что решением пленума Северо-Енисейского райкома партии Неволин единогласно был избран первым секретарем райкома, и просит бюро крайкома утвердить его в данной должности. Затем Баранову, а потом и мне, вышедшему за кафедру, было задано несколько общих вопросов: как прошел пленум, какие там задавались злободневные вопросы, были ли выступления против кандидатуры Неволина, о его производственной деятельности. Председательствующий сказал, что Неволин прошел собеседование у секретарей крайкома, заведующих отделами, возражений против его утверждения не поступило. Было предложение утвердить, воздержавшихся и против не было.

Александр Акимович Кокарев сказал буквально следующее, что мне запомнилось на многие годы:

– Северо-Енисейский район является одним из главных по золотодобыче в крае, однако в последние годы золотодобыча в нем сокращается из-за отсутствия новой сырьевой базы золота для рудника и дражного флота. Вы по профессии геолог, и, утверждая вас первым секретарем Северо-Енисейского райкома партии, Красноярский крайком КПСС выражает надежду, что вы сумеете решить проблему сырьевой базы золота и обеспечить устойчивую работу золотой промыш-

ленности района. Желаем вам успехов.

Я сошел с кафедры и вышел в приемную. Но здесь Б.В. Баранов сказал, что мне разрешается снова войти в зал заседания бюро крайкома партии и присутствовать до окончания работы бюро, чтобы познакомиться с работой бюро крайкома (с целью обучения, практики).

Теперь я прибыл в район как уже узаконенный партийный руководитель. Складывалось будто бы все благополучно, предстояла совершенно новая, практически не известная для меня деятельность. Коммунистическая партия Советского Союза тогда была руководящая и направляющая сила общества, так было записано в Конституции СССР, то есть руководил страной политический вождь – Ленин, Сталин, Хрущев и др. Партия – честь и совесть народа, так гласили ее политические лозунги. Но при всех взглядах это была прежде всего политическая организация, а не хозяйственная или административная. Сама партия не должна была заниматься хозяйственным и административным управлением народа, для этого были институты государства в лице законодательной и исполнительной власти – Советов депутатов и правительства, но компартия через свои партийные организации в центре и на местах фактически управляла ими.

Северо-Енисейский район как самостоятельная административная единица образован в 1932 году. 8 апреля 1932 года было принято постановление Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета «Об измене-

ниях в административно-территориальном делении Восточно-Сибирского края», где говорилось: «Образовать в составе Восточно-Сибирского края новую административную единицу Северо-Енисейский район с центром в рабочем поселке Северо-Енисейском». Площадь территории Северо-Енисейского района составляет 42,7 тыс. кв. км. Население – до 25 тысяч человек в лучшие годы. Максимальная протяженность территории с юга на север 320 км, с запада на восток – 230 км. Эта территория сопоставима с территорией некоторых европейских государств.

Район характеризуется среднегорным рельефом с абсолютными отметками 500-600 м над уровнем моря. Высшая точка превышения – Енашиминский Полкан (1104 м). Климат района резко континентальный, годовая температура колеблется от +39 до -60 градусов, среднегодовая температура -4,4 градуса, а морозных дней 150-180 в году. Если говорить о температуре в целом по году, то получается, что теплых, без снега, четыре месяца, а остальное время зима. Все это еще раз подтверждается целесообразностью отнесения Северо-Енисейского района к районам Крайнего Севера.

Леса занимают территорию в пять миллионов гектаров. В местах, прилегающих к дражным полигонам и населенным пунктам, они многократно вырубались, поскольку являлись основным источником топлива и электроэнергии.

Речная сеть представлена реками Большой Пит, Бельмо, Тея, Чиримба, Панимба, Енашимо, Еруда и их многочислен-

ными притоками, все они имеют в основном горный характер и быстрое течение. Судоходными являются только Большой Пит и Бельмо, и то в период паводка, первая река впадает в Енисей, вторая – в Подкаменную Тунгуску. Через центр территории района проходит дорога с покрытием из щебня, соединяющая п. Брянку с Северо-Енисейском. Сейчас она продлена до Епишино на Енисее, ее протяженность около 300 км. Основной отраслью промышленности была золотодобыча, которая осуществляется с 1839 года.

На всей этой большой территории разбросаны поселки, прииски, деревни, лесопункты, зимовья, заезжие пункты, охотничьи избушки, пристани. В тот период моей деятельности существовало более 29 населенных пунктов, в том числе Вельмо, Суворовский, Елизаветка, Нойба, Тея, Брусляки, Огневка, Таежный, Мариинский, Золотой Бугорок, Татьянинский, Михайловский, поселок Енашиминской ГЭС, Калами, Викторовский, Новая и Старая Еруда, Вангаш, Верхнее Енашимо, Дорогой, Аяхта, Брянка, Пит-Городок, Эльдо-радо, Широкий, районный центр Северо-Енисейск. Сообщение между населенными пунктами осуществлялось или по плохим проселочным дорогам, или по воде летом и зимой. Перед тем как стать руководителем района, я его пересек геологическими маршрутами с севера на юг и с востока на запад, хорошо знал географию и геологию района, и это, конечно, благоприятствовало моей работе.

Население Северо-Енисейского района в социальном пла-

не представлено потомками старателей, пришедших сюда еще в XIX веке. Они облюбовали эти места, прижились и сегодня чувствуют себя удобно, живут на приисках и не жалуются на неудобства. Завели небольшие хозяйства и пользуются дарами природы.

В тридцатые годы население района пополнилось большим количеством жителей за счет высланных бывших кулаков и других имущественных сословий, а перед Великой Отечественной войной и после нее – сосланных политических «врагов народа» сталинско-ежовского и бериевского «призыва», националистов Западной Украины и Прибалтики и добровольно сдавшихся пленным. Ну и напоследок сюда были сосланы тунеядцы из двух столиц.

Основная часть местной интеллигенции включала специалистов горной промышленности. Их пополнение шло за счет выпускников вузов и техникумов со всего Союза. Конечно, район неудобен для проживания по многим параметрам человеческой жизни, и добровольно сюда ехать жить мало кто стремится. По национальности преобладали русские, украинцы, поменьше – татары, а вот евреев я знал всего двух – Ройзмана и Гейсмана, встречал грузина и армянина, и все они были бывшими политзаключенными. В Тее жило немного китайцев. В Северо-Енисейске был свой дядя Ваня – банщик, уже немолодой. Когда я жил в общежитии молодых специалистов, он регулярно к нам приходил и подбирал заношенную и выброшенную одежду и белье, стирал, гладил –

приводил в порядок, а потом нам же по бросовой цене продавал.

Но вернемся к началу партийной работы. Первым делом я начал знакомиться с аппаратом райкома, с людьми, с которыми мне предстояло работать в первую очередь.

Второй секретарь райкома Александр Васильевич Кириллов, 1924 года рождения, участник Великой Отечественной войны, прошел трудовую школу на приисках Южно-Енисейского района, был секретарем райисполкома этого района, откуда был направлен в ВПШ при ЦК КПСС, филиал которой находился в г. Красноярске, после ее окончания приехал к нам в район работать. Очень работоспособный и порядочный человек, хороший товарищ, не склочник, хороший семьянин, его жена, Мария Васильевна, работала врачом, у него были две дочери. Человек он был не «службистый» и, как мне сразу показалось, на должность первого секретаря он тогда и не претендовал, хорошо зная курс партии на привлечение на руководящие должности специалистов народного хозяйства, а у него было гуманитарное образование. Это все способствовало нашим хорошим личным отношениям и работе – доверие друг к другу, и мне можно было кое-что получить от него полезное, исходя из его опыта партийной работы. Если бы он мне и не подходил в качестве ближайшего помощника, то все равно от него я бы освободиться не мог, поскольку он человек избранный.

Секретарем по идеологии был Михаил Павлович Кулаков,

1923 года рождения, а может быть, и несколько старше, но он всегда выглядел молодо. Тоже участник войны, прошел школу шахтера на черноморских копях, как тогда их называли, потом через общественные организации был направлен в ВПШ и тоже после нее сразу приехал в наш район. Очень был уважительный человек, симпатичный мужик, что-то в нем в обличье было татарское, но был он русским. Человек интеллигентного склада, спокойный, и с этим характером он сразу приобрел авторитет среди местной интеллигенции – учителей, врачей, культработников и аппарата райкома. Он меня вполне устраивал, как и я его, это чувствовалось по нашим взаимоотношениям.

Председателем райисполкома был Анатолий Егорович Тремясов. Он был всех нас старше и относился к старой школе партсовработников. Уже в войну был парторганизатором. В армии не был по инвалидности. До Северо-Енисейска работал первым секретарем Казачинского райкома партии, но там что-то не пошло у него с новым хрущевским курсом по сельскому хозяйству и его направили в промышленный район с понижением. Ко мне он отнесся настороженно, но не враждебно, однако симпатий не проявлял. Все-таки считал себя обиженным, что его не избрали первым, поскольку тогда по иерархии считалось, что председатель является вторым по должности в районе. Но по уровню развития и знания района и основной промышленности он мне не был конкурентом, и вскоре он сменил свою гордыню и занял подоба-

ющее своей должности место. Серьезную поддержку в своей деятельности он получал от второго секретаря крайкома Сутина, но связь эта не сработала.

Редактором районной газеты «Северо-Енисейский рабочий» был Александр Георгиевич Ануфриев, толковый, умный и творческий работник, инвалид войны, ходил с протезом ноги. Мы жили с ним в одном четырехквартирном деревянном доме. У него была дочь-подросток Галя, очень общительная девочка. Потом Ануфриев стал редактором эвенкийской окружной газеты, когда наши районы объединили с Удере́йским. Умер он рано.

Заведующими отделами были Криницкий (организационным), Любовь Дмитриевна Папина, бывший директор средней школы (идеологическим), инструкторами Вениамин Журавлев и другие, зав. сектором партучета Бабурина. Помощником был Рукосуев, он тогда учился на юридическом факультете университета, через год переехал в г. Красноярск и стал работать зам. прокурора одного из районов г. Красноярска. Я встретил его почти через 40 лет.

Аппарат райкома был укомплектован полностью, теперь была задача его максимально задействовать на работе. Шофером был Семен Бабурин, муж нашей работницы, он десятки лет возил секретарей райкома и меня полностью устраивал. Аппарат райкома комсомола был укомплектован молодыми ребятами, фамилии которых уже не помню, одну лишь Э.И. Деньгину.

До сих пор помню первое заседание бюро, которое мне пришлось вести. Несмотря на то что я долго к нему готовился, но провел его, как мне показалось, очень слабо, неуверенно, волновался, задавал не те вопросы, в общем, в мучениях – здесь ведь тоже требовались знания, опыт сложившейся практики в партийной жизни. Это, конечно, заметил второй секретарь и помогал мне вести заседание.

Обычно существовала сложившаяся система проведения бюро райкома, пленумов, ранжировка рассматриваемых вопросов, в соответствии с которой и формировалась повестка дня. Первым вопросом рассматривался прием в члены и кандидаты партии, его готовил орготдел и партийная комиссия, существовавшая при райкоме. Вторым вопросом был какой-нибудь организационный или отчет о работе промышленности, транспорта, торговли или сельского хозяйства, третий – идеологический, и последними, как всегда, рассматривались персональные дела коммунистов. По времени заседание бюро занимало, как правило, половину рабочего дня. Явка на заседание бюро райкома была обязательна для всех приглашенных, не только членов партии, и люди за время пребывания здесь получали зарплату по месту работы. Такой порядок был введен еще Сталиным.

Коммунистическая партия, возглавляемая в то время Хрущевым, требовала от партийных органов поиска новых форм организационно-партийной работы – от чистой идеологии переходить к конкретным действиям, способствующим

щим выполнению народно-хозяйственных задач, стоящих перед районом, добиваться, чтобы все промышленные организации и предприятия выполняли планы и задания. Ставилась перед всем советским народом задача в течение двадцати лет догнать и перегнать США по выпуску основных видов продукции. Никто против этого не возражал, это сейчас посмеиваются, хотя на самом деле стране был дан хороший заряд на будущее.

К сожалению, в тот период в районе с выполнением годовых планов было неважно – более половины приисков не выполняли план и просили помощи. Причин для этого было много, и в них нужно было разбираться и строго классифицировать. Одни зависели от нашей неорганизованности, расхлябанности и бесхозяйственности, другими были техническая отсталость от других аналогичных предприятий Союза и отсутствие квалифицированных кадров, разбросанность приисков и поселков, отсутствие дорог по доставке грузов, естественные причины зависели от состояния минерально-сырьевой базы, сложных природно-климатических особенностей района.

В общем, хозяйство было запущенное, раньше золотая отрасль держалась на заключенных и ссыльных, теперь же они разъехались в связи с хрущевской оттепелью на материк. Теперь, если с кадрами инженерно-технических работников все решалось благополучно в связи с ежегодным поступлением молодых специалистов из институтов и техникумов, то

с рабочими было сложно, их требовалось в десятки раз больше.

Основным источником кадров был оргнабор со всего Советского Союза. Вербовщики на местах обещали горы – высокую зарплату, хорошие условия проживания и северные льготы. А когда люди приезжали к нам, то видели здесь совсем другую жизнь, прямо противоположную, Север есть Север, хотя Норильск и был севернее нашего района, но там жизнь, условия труда и заработка были гораздо лучше и выше. Спрашивается, зачем им оставаться здесь? Вся жилая площадь была рассчитана на проживание здесь ссыльных или людей, которым было некуда деваться, – сплошные деревянные бараки с печным отоплением и без воды, не говоря уже о теплом туалете. Отсутствие жилья, нормальных общежитий, транспортных средств, отвратительное снабжение овощами и молочной продукцией, а летом мясной, – все это заставляло людей уезжать, разрывать договор.

И что мог коренным образом изменить вновь избранный секретарь райкома, несмотря на то что ему подчинялись не только выборные партийные и советские органы. Ему подчинялись и прокуратура, и суд, милиция и все руководители организаций и предприятий района. Здесь административные методы руководства могли сработать лишь наполовину – приказывай не приказывай, снимай одного, ставь на его место другого, воз и так будет на месте, ни к чему хорошему не приведет, и раньше не приводило. За все сразу взяться бы-

ло невозможно, в одном деле может наступить улучшение, в другом – падение, так и продолжалось много лет. Нужно было искать новый путь для развития района, и не мною он выдвигался раньше, но не находил решения в верхах.

Нужно было не только умело составлять планы работы райкома и его бюро, но и иметь долгосрочный план развития всех отраслей народного хозяйства района. Вот с этого мы и начали, обсудив этот вопрос на первом пленуме райкома, который проходил уже под моим председательством. К разработке плана привлекли лучшие силы инженеров и техников, работников здравоохранения и народного образования, через пару месяцев план утвердили и разработали мероприятия по его реализации.

На первом месте в плане было решение вопроса развития золотодобывающей отрасли района как одной из главных. А здесь были три-четыре основные проблемы, остальные вытекали из них.

Советский рудник, в прошлом Авенировский, крупнейшее горное предприятие Союза. Открыт в начале XX века, эксплуатируется с 1907 года и ни разу не реконструировался. Еще совсем недавно, в войну, тягловой силой под землей были лошади, они и таскали вагонетки. Шахтные стволы изношены и с низкой производительностью подъемных средств для добываемой руды. Золотоизвлекательная фабрика деревянная, много раз подновлялась, но в то время напоминала о демидовских временах. И сколько эти вопросы ни ставились

перед Главзолотом и Минцветметом, они не решались, поскольку требовались многомиллионные капиталовложения, которых государство не находило, а имеющиеся направляло на строительство новых комбинатов (Норильского и др.).

Нам повезло, в рудоприискное управление прибыл новый специалист горного дела из какого-то НИИ, и совместно с нашими – Арамом Татаосовичем Палиевым и другими – был разработан проект реконструкции Советского рудника и строительства новой фабрики, и потом мы с трудом добились выхода специального постановления Совета Министров СССР о выделении средств на эти цели.

Энергетика. Основным топливом, как я уже отмечал выше, была древесина. Она использовалась на паровых драгах, на Тейской паровой электростанции, снабжающей электроэнергией Северо-Енисейск. Для местных нужд на приисках были малые электростанции. Отапливался дровами и весь бытовой сектор. Уголь, завозимый весной так называемым караваном из южных районов края, применялся только для технологических нужд золотодобывающего предприятия. Лес вокруг населенных пунктов теперь был вырублен, и его нужно было заготавливать за десятки километров от потребителей. В наших планах для решения этой, не менее важной проблемы, чем первая, ставилась задача срочно форсировать пуск в эксплуатацию строящейся Каламинской ГЭС. Но поскольку ее мощностей все равно не хватало для обеспечения потребностей района, планировалось

начать строительство нескольких дизельных электростанций большой мощности на Калами и на Еруде и срочно проектировать ЛЭП для подачи в район Нижнего Приангарья централизованной электроэнергии.

Дражный флот состоял из 11 единиц, из них только одна была на электрическом приводе. Наступал срок сдачи в эксплуатацию 250-литровой драги № 121 – совершенно новой конструкции и производительности, которая строилась на реке Дыдан, сплошь заваленной большими глыбами гранито-гнейсов. Заготовка дров и их погрузка на драгу представляла собой адский труд, особенно в весеннее и осеннее время. Сегодняшнему рабочему человеку было бы трудно справиться с этим делом просто физически. И здесь недостаточно было просто поменять механизмы на драгах, нужно было менять всю организацию и технологию работ.

Состояние минерально-сырьевой базы золота. Я уже указывал, что золотая промышленность сама обеспечивала свои предприятия запасами. Для этого при трестах, рудоприскоковых управлениях были свои геолого-разведочные подразделения, которые и занимались этим делом, в частности, в Красноярском крае, практически не выходя за пределы рудных полей месторождений. Научное и производственно-тематическое обеспечение было возложено на НИГРИ золота. Но это дело было поставлено так, что сырьевая база обеднялась за счет отработки самых богатых участков месторождений, а новых объектов открыто не было. Во всяком случае,

такая обстановка сложилась в Северо-Енисейском районе.

Соврудник тогда работал на среднем содержании золота 9-11 г/т. Такая же примерно обстановка была и на россыпях, которые так выработали запасы на отдельных дражных полигонах, что вынуждены были переходить от первичной отработки на вторичную, а новых полигонов оставалось в резерве мало и с низким содержанием металла в песках.

Строительство. Без этой отрасли невозможно было идти вперед во всех отношениях, начиная от производственного и заканчивая жилищно-коммунальным. По централизованным источникам финансирования велось только строительство двух новых драг силами иркутского треста «Драгстрой-монтаж». Остальное строительство велось хозспособом силами рудоприискового управления за счет внутренних источников предприятия, у которого средств совсем не хватало. Райисполком в подчинении не имел своих хозяйственных органов, и всеми бытовыми вопросами жизни трудящихся, как тогда назывался народ, не занимался. Принимал постановления, обязывающие основную золотодобывающую отрасль что-то делать, а ей все это было не по силам. Даже если и выделяли бы централизованно деньги, то бумажками-то ничего не построишь, поскольку в район все строительные материалы нужно было завозить извне, кирпича местного и то не было. Существовал на Тее кирпичный завод, работающий по дореволюционной технологии – кирпичи сушили летом на солнце. Разведанного сырья тоже не было.

В общем, куда ни кинь – всюду клин, а развиваться как-то надо, вот мы и наметили на пленуме меры: создать централизованную строительную организацию по линии «Драгстроя». Приехавший из Иркутска управляющий с нами согласился. Геологам поручили изучать на тейских карьерах глины по их пригодности для получения кирпича высоких марок.

В центре Северо-Енисейска было несколько колонок для водоснабжения из пробуренных скважин. Годами по поселку возили воду в бочках на лошадях, и привезти домой бочку воды всегда было проблемой. Приняли решение для водоснабжения брать воду с реки Оллонокона, поскольку в Безымянке, протекающей через поселок, были отходы фабрики и рудника. На Оллонолоне нужно было построить водозабор и от него проложить трубопроводы.

Связь с краевым центром была отвратительная, по телефонным проводам, еще довоенным, из обычной проволоки, а не из биметалла, уже применяемого в те годы, многие телеграфные столбы в тайге повалились. После каждой бури и грозы связь прерывалась, то же происходило и с нашим телеграфом. Опять нужно принимать какие-то меры с помощью края.

Дорог, как я уже говорил, с выходом на Енисейск не было. Лишь зимой устанавливался зимник, и тот заносили снегопады. И попасть в район можно было только на тракторе. На Енисейск существовали две лесные зимние дороги, по которым еще старатели тянули сюда грузы через полустанки. На-

ми было принято решение изыскать два пути и из них принять самый надежный для строительства дороги круглогодого действия. Один путь – из Ведуги на Сухой Пит, другой через Брянку, и дальше по левобережью Большого Пита до Епишино. Утвердили второй вариант. И, конечно, решено максимально использовать водный путь – он по времени судорождства очень короткий, но другого выхода не было.

Если вначале, приехав в Северо-Енисейск, мне показалось, что здесь продовольственное снабжение хорошее, то со временем оно стало резко ухудшаться, стали к нашему району по делению госфондов относиться как ко всем другим золотодобывающим южным районам. Правда, с мясными продуктами и с рыбой было терпимо, но только с установлением зимника, а летом было совсем плохо – холодильников не было. Плохо было и с молочной продукцией – только сухое и сгущенное молоко, свежего молока в райцентре практически не было. Еще хуже было с овощами. Если картофель научились выращивать сами, то овощей крайне недоставало. Хрущевская сельскохозяйственная программа положительно сказалась и на нас – надо было выращивать самим, тем более в этом вопросе собирался помогать центр.

Опять собрали сельхозников, какие тогда в районе были, а это небольшие маломощные подхозы: «Вельмо», «Таежник», «Еруда», «Пит-городок», «Широкий». Во всех работали хозяйственные мужики, сильные духом и ответственные руководители, в основном из бывших кулаков. Они нам

в один голос: «Дайте нам технику, немного комбикормов и семена, и мы вас обеспечим сельхозпродукцией» (это были Э.И. Юрицин, Хрущев, Е.М. Халанский и др.). Также нужно было строить небольшой молочный завод, который бы использовал сухое молоко, за это взялся начальник «Золотопродснаба» Иван Андреевич Воронов.

Ежедневную проблему для района представлял аэропорт. Аэродром мог принимать по техническим параметрам только самолеты Ли-2, Ан-2 и кукурузники с вертолетами. Более комфортабельный Ил-14, затем турбореактивные самолеты к нам не летали – короткая полоса зимой, а летом добавлялось то, что аэродром был без твердого покрытия. Нужно было срочно удлинить аэродром за счет снятия скального грунта на востоке и отсыпки грунта в западной его части, и опять проблема с деньгами.

И вот вроде программа выхода из тяжелейшего социально-экономического положения района имеется, а как ее осуществить, не имея для этого ни средств, ни ресурсов, ни специалистов? Это ведь проблема не только нашего района, но и всех забытых богом северных территорий края. Собрав все эти проблемы и планы в одну кучу, я поехал в Красноярск искать решения по горячим следам к тем людям, которые еще недавно обещали мне помощь перед утверждением на новую должность.

Но на практике все оказалось по-другому. Партийные руководители края все меня охотно принимали, кроме первого

секретаря крайкома Кокарева. К нему в тот раз я не пошел, поскольку знал, что сначала нужно пройти все инстанции нижнего руководства крайкома. Вот здесь я близко познакомился с замзавотделом промышленности Александрой Михайловной Портновой, самой известной в то время женщиной крайкома, которая отвечала всем требованиям большевистского руководства – добросовестному человеку, порядочному и честному, открытому и справедливому. Человеку, которая не боялась ни одного должностного лица в крайкоме и свое мнение открыто выражала на любом уровне.

Александрю Михайловну я в душе называл «Александра Большевичка», вот такими героинями мне представлялись женщины в революции – всю себя отдавали делу своего личного убеждения, бескомпромиссно. У нее кабинет был всегда открыт настежь, и был слышен ее громкий разговор с партийными и хозяйственными бюрократами. Она хорошо знала жизнь людей не только в краевом центре, но и на глубокой периферии. Александра Михайловна по профессии была горным инженером, окончила Свердловский горный институт и всю жизнь прожила в Сибири, одно время избиралась первым секретарем Северо-Енисейского райкома ВЛКСМ, до самой смерти была связана с партийной работой. Умерла рано, семьи крепкой не создала, была бездетной, хотя и жила потом со своим сокурсником по институту. Я всегда с благодарностью и теплым чувством вспоминаю эту женщину, целиком отдавшую себя делу, работе.

При всех ее женских недостатках – она много курила, предпочитала мужской стиль в одежде, носила волосы, подстриженные в кружок, могла прямо в лицо сказать человеку, что она о нем думает, – это был настоящий партийный работник того времени, в то же время заботливый и внимательный к людям.

Она выслушала все мои просьбы. Поскольку район наш хорошо знала, мне порекомендовала по хозяйственным мелким вопросам к клеркам не ходить, а сразу направила меня к нескольким должностным лицам совнархоза и крайисполкома, предварительно с ними договорившись, что меня примут без всякой задержки в приемных. И как только я пришел к начальнику управления совнархоза по горной промышленности, меня там уже ждал начальник Окладнов, потом я пошел в управление краевой связи к Е. Пережогину, тоже был принят без задержки. В общем, я тогда прошел в Красноярске все нужные мне хозяйственные части на самом высоком уровне, сумел лично познакомиться с нужными людьми, кое-что даже решить.

Но наскоком решать глобальные вопросы района было нереально, нужна была кропотливая работа – не только моя как первого руководителя района, но и всех подотчетных мне служб района, и прежде всего председателя райисполкома, его отделов, золотодобывающих и других предприятий района, то есть надо было заставить по-настоящему заниматься проблемами районное звено управления, которое

работало не в полную силу и не с полной отдачей.

1962 год был годом новых реформ и преобразований Хрущева, он не унимался по продвижению планов догнать и обогнать Америку. От партийных органов требовал усиления работы по выполнению плановых производственных показателей, а также усилить контроль и ответственность по выполнению планов предприятий и районов в целом. Нужно было оценивать работу райкомов не по количеству проведенных политических мероприятий, бюро или пленумов, а по экономическим результатам. Пора партийным работникам идти в рабочие коллективы и там заниматься организационной работой.

Вот в свете этих требований мы и пересматривали работу аппарата райкома. Ранней весной по результатам года я принял участие в работе балансовых комиссий рудоприисковочного управления и вместе с директором Евгением Ивановичем Бодягиным мы организовали эти комиссии на всех приисках и на руднике с привлечением партийных активов и профсоюзов. На руководящие посты тогда подобрались толковые начальники драг, правда, преимущественно вышедшие из практиков, потом окончившие при институтах и техникумах обучение на право проведения горных и взрывных работ. Я до сегодняшнего дня вспоминаю этих замечательных людей и товарищей, которые трудились не за страх, а за совесть. А как им было трудно на удаленных приисках, при бездорожье, решать массу сваливающихся на них проблем, и не

только по добыче золота, на приисках они решали самостоятельно все вопросы по организации обучения в школе, работе больниц, отопления, освещения, как и чем накормить людей. Среди них выделялись Георгий Пинаев – прииск Калами, Серяков – прииск Новомихайловский, Леонтьев, Попов, Лентяков, Н. Осипов, Т.Ф. Хромогин, М.М. Петров, Е. Козяев, Родионов, Мирошников, главный дражник флота Петр Федорович Цой.

В шестидесятые годы на паровой драге № 20 на реке Еруде практически подростком начинал свою производственную деятельность кочегаром Ишмурат Минзалаевич Гайнутдинов. Отслужив в рядах Советской армии и окончив Красноярский институт цветных металлов и золота, он стал горным инженером и вернулся в Северо-Енисейский район. Стал начальником горного карьера «Новая Калами». В 1981 году его избрали вторым секретарем Северо-Енисейского райкома партии, а в 1984-м – председателем райисполкома. В 1987 году – первым секретарем райкома партии. Таким образом, Ишмурат Минзалаевич по праву стал бессменным руководителем Северо-Енисейского района в качестве его главы до настоящего времени.

Особо заслуживает самого доброго слова и уважения руководство Советского рудника в лице его начальника Алексея Ивановича Крылова, человека уже немолодого, ему только что исполнилось 50 лет. Он был крепкого телосложения, с чисто выбритым лицом и головой, с румяным лицом, не ха-

рактерным для горняка, но очень шустрый и быстрый в рудничных забоях и выработках, и всегда с высоким чувством ответственности за исполнение своего долга как руководителя.

Интересна его судьба. Он окончил ветеринарную академию, работал, потом разочаровался в профессии и пошел учиться в горную академию. Стал толковым горняком, награжден орденом Ленина. Его на руднике одновременно уважали и боялись, и сколько он работал на руднике, всегда выполнял план по золотодобыче. После 50 лет его мы выдвинули на повышение – зам. начальника управления цветной металлургии красноярского совнархоза, а там его талант руководителя поблек, и в связи с какой-то семейной неурядицей (хотя у нас он был хорошим семьянином) он уехал на восток и где-то затерялся.

Мне Алексей Иванович запомнился еще и добрым советом, который дал перед отъездом из района:

– Виктор Андрианович, вы много курите и подрываете здоровье, я чувствую, что у вас в связи с этим не все в порядке и с желудком. Я бы посоветовал вам ежедневно утром натошак перед тем, как выкурить папиросу, съесть столовую или чайную ложку меда и запить его теплой водой, то же повторить вечером перед сном.

Это мне сказал не обычный доктор, а ветеринар. Я этот совет выполняю вот уже скоро сорок лет, и с желудком у меня вроде стало нормально.

Крылова на руднике окружало много грамотных, одаренных, талантливых добросовестных работников, живущих, в первую очередь, ради своего горного предприятия, сильно верящих в завтрашний день. Эти еще молодые люди были бесребрениками, у них не было стремления к обогащению, к легкой беззаботной жизни. Вся их жизнь была в труде, так, по-видимому, воспитала советская пропаганда. Сегодня мне кажется, что тогда было именно такое поколение людей, полностью преданных идее социализма. Может быть, в душе тайком они и думали иначе, не верили в эту пропаганду, но лично я ни разу, даже в доверительной беседе, не слышал тогда открытых сомнений.

В то время на Советском руднике работали горняки высокой квалификации, преимущественно молодого возраста. Среди них мне запомнились начальники горных проектов и служб – Георгий Олейников, Петр Струговец, Николай Косенко, Николай Казаковцев, Евгений Швецов, Тархов, Бондин, Куклин. Из руководителей рудника – Николай Васильевич Черных, ставший начальником после Крылова, главные инженеры Елизарьев, Сериско, главный геолог В.Д. Загнойко. Начальниками золотоизвлекательной фабрики были А.С. Лобазин, П. Голобородько, Л. Швецова, В. Суханова, М. Поляков и другие.

Советский рудник выполнял план золотодобычи, около 1,5 тонны ежегодно, но шло постепенное обеднение руды за счет выемки богатых руд, и общие потенциальные возмож-

ности Советского месторождения оставались невыясненными. Этот вопрос сдерживал решение о реконструкции предприятия. В связи с этим нам удалось через крайком и совнархоз организовать работу экспертной комиссии Министерства геологии СССР под руководством крупного специалиста Чернышева. Комиссия на месте рассмотрела наши геологические материалы и доводы о перспективах Советского месторождения на глубину до 1000 метров. Имелась лишь одна пробуренная скважина, которая подтверждала наличие кварцевых тел с содержанием золота, но это дало нам возможность ходатайствовать о проведении генеральной реконструкции Советского рудника и строительстве новой фабрики.

В августе 1964 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о проведении реконструкции рудника, строительстве фабрики и линии электропередачи от Назаровской ГРЭС до Северо-Енисейска. Это было самым крупным нашим достижением. Постановление определило дальнейшее развитие района и его золотопромышленности.

Моим преемником в качестве начальника Тейской партии стал по моей рекомендации Сергей Дмитриевич Хоруннов. Партия вела камеральные работы в Северо-Енисейске. Ведение геолого-разведочных работ в Северо-Енисейском районе с базы Ангарской экспедиции было малоэффективно, и местные геологи были давно настроены на базе наших партий создать в районе новую самостоятельную геоло-

го-разведочную экспедицию с подчинением непосредственно Красноярскому геологическому управлению. Но руководство АГРЭ было против этого – кому хочется снижать свой статус и терять специалистов.

Геологическая и экономическая эффективность требовала этих структурных преобразований, поскольку снабжаться по-прежнему через Мотыгино было дорогостоящим делом, а прямых средств сообщения между Мотыгино и Северо-Енисейском не было, даже самолетом летали через Енисейск. Хотя геологическое руководство АГРЭ было профессиональным и нас устраивало.

И вот теперь я, пришедший к руководству районом, решил этот вопрос форсировать, прежде всего из-за государственных интересов – сырьевая база золота уменьшается, а новых месторождений и объектов нет, все геологические работы приурочены к старым районам золотодобычи. Нужно было расширение работ не только регионального плана, чем занимались наши геологические партии, необходимо было вести серьезные поисково-разведочные работы на выявленных рудопроявлениях золота. Район наш специализировался на золоте, и на выявление других полезных ископаемых мы не работали.

Первая моя встреча по созданию геолого-разведочной экспедиции в Северо-Енисейском районе с начальником Красноярского геологического управления Владимиром Дмитриевичем Челышевым состоялась в его резиденции в Красноярске

на пр. Мира, 37. Несмотря на то что он подписал тогда телеграмму, чтобы меня откомандировали в распоряжение Красноярского крайкома, я лично с ним до этого не встречался. И он меня не знал. Я же его несколько раз видел в геологоуправлении, еще когда он был начальником Западной экспедиции, но встретил он меня как знакомого геолога. Это был высокий крупный мужик, видный и авторитетный руководитель геологов, прошедший все ступени роста геолога, начиная с маршрутного, бурового рабочего, бурмастера, окончил технические курсы, а перед войной и Томский политехнический институт по специальности «техника разведки». Прошел войну и возвратился в звании майора. В общем, человек был заслуженный и добросовестный. На мою просьбу ответил категорическим отказом без всякой дипломатии, заявив при этом, что сейчас каждый руководитель района требует создания в своем районе экспедиции, но этого сделать не можем, исходя из ассигнований, выделяемых министерством. Но распрощались мы с ним дружески.

Первый блин комом, но отказываться от повторной встречи с ним по этому вопросу я был не намерен. Нужно было в первую очередь подготовить более прочные обоснования для организации экспедиции и найти поддержку более влиятельных людей в крае, в частности, в крайкоме и совнархозе.

Потребовалось время, и второй заход я решил предпринять уже через промышленный отдел крайкома. Александра Михайловна Портнова согласилась помочь мне вместе со

своим инструктором Марией Ивановной Косаревой. Члышев на эту встречу пришел с главным геологом Александром Сергеевичем Аладышкиным. Разговор был бурный, и Члышев наконец сдался под напором двух женщин-«большевишек». Он с угрозой, что выйдет с этим вопросом в ЦК КПСС, сказал, что через какое-то время мы создадим в Северо-Енисейске специализированную экспедицию на золото, и свое обещание где-то через полгода выполнил.

В общем, в первой половине года своей партийной работы я сумел создать задел по проведению намечаемых серьезных мероприятий по выходу из тупика как на краевом, так и на местном уровне, но для практической реализации нужна долгая повседневная работа.

На первом же пленуме после того, как я был утвержден в должности, меня избрали членом ревизионной комиссии крайкома партии, я стал вхож в кабинеты руководства крайкома партии и совнархоза.

Райком партии размещался в центре поселка в двухэтажном деревянном здании на втором этаже. Первый этаж занимал райисполком. Став членом исполкома и депутатом райсовета, я стал частенько заглядывать туда. Отношение к работе исполкома у меня было двоякое, я плохо знал все его функции и возможности, но чувствовал, что он недорабатывает, погряз в бумагах и решениях, а создавать социальные и бытовые производственные организации не хочет, все давит на рудник, а те и вправду не могут сочетать то и другое. Я

пытался Тремясову высказать свое мнение на этот счет, но он встретил его в штыки – зачем брать на себя лишние заботы и ответственность. А ведь можно было много сделать дополнительно по линии комунхоза, бытового обслуживания, торговли и общественного питания, конкурируя с приисковыми службами. Но перелома в этом направлении у меня не получилось.

Кроме основного здания райкома, через улицу напротив размещалось здание кабинета политического просвещения и партбиблиотеки, здесь же рядом размещалась редакция районной газеты и райком комсомола. В общем, все это выглядело, если смотреть сегодня, очень убого. Но жизнь и работа шла в этих помещениях активная. Люди не чувствовали неудобств, старательно работали и чувствовали, что все они приносят большую пользу партии и государству.

Профсоюзные организации существовали во всех производственных коллективах, а также в школах и больницах. Их отличительной особенностью было то, что они все входили в единый Северо-Енисейский районный профсоюзный комитет, а не в отраслевые, как в других районах края.

Возглавлял этот комитет долгое время Петр Максимович Желодов, бывший второй секретарь райкома партии в то время, когда я приехал в район, а также М.М. Голубцов. Эта организация была большим помощником партийных органов и предприятий по сплочению коллективов, проведению социалистического соревнования, охране трудового законо-

дательства, распределению жилья, выделению путевок в санатории и дома отдыха, рассматривала жалобы трудящихся.

Ежегодно проводили профсоюзную конференцию. Она всегда была многолюдной, а выступления на ней – активными. Особенно отличался Пьянков. Здесь критиковали все начальство района, кроме первого секретаря райкома. Проходила конференция в доме культуры «Горняк», а после ее окончания в спортивном зале организовывали грандиозное застолье с выпивкой – коллективную пьянку, которая заканчивалась далеко за полночь. Проходило все весело, культурно и без скандалов. Делегаты конференции были довольны результатами своего труда.

В руководящие профсоюзные органы избирались достойные люди на демократических принципах, и работали они добросовестно, несмотря на то что без оплаты труда, на общественных началах. Как тогда говорили, «профсоюзы – школа коммунизма». Моя супруга тоже была профсоюзным активистом в средней школе.

Моя семейная жизнь, несмотря на служебные изменения, протекала по тем же правилам и условиям. Моими друзьями оставались те же люди, в основном геологи и учителя, мы так же ходили на вечера друг к другу и на танцы, стояли в тех же очередях в магазинах и других учреждениях. В кино приобретали билеты, как все граждане поселка, избегая привилегированных мест. Жили в той же однокомнатной небольшой квартире с кухней, отгороженной тесовой стенкой, в дере-

вянном четырехквартирном доме. Носили воду из бочек или с ведрами ходили на недалеко стоящую водокачку. Материальная и социальная стороны нашу семью, как и прежде, не беспокоили. Галя была перегружена работой в школе и дома, обычно встречались поздно вечером. Зимними вечерами я возил на санках своих маленьких дочурок по горкам.

Месяца через два-три, видно, приисковому начальству стало неудобно, что первый секретарь живет в таких условиях (сам я ни разу не обмолвился, что мне нужна квартира), предложили мне переехать в освобождающуюся квартиру бывшего первого секретаря райкома комсомола Н. Гонзы. Квартира в удобном месте, но тоже без тепла и санузла. Переехали мы без труда, правда, имущества у нас прибавилось, теперь появилось пианино, геологи помогли его перетащить.

Конечно, кроме работы у нас были и другие дела, увлечение охотой и рыбалкой, но они ограничивались теперь временем. Я по-прежнему любил енисейскую тайгу, во все времена года. Зимой свободное время заполнял чтением и работой вокруг дома – уборкой снега и возней с дровами, отопление квартиры занимало немало времени.

Я все больше и больше удалялся от учебы в заочной аспирантуре. Теперь я задумал сначала подготовить «болванку» диссертации, а потом сдавать кандидатский минимум. Отрыв от производства вынудил меня поменять и содержание темы диссертации, сделав ее более связанной с экономикой, увязав с развитием золотой промышленности Ени-

сейского кряжа. Но упускались вопросы региональной геологии, не рассматривался состав руд и пород, поскольку с микроскопом или другими методами исследования не было возможности заниматься, и ходить в геологическую партию я не мог. Надо было по-настоящему заниматься новым делом, и вот так постепенно я забросил свою учебу в аспирантуре. Через год меня отчислили из нее по моей просьбе.

Связь с «материком», как тогда называли южные районы края и страны, мы не потеряли. Но я не был в отпуске несколько лет. Галя как учительница выезжала из Северо-Енисейска ежегодно, но поскольку в 1957 году умерла ее любимая бабуля в Тутаеве, которая ее с детства воспитывала, то она теперь ездила в Абакан к моим родителям или в Ярославль к своим дяде и тете. Оставаться на Севере без дела в летнее время было скучно и тяжеловато для здоровья.

Правда, в 1958 году мы, оставив ребятшек в Малой Минусе у моей тети Иры, поехали на ярославскую землю, где я познакомился с ее ближайшими родственниками, были в Ярославле, Тутаеве. У нее хорошими, добрыми были дядя Михаил Андреевич Сабуров, участник войны, главный механик на Ярославском моторном заводе, тетя Тося, сестра матери, и ее муж Владимир Егоров, тоже участник войны, настоящий представитель рабочего класса, работавший на Ярославском полиграфе токарем. Приняли они нас хорошо, и завязалась на многие годы настоящая родственная дружба. Мы там немного отдохнули и даже искупались в Которосле,

притоке Волги.

Из Ярославля мы по другой дороге, не через Москву, поехали в Ленинград и познакомились с северной столицей, хотя и поверхностно, но в последующие годы наверстали. Тогда мы разместились в гостинице колхозного рынка, но провели время хорошо. Обратно в Сибирь ехали через Москву, где остановились на пару дней у Назара Павловича Неволлина.

Теперь мы в отпуск решили ездить ежегодно, нельзя себя мордовать одной работой – надо и мир посмотреть, и полноценно отдохнуть. Следующий раз решили ехать в Сочи, мне по должности полагались ежегодная путевка в санаторий и бесплатный проезд. Гале же хотели снять комнату в Сочи и вместе отдохнуть. Но в крайкоме получить путевку в Сочи для отдыха летом не так-то просто, поскольку желающих больше, чем путевок. Мне дали путевку в партийный санаторий им. Ленина, но ко мне обратился первый секретарь Норильского горкома И.А. Савчук, инвалид войны, с просьбой передать ему путевку, поскольку едет с женой, а мне взамен обещал дать путевку в норильский санаторий «Заполярье» там же, в Сочи, с условием, что меня комфортно разместят в любое время и смогут продлить срок пребывания на отдыхе.

Не мог же я отказать этому заслуженному человеку, да еще инвалиду с одной ногой. Мы выехали из Северо-Енисейска, как и планировали, семьей, затем ребяташек завезли в Абакан и сами поехали в Москву. В крайкоме мне ска-

зали, что могу обратиться в лечебный сектор ЦК на Старой площади и попросить для супруги путевку, они всегда внимательно относятся к секретарям с периферии. Принял меня сам зав. лечебным сектором и без проблем дал задание выделить мне путевку для жены, но уже в санаторий «Правда». Теперь мое удостоверение первого секретаря стало визитной карточкой во все высшие партийные и советские инстанции Москвы, единственное место, куда нужно было выписывать пропуск, – это на четвертый этаж главного входа в ЦК КПСС, где находилась приемная генсека Н.С. Хрущева.

Путевку выделяли за 50 процентов стоимости как члену семьи. Мы, конечно, обрадовались, но, оказалось, немного преждевременно. В канцелярии сектора ЦК потребовали от нас санаторную карту, а у нас, «туземцев», ее не было. Меня немного пожурили и здесь же нашли выход – направили нас с Галей в поликлинику ЦК на Кутузовский проспект, куда позвонили, чтобы Галя прошла требуемые врачебные кабинеты без задержки. Однако на одном специалисте она споткнулась – эндокринологе, та обнаружила увеличение щитовидной железы и заявила, что с этой болезнью в Сочи отдыхать не рекомендуется. На себя ответственность в выдаче санаторной карты она не взяла и сказала, что завтра в такое-то время здесь будет вести прием один из знаменитых профессоров по этой болезни и определит, стоит ли давать карту.

Мы, конечно, были расстроены не только тем, что запрещают поездку, но главное – наличием этой болезни у Гали.

Поехали в гостиницу «Бухарест», пообедали в буфете и пошли гулять по Москве, ожидая следующего дня.

Профессор подтвердил заключение врача, но прежде чем решить, что с нами делать, он позвал меня, находящегося в коридоре клиники. Пожилой добродушный человек обратился ко мне с просьбой-наставлением, чтобы, на мою ответственность, супруга не загорала на солнце, старалась находиться в тени и поменьше купаться. Он при этом условии подписывает разрешение. На том мы с благодарностью распрощались с врачами и пошли выкупать путевку. В этот же день выехали в Сочи.

Со времени сороковых годов Сочи сильно изменился как курортный город, похорошел, стал более многолюдным, на улицах уже не было отдыхающих и раненых военных с палочками и костылями, расхаживающих в полосатых пижамах. Сюда понаехал весь советский люд, который никогда еще по-настоящему не отдыхал, и совсем не было заметно современной элиты, она просто не выделялась среди серой массы людей, соблюдая приличия равенства всех между собой. По городу уже ходили троллейбусы, на вокзале к поездам приезжали санаторные автобусы для встречи своих отдыхающих.

Первым делом мы поехали в санаторий «Правда» для размещения Гали. Санаторий в центре, вернее, недалеко от центра вблизи моря, там в основном отдыхали работники газет, радио, журналисты. Потом я уже направился в санаторий

«Заполярье», принадлежащий Норильскому комбинату, это уже в другой части города, за Ривьерой. Сочи я знал давно и хорошо в нем ориентировался.

Прием в санаторий прошел без проблем. Разместили в престижном корпусе, бывшем особняке Лаврентия Берии, стоящем у самого моря. Он построен в восточном стиле, и там все было только для размещения высокой особы – апартаменты Берии, его столовая и комнаты отдыха, а дальше помещения для помощника, адъютанта, охраны и обслуживающего персонала. Меня разместили в одной из комнат Берии, поскольку путевка предназначалась для первого секретаря Норильского горкома, который решил отдохнуть и полечиться подальше от своих горожан, да это, наверное, правильно – меньше застолий.

Ночевал от супруги отдельно, утром принимали процедуры, а после обеда встречались, и весь день до глубокой ночи мы были вместе. В это же время в Сочи приехала моя сестра Дуся со своим мужем Леонидом, и иногда мы вместе посещали рестораны, которые тогда не очень были заполнены людьми, и цены в них для нас были вполне приемлемы. На юг тогда приезжало много театральных звезд, поскольку граница для них тоже была закрыта, выезд за рубеж был ограничен. Послушали мы тогда Айдиняна, московских цыган и другие творческие коллективы. В общем, отдохнули неплохо, а лечения, собственно, никакого не было, мы еще тогда были молоды и здоровы, хотя и опасались развития заболе-

вания щитовидки у Гали.

И снова Северо-Енисейск, но мы туда уже не ехали, как на каторгу, там был наш дом, работа, дети. Работа так поглощала, что незаметно проходило лето, готовились к зиме. Караван в тот год прошел успешно, все грузы, отправленные из Красноярска и других пунктов, полностью пришли. Для разгрузки ежегодно принимались мобилизационные меры вплоть до привлечения оргнабора – за месяц справиться с переработкой грузов с пароходов было непростым делом.

Отличался на этих работах как руководитель Тимофей Ланский (зам. начальника РГУ), его так и звали – «волк брянский». Это был мужик богатырского телосложения, и все боялись ему в чем-то перечить, мог своими руками смять, его даже побаивались отъявленные уголовники – боялись больше, чем милиционеров. Человек он был безотказный в работе, на нем держался и весь транспорт, и дороги. Под его руководством был построен клин, которым очищали зимой дороги от снега. Это интересное и в то же время простое приспособление давало возможность расчищать дорогу на всю ширину его полотна до самой земли по тракту Северо-Енисейск – Брянка. А вот южноенисейское управление не могло до этого додуматься, чистили снег слабосильными бульдозеришками, и никогда там не было хорошей зимней дороги. Уж потом мы их заставили перенять опыт северян.

Но сама жизнь и работа не были спокойными, все случилось что-то непредвиденное, особенно на горных предприя-

тиях – то обвалы, то пожары. Самое большое происшествие случилось в тот год на Совруднике. При проведении буровзрывных работ завалило породой двух горняков, а одного ранило. Групповой несчастный случай, ЧП, принимали все меры, чтобы освободить горняков из-под руды. Я дважды спускался в забой, принимали все возможные меры, но людей спасти не удалось. Прибыла краевая комиссия, наказали виновных за нарушение правил техники безопасности, а людей-то нет. Рассмотрели этот вопрос на бюро, потом мне пришлось объясняться с первым секретарем крайкома А. А. Кокаревым. Первый раз получил такой разнос, здесь он был жесток в выражениях, потом видит, что меня уже довел до кипения, сам успокоился и перешел на ровный разговор. Мне думается, он в душе пожалел, что так воинственно со мной вел разговор. Да и в самом деле, причем здесь я, разве виноват в смерти этих несчастных горняков руководитель района?

Это был первый и последний жесткий разговор со мной со стороны А. А. Кокарева. Потом, когда он успокоился, то посоветовал покрепче держать руководителей горных предприятий по технике безопасности и дальше спросил:

– А золото воруют у вас на руднике и приисках?

Я ему стал рассказывать, какие меры мы принимаем во избежание воровства. Что воровать у нас практически невозможно, все под контролем. Кокарев в ответ сказал:

– Помни, золото – липкий металл.

И надо же так случиться буквально через месяц: я прихожу на работу, и мне звонит А. И. Крылов, просит срочно принять его. Он сообщает, что утром обходчик обнаружил в вентиляционной трубе мешок с богатой рудой с видимым золотом. Потом мне показали эту руду – там кварца меньше, чем золота. Когда руду переработали на фабрике, то получили около восьми килограммов чистого золота.

А украл его маркшейдер Олег Агафонов, после отпалки раньше всех в забое оказался и не удержался от соблазна. Этот маркшейдер – муж одной учительницы, он был на нашей свадьбе и так хорошо и весело играл на баяне. Молодой мужик – техник, учился заочно в институте, и надо же было ему позариться. Правда, говорят, что золото губит людей. Потом по просьбе жены я пытался ему в какой-то степени помочь, не расстреливать же за это человека. Ему дали семь лет, попал он «на химию», досрочно освобожден, и опять попал в неприятность, теперь уже в аварию с мотоциклом, и погиб. А какой был хороший парень и семьянин!

Наступила осень, и начались аварии на драгах, все хотели продлить сроки их работ, а зима есть зима – то лед в разрезах, то котлы лопаются от перегрева, то дров не хватило. На Нойбе утонула драга – опять ЧП! Поехала туда комиссия, потом на лошади добирался туда и я. Но что поделаешь, старая драга с понтоном, которому больше лет, чем человеческой жизни. Главный механик «Енисейзолота» Шишкин и главный дражник приискового управления Петр Федорович

Цой там остались производить подъем драги.

Всегда что-то происходило, и никакой спокойной жизни не было. А здесь еще телефон домашний. Отключать его неудобно, тем более он был не автоматический, вызывали телефонистки, и вот целый вечер, а то и поздно ночью кто-нибудь да звонит – то по семейным делам, то не приходит скорая помощь и т.п. Иногда телефонистки меня жалели и не подключали к телефону.

Но со временем пришла пора, когда надо было осмысливать свою деятельность: не браться за все и вся, жизнь района идет по своим законам, и на все происшествия нужно смотреть по-философски, научиться управлять собой и разграничивать, что должен делать ты сам, а что другие. Надо учиться и работать, и уметь отдыхать, надо проявлять заботу о семье и уделять внимание детям, надо и расслабляться. Давно уже я не был в тайге.

И вот как-то ко мне пришел Иван Андреевич Воронов, начальник «Золотопробснаба», заядлый охотник и рыбак. Он предложил мне в конце сентября поехать на рыбалку в верховье Большого Пита. Заехать туда на лошадях, а потом спуститься вниз по течению на плотках до Пит-Городка. Предложение было заманчиво, но по времени меня не совсем устраивало. Я в тех местах еще не был, но в целом тот район знал, работая в геологии. Летом я уже ездил на лошадях на бывший рудник Аяхту со вторым секретарем райкома партии А.В. Кирилловым.

Помню и такой случай, от которого бросает в дрожь – мы с Александром Васильевичем приехали в Пит-Городок, разместили нас в какой-то заежке. Мы только что выехали из леса. Я в комнате снял с плеча карабин и машинально, уверенный, что карабин без заряженного патрона, нажал спусковой крючок. Карабин выстрелил, он был направлен в стену, и неизвестно было, кто находится за стеной. Я побелел, а Кириллов был ошарашен – надо же было допустить такую небрежность, тем более взрослому человеку. Хорошо, что ствол был направлен в стену, за которой была улица, а не на человека.

Воронову не пришлось меня долго уговаривать, я согласился с его уже разработанной программой поездки, тем более я его уже знал как наиболее порядочного человека, руководителя и семьянина, у которого три или четыре дочери, и он все ждет сына. Он бывший помпрокурора района на юге, участник войны, служил и в Смерше, хотя эту братию он сам недолюбливал, у него всегда были конфликты с прокурором, милицией, всегда защищал честность своих работников.

Он много делал для улучшения снабжения населения района продовольственными и промышленными товарами и культуры обслуживания, хотя у него не было специального торгового образования, он по образованию юрист, но любил работу в торговле.

До поселка Еруда мы доехали на райкомовской машине, а дальше для нас были подготовлены четыре лошади, которые

должны были довести нас по таежной тропе до истоков Большого Пита. Там намечалась остановка, чтобы сделать плот. Будем спускаться вниз и рыбачить удочкой, а где можно, и небольшой закидной сетушкой. С нами был приятель Воронова по рыбалке, молодой мужик, грузчик брянской базы, и возчик, который должен был вернуться в Еруду. За день мы добрались до места и расположились на ночь. Лошадей хотели сразу отпустить, потом перенесли на следующий день, что-то тревожно было с уловом. Мы поднялись на несколько километров вверх по притокам, где в ямах обычно в это время должен скапливаться хариус. Но оказалось, что мы опоздали – хариус уже скатился в русло Пита.

Построив плот из сухих деревьев, мы стали спускаться вниз по реке, забрасывая удочки, но хариус на обманку уже не берет, а червей не накопили, да и Воронов не привык рыбачить на них. Улов у нас был плохой, но все равно нужно было сплавиться, и кое-где удалось подсечь рыбу. Пройдя по реке первый день, мы остановились в избушке Немунь, вроде так называлось зимовье, рядом была небольшая поляна, где можно было покормить лошадей. Воронов уже принял решение, чтобы лошади покинули нас, но я его убедил, что погода портится и может наступить мороз, и он потом с этим согласился – пусть с нами переночуют, а завтра пойдут в Еруду.

Пойманной рыбы нам хватило, чтобы сварить хорошую вкусную уху. Воронов в этих вопросах был очень щепетиль-

ный. Он варил уху, соблюдая все правила, и на всех ворчал, что не вовремя бросили в котел лук или лавровый лист, и спирт наливал тоже строго по норме, в общем, в этом плане был занудой. Легли на раскинутые спальные мешки в хорошо натопленной избушке и спали, как мертвые, ухайдакавшись накануне.

Утром просыпаемся, а за порогом снег и мороз такой, что наш плот вмерз в воду – чтобы его снять, нужен трактор. Все, на этом рыбалка закончилась, теперь только бы добраться до дома. Хорошо, что не отпустили лошадей. Что было характерно для Воронова – на период рыбалки он официально взял отпуск в счет очередного, а за лошадей было оплачено в кассу продснаба по соответствующему тарифу. Сами взяли отпуска, здесь с нашей стороны не было злоупотребления служебным положением в личных целях. Даже за утку, которую как-то сварили в Пит-Городке, он заплатил, а этих уток в тот год в подходе были тысячи. Но это отступление.

Рыбалка закончена, решили ехать на лошадях в Еруду, теперь уже совсем близко. Мы были вооружены карабином, ружьем, а у меня еще был пистолет. Отъехав несколько километров от зимовья, мы услышали задорный лай собаки, принадлежащей нашему возчику. Воронов пошел посмотреть, на кого лает собака. А мы остановили лошадей и стали ждать его прихода. Вдруг раздался один выстрел, потом другой, и мы, затаив дыхание, стали прислушиваться, в кого он стрелял. Затем подходит Воронов с довольной улыбкой, и гово-

рит, что убил в берлоге медведя, нужно его доставать. Привязали лошадей и направились к берлоге. Видим, из большой отдушины торчит медвежья оскаленная и окровавленная морда. Для того чтобы его вытащить, решили на пасть накинуть веревку и тащить.

Как всегда, начальники приказывают, подчиненные исполняют. Возчик был самый молодой из нас, вот ему и поручили надеть на морду медведя петлю, а сами его за ноги держали, пока он спускался в яму. И вдруг, как только он затронул морду медведя, берлога вся зашевелилась, затряслась буквально, и в отдушине появилась вторая медвежья морда, но он выскочить из берлоги не мог, поскольку путь ему загородил первый медведь. Парень сразу закричал, завопил, мы его быстро за ноги успели выдернуть из берлоги. Теперь уже стали стрелять во второго медведя мы вдвоем с Вороновым, он из карабина, я из пистолета.

Второй медведь то появится, рыча в горловине, то исчезнет, а берлога ходит ходуном, мы уже боимся, чтобы он не нашел, не пробил другой выход из нее. Стреляли мы много раз, наконец его морда легла рядом с первым медведем, он был мертв. Теперь молодой парень уже не полез набрасывать петлю, решили эту проблему другим способом. Как только потянули первого медведя, послышалась новая встряска берлоги, рев и рычание. Люди часто повторяют пословицу, что «два медведя в одной берлоге не живут», когда хотят подчеркнуть, что сошлись два равных противника и они на-

чинают между собой противоборство. А в нашем случае оказалось, что зимовать в одной берлоге согласились даже не два, а три медведя.

Но как теперь нам достать еще третьего медведя? Он свою морду не показывает. А берлога ходит ходуном. Тогда вырубил большой и длинный кол и решили пробить отверстие через крышу берлоги. Она оказалась толстой, но наконец медведь стал хватать своими зубами кол и его трясти, рвать. Теперь уже в это отверстие мы начали палить из всего оружия, пока не уняли животное. Так оказались в берлоге три медведя: медведица, двухгодовалый пестун и годовалый медвежонок, почти полноценный медведь, способный задрать не только животного, но и человека.

Разделка медведей заняла полдня и, нагрузившись добычей, мы направились в поселок. Была трудность погрузить медвежатину на лошадей, которые чуют их, шарахаются, и никак на спины не хотели принимать такой груз. Все мои спутники сразу наелись медвежатины, расхваливая ее вкус, лишь я один не ел. Я не ем медвежатину, не только из-за старообрядческих канонов, а просто для меня это псина. Мне пришлось в тот день довольствоваться черствым хлебом и еще не просолившимся хариусом. Вот так и закончилась моя рыбалка в 1962 году. Вся эта поездка заняла у нас в общей сложности пять суток, а впечатлений оставила на всю жизнь. Места для рыбалки в верховьях Большого Пита удивительные, а вот выбрать время съездить туда я так и не нашел, хо-

тя много лет собирался.

Осень была совсем неспокойной. После XX съезда партии Никита Хрущев совсем осмелел, в смысле политических и хозяйственных реформ, стал уже проводить свой личный курс, хотя и подчеркивал коллективность руководства в Политбюро ЦК КПСС. Формально это и происходило, потому что члены Политбюро угодничали перед Хрущевым, все его новшества коллективно поддерживали, не перечили, боялись за свои теплые места, аплодировали, присуждая ему все новые и новые высокие награды, а он верил, что это делается за его истинные заслуги. Свалив своих основных оппонентов из сталинского окружения – Молотова, Маленкова, Кагановича и других, теперь он просто не видел в своем руководстве оппозиционеров, поскольку все были лично его выдвинутыми, и шел напролом.

Укрепляя деятельность совнархозов, он теперь выдвинул программу развития сельского хозяйства. Все партийные пленумы, конференции и бюро везде были посвящены вопросам сельского хозяйства. Даже у нас в районе, где практически не было товарного сельского хозяйства – что производили, то и потребляли на месте, не вывозя из района, провели пленум райкома, посвященный вопросам развития сельского хозяйства.

А в сельхозрайонах и областях сплошь и рядом летели головы партийных руководителей. Куда приезжал Хрущев, где идут плохо дела, там сразу снимал первых секретарей. Под

эту зачистку попал и первый секретарь Новосибирского обкома Кобелев, который числился известным и многообещающим партийным руководителем. После снятия он приехал в Красноярск и стал работать директором комбайнового завода.

Все было брошено на развитие сельского хозяйства. Помню, как на пленумы и активы края всегда приглашали не только партийно-хозяйственный актив, но и большое количество передовиков сельскохозяйственного производства. И вот они, бедные, особенно крестьянки, привыкшие к тяжелой работе, сидеть на собраниях не могут, жарко и душно от скопления людей, и их тянет в сон. Обычно после сытного обеда некоторые засыпали с храпом. И нужно прямо сказать, что в те годы много было сделано для того, чтобы поднять с колен колхозы и совхозы. И как бы Хрущева не критиковали и словесно не издевались над ним по поводу кукурузы, в действительности кукуруза спасла наше сельское хозяйство и животноводство от полного разорения. Наша беда в том, что мы не знаем меры дозволенного – сказали сеять кукурузу, так бросились эту команду исполнять там, где она не растет и где почвы не позволяют ее сеять, тем самым саму идею скомпрометировали.

Никто не хочет сегодня вспоминать того, что с приходом Хрущева к руководству страной в магазинах начала появляться свободная торговля мясом, оно уже было не только в столовых. Это можно было видеть в Красноярске, где можно

было купить в достатке и мясо, и колбасу, и изделия из мяса. Несмотря на ошибки Хрущева, которые сводились к тому, что его постановлениями был подорван частный сектор по дойному стаду в городах, рабочих поселках и в личном пользовании крестьян, он считал, что будущее – в коллективных хозяйствах, работающих на промышленной основе.

Но до нас слабо доходили реформы в сельском хозяйстве, поскольку это был промышленный район. Спрашивали всех за добычу золота, и тому была подчинена вся партийно-хозяйственная и политическая работа. Мы в тот год осваивали запущенную в эксплуатацию Енашиминскую ГЭС. Эта электростанция отличалась от других сибирских прежде всего своей конструкцией – была не водопрудной, с водоемом, а гравитационной, то есть река Енашимо заводилась на высокий уровень и оттуда был сброс воды на турбины. И не совсем удачный был выбран район для ее строительства. Река в том месте проходила через трещиноватые граниты, и была не только сложность проходки деривационного канала, но и его цементирование, перекрытия, а это большая площадь, и потребовалось много времени. И наконец, другая сложность: для перекрытия канала предусматривались железобетонные плиты, а их караваном не привезли к моменту пуска ГЭС в эксплуатацию.

По распоряжению руководства совнархоза приехал В.Г. Туровец, было принято решение перекрыть деривационный канал деревянной конструкцией. Это привело к крупным

неприятностям в работе турбин из-за засорения водных потоков песчано-гравийными смесями. Потом все пришлось переделывать. Но сама ГЭС многие производственные проблемы района сняла.

Отличился на этих работах Николай Федорович Ростовцев, пожалуй, в районе он был самым крупным мужчиной по комплекции. Он был оптимист, весельчак и юморист. Любил выступать на всех общественных мероприятиях. Помню, очень сочно рассказывал о наших генералах во время Отечественной войны, о их боязни за свою жизнь. Мог и раскритиковать районное начальство, и его за это побаивались. Он любил поесть и выпить, у него с собой всегда была своя большая ложка, напоминающая черпак. Долгое время он был начальником транспортного цеха Енашиминской ГЭС. В целом это известная личность в районе, уважаемая, его побаивались шофера, мог и заехать по физиономии за ротозейство и халатность.

Небезызвестна была и еще одна личность – руководитель среднего звена, начальник драгстроя в Верхнем Енашимо Т.М. Хромогин, потомственный дражник. Знали его как любителя поохотиться, но работник был добрый и знающий специалист дражной добычи золота. Один раз он поехал в отпуск. Скопили денег для того, чтобы купить для семьи легковую машину (тогда это уже пошло в моду). И вот всей большой семьей его проводили на самолет, где-то дней через 15 возвращается раньше из отпуска. Его опять вся семья встре-

чает в аэропорту, а он с легким чемоданом. После застолья спрашивают: «А где же «Победа»? (тогда лучшая наша машина). Он объясняет: «Шел вечером с деньгами, уже договорился о покупке, и ко мне подходят два человека, спрашивают закурить, я им дал, и потом они же меня за это измолотили и потребовали отдать деньги, пригрозили, что иначе убьют». «И что же ты сделал?» – спрашивает жена. Он ей отвечает: «Ну я и отдал деньги, что были, жизнь-то дороже денег». Жена говорит: «Ну и правильно сделал». А под утро до нее дошло, что он ее просто дурачит. Поднажала на него, и он сознался, что в Красноярске «с красавицами» прогулял все деньги, предназначенные для покупки «Победы». Жена погоревала, но не разводиться же из-за этого, потом помирились.

Вторым крупным пусковым объектом золотодобычи была вновь построенная, первая в Союзе с такой мощностью, 250-литровая драга, отвечавшая последним достижениям дражной золотодобычи. Полигон, на котором она была построена в устьевой части Дыдана, был крупновалунистым, приходилось прибегать к помощи бульдозеров, поскольку глыбы были по размерам больше черпаков в несколько раз. Но с этой проблемой мы справились.

Наступил ноябрь, начались сильные морозы, и поскольку нам оставалось совсем немного, чтобы выполнить годовой план по россыпной добыче, то решили удлинить срок работы 121-й драги. Когда мороз ударил свыше 50 градусов,

в то утро мне сообщили об аварии: на 121-й драге лопнула черпачная рама и драга остановилась. Мы сразу с Е.И. Бодягиным и его специалистами поехали в Калами и на полигон. Оказалось, что металл, из которого сделана массивная рама, не выдержав мороза, лопнул – как отпилило. Вызвали с завода-изготовителя представителя и стали разбираться в причинах поломки, а плановый долг по металлу дражников пришлось покрывать Соврудником. Но план года районом по добыче золота был выполнен. Начальником прииска Калами был опытный и всеми уважаемый Георгий Пинаев, раньше он работал на электродраге прииска Дражного (драга № 18). И вообще, нужно еще раз подчеркнуть, что начальниками приисков в енисейской золотой тайге был особый народ – трудолюбивый, исполнительный, прошедший школу от заготовителей дров, масленщиков, машинистов и драгеров. Люди в большинстве нелегкой судьбы, но в полном смысле партийные, пришедшие в нее не за служебной карьерой, а по духу, по идеологии – честные, порядочные, бескорыстные и человечные. Я еще о них скажу. И именно к таким людям относился Пинаев.

Вся осень 1962 года была беспокойной. Хрущев задумал новую реформу, теперь непосредственно партийных органов, чтобы обновить всю систему управления страной. Первый шаг в этом направлении он уже сделал в 1957-1958 годах, когда ликвидировал промышленные министерства и создал крупные региональные структуры управления промыш-

ленностью в виде совнархозов. Теперь он перешел ко второму этапу – партийной реформе. Ему казалось, что партийные органы не занимаются конкретно руководством сельским хозяйством, плохо его знают, и темпы его роста отстают от требований партии. Он часто менял секретарей обкомов и крайкомов, но считал, что эта мера недостаточна. И вот пришел к новому выводу – организационному.

Решено было разделить партийные органы в регионах на сельские и промышленные, и при этом еще сократить численность партийных комитетов районного звена, а значит, и территориально-административных образований – районов. Как всегда, с его мнением Политбюро ЦК КПСС единодушно согласилось, но все решал лично он, несмотря на коллегиальность руководства, о чем не забывал напоминать народу. На самом же деле все было не так, стиль и методы руководства страной оставались сталинские, только под вывеской «хрущевские». Все избранные деятели в Политбюро ЦК КПСС заглядывали Хрущеву в рот, и никто ему не перечил, даже глубоко сознавая, что это неправильный путь, и он не принесет пользы государству. Так и в данном конкретном случае – предложенная структура реформ Хрущева была единодушно одобрена не только Политбюро, но и пленумом ЦК КПСС, и машина завертелась. Причем все делалось быстро и оперативно. В начале зимы новые веяния дошли и до нас.

Решения ЦК КПСС были рассмотрены на пленуме край-

кома, где тоже никто не выступал против, за исключением единиц, которые говорили о сомнительности этих мероприятий в Красноярском крае. И потом, еще никто не знал, что ждет лично его – останется ли он у руководства районом, городом. Разъезжались по домам все с чувством неуверенности в завтрашнем дне. Лично мне терять было нечего, я мог вернуться снова в геологию, прелести партийного чиновника я еще не испытал, кроме полной отдачи своих физических и умственных сил за дело, к которому представлен по воле судьбы.

Через некоторое время нас, первых руководителей районов и городов, вызвали в Красноярск для обсуждения разработанной специальной комиссией края под руководством ЦК новой организационной структуры партийных органов края. В Красноярском крае предусматривалось создание Промышленного и Сельского крайкомов партии и, соответственно, крайисполкомов, даже комсомола и профсоюзов. Дальше идут производственные промышленные зоны, куда входят по несколько районов, сообразуясь с доминированием соответствующих экономик и отраслей производства. В крупных городах были самостоятельные партийные комитеты, с непосредственным подчинением Промышленному крайкому. Таким примерно образом и распределили сельские зоны и входящие в них районы.

Наш Северо-Енисейский район по этой структуре относился к Мотыгинской производственно-промышленной зоне

– это сегодняшнее Нижнее Приангарье с теми же промышленными направлениями – район развития преимущественно горнорудной промышленности, геологии, энергетики и частично лесной отрасли. Основная лесная отрасль края сосредотачивалась в Богучанской промышленной зоне. Таким образом, наш Северо-Енисейский район фактически объединяли с Удере́йским районом с центром в п. Мотыгино.

На заседании комиссии нам предоставили возможность выступить со своими замечаниями и предложениями. В работе комиссии участвовали секретари крайкома, кроме А.А. Кокарева. Он, как говорили, был удручен реорганизацией, но на людях не появлялся и это не высказывал. Я выступил категорически против слияния районов и попытался обосновать на геологических данных возможность самостоятельного существования и развития Северо-Енисейского района. А также привел ряд выкладок социального плана: отсутствие между районами транспортных связей, и во что это обойдется государству и населению. В общем, выступил с комсомольским задором. Более умеренно выступил мой коллега, секретарь Удере́йского района Александр Григорьевич Убиенных. У него выступление было менее категоричным, он был очень опытным партийным руководителем и, наверное, знал, что наши возражения уже ничего не значат, если эта структура уже согласована в ЦК КПСС и принята.

После нас выступил начальник планового отдела совнархоза, и все наши возражения и экономические расчеты

развевал экономической программой комплексного развития производительных сил Нижнего Приангарья, которая уже была представлена в правительство, – создание здесь мощнейшего горнопромышленного комплекса на основе крупнейших в тот период месторождений в Нижнем Приангарье. Так нас не только не поддержали, но и осудили в местничестве и непартийном подходе к важным мероприятиям партии.

В общем, структура и здесь в целом была одобрена, и нам оставалось ждать практических решений. После заседания комиссии мы пошли с Александром Григорьевичем в гостиницу, где вместе остановились на ночлег, а вечером совместно поужинали, немного выпили и более близко познакомились. Теперь оставалось ждать, кому из нас доверят возглавить новое партийное и административное образование.

Решение об объединении районов сильно обеспокоило людей, которые работали в партийных и советских органах этих районов. Ко мне стали поступать различные вопросы, но что я мог ответить? Я все еще не знал, как поступят со мной.

Наступили и прошли ноябрьские праздники. Особенно мне запомнился митинг поселка Северо-Енисейского, посвященный этому революционному празднику, который состоялся на площади у дома культуры «Горняк», где на трибуне мне пришлось выступать с приветствием. Мороз за минус пятьдесят, и стоять на улице было очень холодно, но на-

роду пришло много, и все было празднично, по-северному, по-пролетарски.

Наступил новый, 1963 год, и он весь прошел беспокойно, в ожидании перемен. Меня вызвали в крайком и сообщили, что я утвержден председателем оргбюро по созданию нового партийного органа, куда вошли представители обоих районов, и нужно немедленно готовить районную зональную партийную конференцию для избрания партийного руководства. К работе приступить немедленно, в Мотыгино уже сообщено, Убиенных знает, мне надо вылететь в Мотыгино с представителем крайкома и обсудить там все организационные меры по проведению конференции. Кто возглавит новый партийный орган, ответа не было – решит конференция, но ориентация пока на меня.

Прилетел я в Мотыгино, где не был уже около года, остановился по привычке в заежке Ангарской экспедиции и пошел в райком. Убиенных уже собрал членов оргбюро и наметил план проведения конференции. Проблема была в том, как собрать членов райкомов двух районов где-то в одном месте, и при любом раскладе нужно было на нее везти много коммунистов. Остановились на Мотыгино, хотя и здесь сплошные проблемы – нет соответствующего зала заседания, гостиницы и т.д. Аппараты обоих райкомов стали готовить документацию, сообщать делегатам о выезде, решать транспортные вопросы.

Нам же нужно было согласовать кадровые вопросы и меж-

ду собой, и с крайкомом. Для меня было ясно, что крайком в руководстве новым районом сделал ставку на меня, поскольку назначили председателем оргбюро. А как с другими руководящими работниками поступит крайком? Об Убиенных крайком позаботился сам, учитывая, что Александр Григорьевич профессиональный партработник. Он был длительное время первым секретарем Туруханского района, потом первым секретарем Эвенкийского окружкома партии, и уже четыре года был первым секретарем Удере́йского райкома. К нему надо было проявить максимум внимания. Он партработник из «сталинского призыва», в свое время окончил совпартшколу, что приравнивалось к незаконченному высшему образованию. По возрасту ему оставалось несколько лет до пенсии, всю войну был руководителем района, поэтому руководство крайкома должно было к нему подойти более внимательно. Убиенных предложили пойти работать первым секретарем Кежемского райкома, в то время не представляющего для экономики большого значения – там не было ни хорошего сельского хозяйства, ни промышленного производства, и он охотно согласился.

Таким образом, кадровый вопрос с первыми руководителями объединяемых районов вроде был решен без ущерба. Но вот с председателями райисполкомов положение было сложным. Нашего А.Е. Тремясова крайком почему-то зачислил в разряд неперспективных, хотя он уже был и первым секретарем Казачинского района, и четыре года проработал

в Северо-Енисейском райисполкоме. По-видимому, у него с Кудрявцевым работа шла не дружно, ему в нашем районе не предложили занять место председателя, разыскали меня. Посоветовали мне найти ему работу на хозяйственно-административном поприще, что я и сделал, предложив ему должность заместителя начальника приискового управления по кадрам. Он согласился, хотя и с неохотой, ведь никогда не работал на производстве, а был все время на партийно-советской работе.

Председателем Удере́йского райисполкома был Кузьменко. Его крайком рекомендовал направить председателем Богучанского райисполкома, а к нам председателем был рекомендован Михаил Яковлевич Ким, партийный зубр, который был на партийной работе в должности первого секретаря, наверное, с 1938 года. Эту должность он занимал в Северо-Енисейском, Енисейском и Богучанском районах, тоже человек сталинского призыва, из рабочих.

Секретарями райкома нового района были рекомендованы все североенисейские, однако А.В. Кириллов попросил меня помочь ему перевестись на партработу в Красноярск, учитывая, что в Удере́йском, бывшем Южно-Енисейском районе, он вырос, оттуда уходил в армию и снова вернулся, у него там много родственников, и ему бы хотелось изменить место работы. Я к этому отнесся с пониманием, дав ему хорошую характеристику, и его взяли в крайком партии инструктором. Таким образом, секретарский расклад прошел

по следующему сценарию: первый и третий секретари были североенисейские, а должность второго занял бывший удерейский секретарь Михаил Васильевич Котенёв 1924 года рождения, бывший офицер, участник Великой Отечественной войны, человек исключительно порядочный и работоспособный. Он окончил заочно Черногорский горный техникум. Еще из бывших первых секретарей прислали для трудоустройства Николая Петровича Морозова, первого секретаря Кежемского райкома партии. Таким образом, в районе оказалось четверо бывших «первых», которые могли создать мне, малоопытному партработнику, солидную оппозицию.

Остальные кадровые вопросы решались проще, людей было достаточно для выбора наиболее пригодных для этой работы. Председателем комитета партийно-государственного контроля был утвержден Николай Григорьевич Погодаев, бывший заворотделом Удерейского райкома. Редактором газеты «Ангарский рабочий» оставлен в должности Петр Иванович Никандрин, исключительно всесторонне образованный человек, очень честный и порядочный, литератор и музыкант, но как руководитель коллектива – либерал, мягкий. На всех организационных перетрясках наших районов был завпромотдела крайкома Георгий Константинович Фридовский, он теперь эти районы хорошо знал.

Несмотря на все сложности и трудности, организационную работу мы провели, на партконференции избрали руководящие партийные и советские органы района, выбра-

ли делегатов на краевую, теперь промышленную, партийную конференцию, которая тоже должна была избрать свои руководящие партийные органы. По замыслу ЦК КПСС первым секретарем Сельского крайкома должен был стать Александр Акимович Кокарев. Туда кадры подбирались с большим предпочтением, чем в Промышленный крайком, это был наиболее тяжелый участок деятельности. Кокареву дали преимущество в подборе краевых кадров, так он и сделал на свое усмотрение, взял наиболее надежных людей. У нас же председателем оргбюро назначили бывшего секретаря крайкома по промышленности В. Ф. Гаврилова-Подольского, о котором я уже писал, значит, он и будет рекомендован первым секретарем Промышленного крайкома.

Нужно особо подчеркнуть, что вся инициатива Хрущева по реорганизации партийно-хозяйственного управления была принята неодобрительно, но в верхах говорили, что всеми воспринимается положительно. Но фактически все было иначе. Даже совнархозы уже действовали несколько лет и внесли свежую струю в деятельность регионов. Тогда приехали на периферию бывшие министры, замы и другие московские чиновники, но в захолустье чувствовали себя неудобно и некомфортно. Все свои московские квартиры забронировали или передали детям, родителям. Но их тянуло в столицу, и при первом возможном удачном случае они снова оказывались там при образовании какого-нибудь государственного комитета. Оппозиция Хрущеву существовала

уже в высших эшелонах власти. Многим тогда бросалось в глаза украинизация руководства страной: Хрущев, Брежнев, Подгорный, Шелест, Кириченко, Кириленко – они же все с Украины.

Председателем КГБ СССР стал Семичастный, бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ Украины. На Украине жилось лучше, и снабжение там было лучше. Эти украинцы потом и подложили под Хрущева бомбу, как и их последователи из команды Горбачева – Кравчук и ему подобные.

Глава 2

Мотыгинский объединенный район (производственно-промышленная зона)

Теперь в Красноярском крае было два крайкома партии, два крайисполкома, два крайкома комсомола, два крайкома профсоюзов. Разделили огромную территорию на куски, и никак не смогли увязать, кому и что принадлежит, не говоря о каком-то улучшении организации дел на местах. Здесь, в районах и городах, люди все решали самостоятельно и не менее успешно, поскольку основное низовое звено было укомплектовано знающими свое дело кадрами. Я, например, сожалел лишь о том, что из нашего краевого руководства ушел А.А. Кокарев. Человек он был сухой, но человечный. Он берег свои кадры, был смелым и решительным. За людей, которым он доверял, был готов постоять на любом уровне. Его

все боялись, и все одновременно уважали за порядочность. Он был резок, умел «разделать», когда виноватый попадал под руку, потом быстро уходил, и это было тоже полезно.

Прошла краевая промышленная партконференция, действительно первым секретарем избрали Гаврилова-Подольского, вторым секретарем – Павла Степановича Колина, бывшего секретаря райкома г. Красноярска. Остальные ответственные работники крайкома комплектовались из прошлого общего крайкома. В Сельский обком ушел один из основных работников по кадрам – Борис Васильевич Баранов. На конференции меня избрали кандидатом в члены крайкома, а через месяц на пленуме перевели в члены крайкома.

Итак, новое руководство промышленно-производственной зоны, или теперь Мотыгинского района, было представлено: первый секретарь В.А. Неволин, второй секретарь М.В. Котенев, секретарь по идеологии М.П. Кулаков, председатель райисполкома М.Я. Ким, зам. председателя Николай Борисович Степаненко, секретарь Бочинский. Членами бюро стали, кроме упомянутых трех секретарей райкома, Ким, Е.И. Бодягин, Борис Семенович Абакумов – директор золото-сурьмяного комбината, Валентин Сарафанов – директор Машуковского леспромхоза, Н.Г. Погодаев, Н.П. Морозов, секретарь парткома Тасеевской сплавной конторы, и от женщин Людмила Владимировна Молодченко – инженер Ангарской геолого-разведочной экспедиции. В аппарате райкома работали Александр Леонтьевич Черепанов –

заворотделом, Николай Григорьевич Ростовых – зав. промышленно-транспортным отделом, Юрий Сергеевич Курочкин – зав. отделом пропаганды и агитации, Иван Петрович Каверзин – инструктор орготдела, редактором районной газеты утвержден П.И. Никандрин, секретари райкома комсомола, первый – инженер-речник, второй – Вячеслав Григорьевич Ширинский.

Районным центром стал поселок Мотыгино. Это старинная деревня на берегу Ангары давно была местом расселения людей, которые немного вели сельское хозяйство, заготавливали сено для лошадей, обслуживающих золотые прииски, ямщичили, занимались рыбной ловлей – в общем, вокруг этой деревни кучевались так называемые ангарцы, сходные говором и укладом жизни. Районным центром Удере́йского района Мотыгино стало недавно, после того как надоело районному начальству жить в Южно-Енисейске, это на 100 километров севернее, среди пустынных золотых приисков. Оно, начальство, тогда воспользовалось реформами Хрущева, призывающего все бросить на сельское хозяйство, приблизить к нему партийное руководство. В районе в середине 1950-х годов было двенадцать небольших умирающих колхозов, потом их стало восемь. Вот под вывеску укрепления сельскохозяйственного производства и добились власти перевода центра Удере́йского района из Южно-Енисейска в д. Мотыгино, назвав ее поселком городского типа. К тому времени здесь прочно осела АГРЭ, которой выделили микро-

район – земли вдоль Ангары. Конечно, условия проживания людей здесь были во многом лучше, чем на Севере.

Но к моему приезду в Мотыгино для постоянного проживания здесь не было никаких минимальных удобств для нормального функционирования районных организаций. Аэродром с грунтовым покрытием для приема небольших самолетов располагался на острове, ежегодно весной и осенью было проблемой попасть на этот остров, да и в другое время года нужно иметь какой-то постоянный транспорт для доставки на него пассажиров. А еще нужно учесть, что самолеты из-за метеоусловий летали нерегулярно, других же наземных связей с Большой землей не было. Теперь еще добавился бездорожный Северо-Енисейский район.

Связь с краевым центром осуществлялась по радио, с большими помехами. Нельзя было вызвать абонента и нормально переговорить. Все разговоры можно было подслушать, телефонная связь была только с Раздольным и Южно-Енисейском. И та часто обрывалась из-за сгнивших столбов. Район не имел своей нефтебазы для обеспечения горючим хозяйственных организаций и личного транспорта, лишь крупные организации имели свои емкости и сами его завозили на свои нужды (АГРЭ, комбинат, леспромхозы). В райцентре не было централизованного снабжения электроэнергией. Питались кто как и где может от дизельных установок. Жилье строили только в разведрайоне, и то за счет средств на временное строительство, совершенно не было

объектов социально-культурного направления. Все школы и больницы размещены в старых деревянных непригодных помещениях, где все валилось. Не было Дома культуры, спортзала, гостиницы. Водой население обеспечивалось за счет Ангары, ее возили бочками. Даже после Северо-Енисейска все это мне казалось настоящим убожеством. Райком партии хотя и находился в центре поселка, но размещался в деревянном здании барачного типа. В общем, за что ни возьми – ничего нет.

Не было холодильника при сезонном завозе продовольственных товаров, хлебозавода, хотя пекарен было несколько и хлеб местные умельцы выпекали отменный, не было мало-мальского рынка. Правда, снабжение продуктами питания в поселке было сносным за счет трех торговых организаций, которые могли между собой в некоторой степени конкурировать – золотопродснаб, райкоп и орсы геологов и лесников.

На районной объединенной конференции при тайном голосовании я лично получил всего два голоса против. Этим доверием мне, малоизвестному тогда молодому партийному руководителю, конечно, давали аванс. Нужно было его отрабатывать конкретными и видимыми результатами в работе района.

На первых порах планирующие органы края и страны строили радужную картину будущего Сибири, Красноярского края и, в частности, Нижнего Приангарья. Эта картина и

была положена в основу формирования промышленно-производственной зоны: в Нижнем Приангарье создается новый промышленный узел развития отраслей тяжелой промышленности – горно-металлургической и лесной.

Уже был издан ряд постановлений правительства СССР, в частности, о строительстве магnezитового завода на базе Тальского магnezитового месторождения, Киргитейского талькового комбината на одноименном месторождении, разрабатывался технико-экономический доклад (ТЭД) о начале освоения Нижне-Ангарского железорудного бассейна, разрабатывались материалы строительства железной дороги через территорию Нижнего Приангарья. Разрабатывался ТЭД и происходил выбор площадки для строительства в районе Первомайска крупнейшего в стране лесоперерабатывающего промышленного комплекса. Планировалось продолжение строительства каскада ГЭС на Ангаре с размещением одной из них в Мотыгинском районе.

Когда читал эти плановые проработки, аж дух захватывало, что нам предстояло сделать в самые короткие сроки. Мы даже мысленно не могли представить, кто же должен это строить, поскольку для того чтобы начать такое грандиозное строительство, нужна была рабочая сила – больше, чем все местное население. А расчет был большевистски-сталинский, который тогда широко использовался в Советском Союзе – военные строительные части, так называемые стройбаты, и лагерные зоны – заключенные, которые когда-то осу-

ществили великие стройки на Севере, в Сибири и Казахстане.

У южноенисейских золотодобытчиков были те же проблемы – использовали паровой дражный флот. Он отличался тем, что нумерация дражного флота СССР начиналась с Южно-Енисейска. Здесь была построена под первым номером драга новозеландского типа «Кировская», которая шла по долине реки Удерея, главной золотоносной артерии россыпного золота района. Объемы добычи золота в Удерейском районе по сравнению с североенисейской россыпной добычей были несколько меньше. Но здесь с 1930-х годов работали Раздолинский рудник по добыче сурьмы и металлургический завод до доведения ее до металлического состояния. Раздолинск – поселок городского типа.

Кроме цветной металлургии здесь было положено начало развитию лесозаготовок и лесосплава в больших объемах для переработки леса на деревообрабатывающих комбинатах Лесосибирска и Игарки. Существовало два леспромхоза – Мотыгинский и Машуковский, и Тасеевская сплавная контора в Первомайске. В этой отрасли была занята половина всего рабочего люда Удерейского района. Из сельскохозяйственного производства нам в наследство осталось теперь уже три колхоза и два подсобных хозяйства в золотой отрасли.

Пожалуй, никогда уже не наступит периода столь активного изучения недр в Нижнем Приангарье, как было в те го-

ды. С открытием в конце 1940-х годов Ангаро-Питского железорудного месторождения и выявлением нескольких рудопроявлений гематитовых руд началось и площадное изучение этой огромной территории, теперь не только на золото, железо, но и на другие полезные ископаемые. Столицей базирования красноярских геологов стало село, а потом поселок Мотыгино. Именно его облюбовали геологи. Ангара здесь раздалась так широко, что ширина ее поймы с многочисленными островами, протоками и заливами составляла 12 километров – красивейшее место в Сибири.

В 1963 году на территории Мотыгинского района уже дислоцировались три стационарные геолого-разведочные экспедиции, не считая сезонных, и приезжие геологические партии других ведомств. Кроме Министерства геологии СССР, здесь работали проектно-изыскательские партии по размещению новых промышленных объектов, строительства ГЭС, железнодорожных магистралей и др. Нигде в Сибири, не говоря уже о европейской части страны, не было такого сосредоточения исследователей недр. Этим, пожалуй, я и был обязан своей должности при определении, кого рекомендовать на должность руководителя районом со стороны партийных органов. Побывавший здесь корреспондент газеты «Правда» Мирослав Бужневич назвал Мотыгино столицей красноярских геологов.

Конечно, доминирующей среди всех геолого-разведочных экспедиций была Ангарская, численность которой достигала

двух тысяч человек, среди которых был очень высокий процент инженерно-технических работников – около 40 процентов. И это в основном молодежь, только что окончившая университеты, институты и техникумы, со всей необъятной нашей страны. Там были в основном специалисты геологи и горняки. Это цвет нации, влившийся в коллективы первопроходцев, которых обуяла жажда открытий, утверждения себя как личности, невзирая на все тяготы таежной жизни. И не за рублем они тянулись сюда, как многие сегодня представляют наше поколение энтузиастов. Они работали на обширных территориях не только Приангарья, а уходили на Нижнюю и Подкаменную Тунгуску, Курейку и среднее течение Енисея, вели геологическую съемку в Эвенкии и поиски на все виды минерального сырья на огромных территориях к северу от Красноярска.

Но о делах и жизни коллектива АГРЭ я еще расскажу, а сейчас лишь отмечу, чем занимались другие коллективы геологов. В частности, мне все-таки удалось убедить руководство Красноярского территориального управления, не без выхода на министерство, чтобы в Северо-Енисейском районе была все-таки создана Северная геолого-разведочная экспедиция с базированием в поселке Тея. Основная ее задача состояла в поисках и разведке золоторудных и россыпных месторождений в северной части енисейской тайги. Костяком коллектива стали геологи группы геологических партий, которые тогда работали в районе от Ангарской экспедиции.

Специализированной была и Стрелковская геолого-разведочная экспедиция по разведке и промышленной оценке Горевского месторождения свинца и цинка – крупнейшего в мире геологического объекта. Она размещалась на необитаемом берегу Ангары в заболоченном месте. Состав экспедиции был сформирован в основном за счет лучших специалистов-разведчиков АГРЭ. Эта экспедиция потом, как матка, плодила новые геологические подразделения на всем севере Красноярского края, в том числе и в Норильском промышленном районе.

Я до сих пор считаю себя счастливым человеком, потому что мне в жизни пришлось работать и общаться повседневно с этими замечательными бескорыстными людьми – первопроходцами, тружениками, созидателями, которых сегодня, с большим сожалением, новые власти оставили без помощи и социальной поддержки в старости.

Итак, организационный процесс слияния двух районов произошел. Теперь их нужно сплотить единой жизнью, едиными целями и задачами. Для краевых властей, тем более центральных, все было просто: на карте обвели чертой, соединили, не зная совершенно обстановки и условий жизни, – живите как хотите и как можете. Когда объединяли, тогда все говорили: «Поможем!» А теперь об этом забыли, да и те, кто обещал, оказались в другом крайкоме. Сами представьте себе, как можно управлять оперативно двумя районами при отсутствии средств связи и сообщения.

Для того чтобы попасть в северную часть района, нужно было лететь самолетом через Красноярск или Енисейск, обратно так же. Первым делом я стал требовать от ГВФ, чтобы установили прямое воздушное сообщение между Мотыгино и Соврудником, а потом уже воздушное сообщение между поселками.

Мне нужно было определяться и с местожительством своей семьи. Жена, преподаватель математики, ее североенисейская средняя школа по работе целиком устраивала, а мне там жить было нельзя, потому что основная часть района на Ангаре. Стали собирать вещи и настраиваться на переезд в Мотыгино во время весенних каникул, потому что квартиру Убиенных еще не освободил, хотя его уже избрали в Кежемском районе первым секретарем райкома.

В конце марта я поехал в Северо-Енисейск за семьей. Договорился с начальником управления ГВФ, что пробный прямой рейс по трассе Соврудник – Мотыгино он сделает с моим участием на самолете Ли-2, а за провоз багажа и членов своей семьи я оплачу по существующим тарифам, хотя и было указание В.Ф. Гаврилова-Подольского оплатить расходы на мой переезд крайкому партии. Вещей у нас было мало, в том числе двуспальная кровать с панцирной сеткой и приемник «Телефункен». Собрал двух дочек, жену и няню Анисью Ивановну, и в аэропорт. Весь полет продолжался час и десять минут, и мы на острове среди Ангары в Мотыгино.

Меня вполне устраивала квартира в двухквартирном де-

ревянном доме на ул. Советской вблизи красавицы Ангары, откуда всегда видны ее просторы. Квартиру Убиенных строил лично для себя, по разрешению крайкома, и, конечно, собирался здесь и дожить свои годы. Ему, много поездившему по Крайнему Северу, сильно нравились эти места, об этом он много раз мне откровенно говорил. По тем меркам квартира была нормальная, площадь где-то около 60 квадратных метров, веранда, кладовая, двор, сарай, где был выкопан глубокий подвал, дровяник, туалет и большой огород. Но в квартире санузел был устроен примитивным образом, поскольку централизованного водоснабжения не было, сама квартира отапливалась от котельной райкома.

Супруге сразу предложили работу учителем математики в школе № 1. И устроившись с жильем, я мог более спокойно приступить к выполнению намеченных мероприятий. За стеной во второй квартире жил мой новый помощник Владимир Панкратов, бывший капитан Советской армии, участник войны, очень исполнительный, и на первых порах меня устраивал. Было два опытных водителя: в Северо-Енисейске Семен Васильевич Бабурин, в Мотыгино – Константин Панов, они были переданы мне «по наследству».

Теперь в первую очередь мне нужно было решить, как дальше организовать партийную работу с коммунистами Северо-Енисейского района, которые оказались изолированными в транспортном отношении от райкома. Мне удалось в крайкоме убедить руководство, что в Северо-Енисейске

нужно создать партийный комитет с правами райкома партии по вопросам приема в партию, рассмотрения персональных дел и учета коммунистов, не возить же их в Мотыгино за многие сотни километров. И такой партком был там создан. Его секретарем избрали Александра Григорьевича Клименова, горного инженера, повысили права и меру ответственности поселковых советов бывшего Северо-Енисейского района. Я старался более внимательно относиться к моим бывшим землякам и, насколько мог, удовлетворял их требования, особенно в вопросах развития района через краевые организации – нужно было вывести нашу территорию из числа заштатных в крае. Конечно, не все эти вопросы можно было решить в крае, пришлось выходить и за его пределы, в Москву, в министерства и ведомства, в ЦК и Совмин СССР.

Но прежде всего нужно было поближе познакомиться с кадрами руководящих работников предприятий, организаций района, с партийным активом. До этого я знал только руководство Ангарской экспедиции, а теперь на долгие годы предстояло работать с новыми людьми из других отраслей народного хозяйства.

Ангарский золото-сурьмяный комбинат состоял из двух частей, занимающихся россыпной золотодобычей и сурьмой. Комбинат управлялся из Южно-Енисейска, вокруг которого на десятки километров работали золотоизвлекательные драги. Сурьмяное предприятие размещалось в п. Раздольном и выглядело более цивилизованно и современно по сравнению

с дражниками. Но в целом предприятию никакие централизованные капиталовложения государство не выделяло, оно не видело в этом смысла, поскольку у дражников не было новых крупных разведанных объектов. Сурьмяное месторождение тоже находилось в стадии доработки имеющихся запасов, и перспективы, по заключению геологов, были ограничены. При таком состоянии сырьевой базы никаких разговоров в верхних эшелонах власти о получении капитальных вложений не могло и быть – оставалось им доживать свой век со всеми последствиями нищеты. Таким образом, это была загубленная отрасль, поскольку геолого-разведочные работы не обеспечивали уровень добычи золота, то же обстояло с сурьмой.

Директором комбината был Борис Семенович Абакумов, старейший золотопромышленник, ранее работал на рудниках Хакасии. Ему было за пятьдесят лет, он страдал профессиональной горняцкой болезнью – силикозом. Но как человек и руководитель был порядочным и работоспособным, идеологически партийным, и все это давало возможность рекомендовать его членом бюро райкома (он когда-то в Хакасии был вторым секретарем райкома).

Главным инженером САГМК был Иван Васильевич Вагин, крупный специалист, горняк, интеллигент, человек честолюбивый, высокомерный, у него не было теплых отношений с людьми. Их он держал на расстоянии, хотя внешне выглядел очень привлекательно: красивый, рослый, симпатич-

ный человек. Дела он знал хорошо, и ему бы больше подходила роль научного руководителя какого-нибудь проекта.

На комбинате был очень сильный инженерный состав руководства на всех участках производства. Если на драгах люди имели большую практику на производстве, но были в основном со средним техническим образованием, то на сурьянном производстве был инженерный состав руководителей с высшим образованием. Среди них особенно выделялись главный механик комбината Василий Васильевич Кравцов, начальник рудника Владислав Владимирович Смирнов, главные инженеры рудника Николай Григорьевич Онищенко, Владимир Андреевич Богданович, ведущий инженер Вадим Поляков, начальник металлургического завода Василий Афанасьевич Мыщик, главный инженер Николай Дмитриевич Машуков, главный металлург Раиса Ивановна Смирнова, горняк Прокопий Гаврилович Васильев, главный энергетик Тамара Емельянова, начальник производственного отдела Глебов. Все эти специалисты очень высокой квалификации, большинство прошли войну или учились в институтах в самые трудные годы, учились прилежно и добросовестно, и кроме того, они уже сумели пройти школу «Енисейстрой» МВД СССР.

Дражный флот возглавлял известный в районе человек и, пожалуй, один из самых известных вообще в Союзе дражников – Владимир Дмитриевич Симаранов. Флагманом флота на юге была электрическая драга № 1 на Кировском прииске,

начальником ее был Николенко, тоже потомственный дражник. Начальниками приисков были удивительные люди, рабоботяги, не знавшие отдыха ни днем, ни ночью, поскольку на них была возложена вся забота по содержанию приисков: напоить, накормить, обустроить и поддерживать здоровье людей в сложнейших социально-бытовых и природно-климатических условиях. Люди, которые руководили этими приисками, как и в Северо-Енисейском районе, сами прошли практику от масленщиков до драгеров и в совершенстве знали технологию дражного производства. В то же время выпускники горных учебных заведений в тот период с трудом шли на драги работать в связи с отсталым производством и убогим образом жизни на приисках, отсутствием минимальных жизненных удобств. Дражники, в полном смысле, в те годы работали на 100 % на государство, а оно им ничего не давало взамен, если и платило деньги, то здесь же забирало за продукты и за водку.

Среди начальников приисков юга еще следует несколько слов сказать о таких замечательных людях, как начальники Южно-Енисейского прииска Евгений Михайлович Ильинец и Партизанского прииска Виктор Семенович Баландин. Знаменитая приисковая фамилия, он из раскулаченных, я его ни разу не видел в выходной одежде, всегда в фуфайке и кирзовых сапогах. Он проработал на прииске более 40 лет, и все на руководящей работе, весь был в ней. Как-то мне признался: «Вот сколько лет работаю на приисках и хожу по разре-

зам, все хочу увидеть кусочек золота – самородка, и никак не посчастливилось его найти, хотя другие ведь часто их находят совершенно случайно. Просто я не счастливый». Его много раз награждали, но доброй, спокойной жизни он так и не увидел. Может, он и в этой жизни видел счастье? А сколько еще вокруг было таких трудолюбивых людей!

Начальником прииска Мурожного был Евгений Митрофанович Якимов, очень интересная личность. Он был молод, задирист. Уже успел посидеть в тюрьме за то, что сразу после войны надел на себя форму армейского офицера и «гастролировал» по стране. После отсидки решил посвятить себя дражному делу. Окончил заочно Черногорский горный техникум. Этот человек был действительно хозяином прииска. Прииск был изолирован со всех сторон, кругом тайга и речушки. Якимов любил жизнь, у него всегда играла кровь, любил выпить и компании. Человек он был жизнерадостный, обладал особым исключительно заразительным смехом – когда он громко смеялся, то вокруг него все смеялись над тем, как он может смеяться, – я впервые в жизни слышал такой смех.

Организатором Е. Якимов был одаренным, и потом, через много лет, по его просьбе я переводом назначил его начальником стройуправления КТГУ в Красноярске, выделил ему хорошую квартиру. А вот здесь он не смог продуктивно работать – другие условия, не те кадры, и потом он уехал обратно на прииск, но, к сожалению, скоро умер от сердечно-

го приступа. Такие яркие личности, видимо, долго в нашем мире не живут.

Прииск Мурожный, как я уже отмечал, был всегда особый – не от мира сего, на отшибе, в глухомани, кроме работы там нечем заняться цивилизованному человеку. После Е. М. Якимова там были другие начальники прииска. И вот об одном случае хочу рассказать. Был начальник, увлекавшийся приисковыми женщинами. Из-за этого у него испортились отношения с женой. Разгулялся так, что три дня не появлялся дома. Однажды приехал на прииск специалист по делам из комбината. Он оказался однокурсником жены начальника прииска. После окончания рабочего дня начальник прииска стал приглашать приезжего гостя к себе домой на ужин, говорит: «Жена моя будет очень рада тебя видеть у нас в гостях». Гость не удержался от приглашения и решил пойти, хотя выпивок он избегал.

Подходят они к дому, начальник прииска постучал в дверь, жена спросила: «Кто?», – он ответил: «Свои», – и пропускает вперед гостя. А было на улице уже темно. Дверь открывается, и с криком: «Вот тебе, подлец беспутный», – в гостя полетело полено. Удар был нанесен с такой силой, что сбил гостя с ног. Большая шапка спасла его от худого. Здесь уже на жену набросился муж: «Что ты наделала, дура?» В общем, ЧП, и о нем потом узнал весь прииск. Я рассказываю об этом случае потому, что он имеет частое повторение в обычной жизни, и об этом следовало бы помнить всем го-

стям в подобной ситуации. Когда приглашают в гости, подумай: а не средство ли это для примирения в семье?

На Ишимбинском прииске работал начальником Сергей Владимирович Певцов, по профессии геолог, толковый был организатор. Я всех начальников приисков и драг знал лично и всегда их высоко ценил за трудолюбие, личную ответственность за дела, и они никогда не подводили районное руководство. Я не знал случая, чтобы какая-то драга не работала, остановилась из-за разгильдяйства или потому, что бригада не вышла на смену.

Объединение двух районов сплотило оба дражных коллектива, они часто стали обмениваться опытом работы, дружить. И нужно отметить, что северяне были сильнее, чем южане, в развитии новых производств – там были уже построены новые электрические, более мощные, драги и автоматизированы многие процессы дражной технологии извлечения металла – драги № 121 и № 251, начался завоз драги № 122 на прииск Вангаш и № 124 на Тею, в районе прииска Суворовского. На юге же только начиналось строительство драги № 123 на Партизанском прииске. Но такого поколения дражников, с которым мне пришлось работать в конце и начале 60-х годов, пожалуй, в жизни не будет. Пришли другие времена и другая обстановка, которая таких трудовых героев не рождает и не воспитывает.

С работой лесной отрасли народного хозяйства я впервые столкнулся на Ангаре. Несмотря на то что и в Северо-Ени-

сейском районе много заготавливали леса на топливо и строительство, таких объемов там не было, и технология лесозаготовок на Ангаре совершенно иная – силами специализированных государственных леспромхозов. В основном их технологическая цепочка такова: валка леса и его складирование на так называемых верхних складах, там часто происходила и их раскряжовка, в последние годы древесина складировалась хлыстами. Потом эти кряжи или хлысты везли на нижние склады, расположенные на берегах рек для сплава, там их складировали ярусами, и, если нужно, разделяли в товарную продукцию по сортам – деловая, дрова и так далее. И третья операция, замыкающая технологическую цепь, – сплав леса до генеральных рейдов, откуда он плотами сплавлялся до потребителей – лесопильных заводов, ныне в Лесосибирске и Игарке.

Когда я приехал в Мотыгино, то в тот период ангарские леса района еще были почти нетронуты, лесозаготовки велись преимущественно в бассейнах рек Тасеево, Усолки, Бирюсы. Аналогичная картина была тогда и у соседей в Богучанском районе, но на их лес уже всю зарились наши совнархозовские лесодобытчики. Ангарская сосна является лучшей хвойной древесиной мира по всем параметрам – и своей внешней красотой, длиной ствола (корабельный, мачтовый лес), количеством смол, она широко применяется в строительстве и столярном деле. Но взять ее с корня и отправить потребителю было довольно сложным делом ввиду

отсутствия транспортных путей. Единственным в то время был водный путь, и им стали широко пользоваться на Ангаре и ее притоках.

Заготовка велась в основном вблизи речек, чем, конечно, подрывали водные ресурсы, несмотря на запрет не брать лес в водоохранной зоне. Срубленный лес весной в период паводка шел по рекам сплошь молевым сплавом с бассейнов рек Чуны и Бирюсы, даже из Иркутской области, с Абанского, Тасеевского и Богучанского районов в реку Тасеево. А здесь, в Первомайской запани нашего района, а потом уже в генеральном Кулаковском рейде его перерабатывали по сортности и вязали в плоты, которые шли до Енисея, и дальше до Игарки и Дудинки. По Ангаре лес в основном шел в плотях, редко в кошелях. Ангарский лес шел в основном на экспорт, лесники хвалились этим, государство за него получало валюту, а лесозаготовители – дулю.

Ведущим лесопромышленным предприятием района тогда считали Тасеевскую сплавную контору с местом дислокации самой конторы в п. Первомайске, расположенном недалеко от устья реки Тасеево в Ангару. В нее входили лесопункты в Слюдруднике, Кулаково, Усолке, Бурном и многочисленные пункты приема леса в бассейне Тасеево. Весь принятый лес сплавлился уже силами сплавконторы, и она несла ответственность за сохранность находящегося в пути леса. Раньше была одна запань, но поскольку она теперь не справлялась с заготовленным лесом, при мне начался стро-

иться Кулаковский рейд, один из крупнейших в СССР, с ним соперничал потом лишь один из генеральных рейдов на реке Каме.

Директором Тасеевской сплавной конторы был самый известный в крае и в Союзе сплавщик Николай Иванович Макаров, известный в крае не только своими деловыми качествами, но и похождениями, напористости, смелости, чудачеством и юмору. Был он очень мудрым человеком, хорошо знал мораль и философию советского большого начальника, умел и систематически крепко выпивал, и кого-нибудь мог насмешить при этом. Макарова знал каждый лесник и паромщик на Ангаре как легендарную личность, и его уважали и взрослые, и малые.

Николай Иванович – запоминающаяся личность во всех отношениях: высокий ростом, немного сутулый, с продолговатым худым лицом, с горбатым узким длинным носом, всегда вольно, неряшливо одет, на ногах то бродни, то какие-то унтайки, то ботинки с длинными узкими носами, брюки никогда не гладились. На плечах всегда какой-нибудь зипун, куртка несвежая по сроку носки, выбрит не чисто, непричесанный. Он, оказалось потом, опережал свое поколение по моде, одежде – глядя, как сегодня ходят мужчины, – но только с разницей в том отношении, что его одежда была ситцевой, суконной или из плохо выделанной кожи, а не сегодняшние иностранные куртки и дубленки. Всегда во рту папироска, и всегда с улыбкой. Правда, он всегда знал, кому

руку подать, а кого подальше послать. Мне лично его внешность всегда напоминала образ Челкаша, созданного артистом Поповым, из кинофильма. В детстве он был беспризорником, скитался по столичным улицам. Потом, как только их стали после революции вылавливать, попал в колонию. Ему посчастливилось быть в числе беспризорников, принятых М. И. Калининым, всесоюзным старостой, и определившим его в ПТУ, потом в техникум, а после окончания этого учебного заведения он и поехал в Сибирь.

Приехал на Ангару до войны, потом прошел здесь все ступеньки роста руководителя, от мастера до директора. В начале войны ушел на фронт, а оттуда пришел в звании майора, был начальником штаба полка, и снова на любимую работу. За храбрость и мужество награжден многими орденами и медалями. С Макаровым связаны и все юмористические истории ангарских и тасеевских лесников, поскольку он был их персонажем. Его нельзя было назвать хулиганом, хотя он наизусть знал «Луку Мудищева» и другие вещи и всегда в пьяной компании их читал. Он был начитан, знал русскую классику. Пил часто и много, но пьяным его никто на улице не видел.

Еще при совнархозе его решили снять с должности за какое-то происшествие или случай, связанный с его вольностью. Был уже подготовлен проект приказа о снятии, его вызвали на заседание совета. Он впервые, наверное, был одет прилично, строго, как говорится, по форме, и ждал, когда

его вызовут. Вдруг объявляется перерыв заседания красноярского совнархоза. Люди выходят из зала перекурить, промяться. Сидит на стуле Николай Иванович. Перерыв окончен, в приемную выходит председатель П. Ф. Ломако, он знал в лицо Макарова, и говорит: «А ну заходи, большой!» Макаров вскакивает со стула по стойке «смирно», и, щелкнув каблуками по-военному, говорит: «Петр Фадеевич, я не большой, я длинный, вы большой!» Ломако эта лесть, видать, сильно понравилась от такого «разбойника». Сам он был низкого роста.

Заседание продолжилось, и было доложено о стольких недостатках в работе Тасеевской сплавной конторы, что, безусловно, хватало для снятия Макарова с должности директора, и предложение комиссии было такое. Но Ломако распустил по-другому и вынес другое предложение – объявить строгий выговор и предупредить, что это ему прощается в последний раз.

Макарова иногда вызывали в Министерство лесной промышленности СССР, его хорошо знали все министры этой отрасли в период его работы. Однажды он зашел в ресторан гостиницы «Националь» со своим приятелем. А в те сталинские времена этот ресторан часто посещали иностранцы, почти за каждым третьим столиком сидели стукачи, агенты НКВД, которые подслушивали, кто и о чем говорит, и фиксировали разговоры. Николай Иванович подпил и своему приятелю вроде как по секрету говорит: «А ты знаешь,

кто я такой по родословной?» Тот ему, тоже выпивший, отвечает: «Нет, не знаю». Тогда ему Николай Иванович поведал: «Я внебрачный сын Николая Второго». Эти «откровения» подслушал стукач, установил за ним слежку в Москве, доложил в свой центр, где приняли решение проследить эту личность до самого Красноярска. И когда прибыли в Красноярск и сообщили об этом «царском отпрыске» местным работникам НКВД, то над москвичами здесь посмеялись, зная Макарова, и дальше до Первомайска его не сопровождали. Ведь даже по физиономии нельзя было подумать о его благородном царском происхождении. Так рассказывали о Макарове, может быть, и сочиняли.

Как-то весной мне в райком пришла срочная телеграмма от первого секретаря крайкома А. А. Кокарева, в которой говорилось: «В связи с высоким уровнем паводка в одном из леспромхозов в Иркутской области случилась большая авария – снесло в реку Чуна более 300 тысяч кубометров древесины, лес несет по реке Тасеево. Примите исчерпывающие меры для спасения леса и задержания его в запанях Тасеевской СПК». Я сразу связался по телефону с Макаровым, передал ему текст телеграммы, он мне сказал по-военному: «Есть, будут приняты меры!» А сам, конечно, рассудил: как же он может развернуть запани, когда по Тасеевой идет сплошной ледоход? Через несколько часов он мне докладывает: «Запани развернуть физически невозможно!» Но я ему говорю: «Ведь что-то можно сделать, чтобы задер-

жать лес?» Он отвечает: «Ничего нельзя». Я посетовал. Ведь нас крайком просит. Он мне отвечает: «Виктор Андреевич, каждый человек прежде всего беспокоится за свои я..ца, так и я». Однако, как я потом узнал, он принял все меры, часть леса задержал, около половины, но никому об этом не сказал, а присвоил этот лес для Тасеевской сплавной конторы.

Макаров много мотался по командировкам, учитывая колоссальный рейд этого предприятия, по деревням, поселкам, скитам, его знали все местные жители, с ним и трапезничали. Потом рассказывал как-то байку, как он выполнял партийное поручение. Приехал в одну ангарскую деревню, а там, в глуши, давно не поступало свежей человеческой крови, деревня жила замкнуто, народ физически выродился, все женились на близкой родне, народ стал хилый, мелкий, низкорослый, больной и дебилный. И вот их председатель сельсовета обратился к Макарову пожить у них несколько недель, чтобы поправить род человеческий (конечно, это байка Макарова).

Как-то в ресторане Енисейска со своими работниками он обедал, а мы, районное руководство, приехали туда на какое-то совещание по лесу, и мне потом рассказывали: Николай Иванович знал только два русских блюда – котлеты и гуляш. Заказал он котлеты. Принесли, он немного покушал, заводил своим длинным носом и потребовал директора ресторана. Но вместо него пришел завпроизводством, и он его

спрашивает: «В этом хлебе мясо есть?» – и больше ничего не предъявлял из претензий. А когда в одну из паводковых весен на Ангаре появился затор льда, по нашей просьбе прилетело командование одной из частей стратегической авиации СССР, но бросили бомбы не в затор, а чуть ли не в деревню Татарку, и он над ними просто издевался и заявил: «С вами мы будем отступать не только до Волги, как было в Отечественную, а до Урала».

Когда Николаю Ивановичу исполнилось шестьдесят лет, его отправили на пенсию и предложили несколько хороших должностей с учетом его возраста, а он от них отказался и долго продолжал жить не работая, часто проводил время с рыбаками или охотился на зайцев. Человек он, конечно, заслуженный, и надо было оказать ему больше почета, чем он получил в благодарность за свой труд на самом деле. У него была очень симпатичная жена, гораздо моложе его, и дети. Жил он в Первомайске долго и завещал похоронить его на мысе Арбан (слияние рек Чуны и Бирюсы). Умер в 90 лет.

Главным инженером ТСК был Алберт Михайлович Пучкин, молодой, энергичный, грамотный и толковый парень, сибиряк, выпускник Красноярского лесотехнического института, бывший начальник Кулаковского рейда, прошедший там хорошую инженерную школу по строительству этого весьма сложного сооружения, он заменил Макарова. Потом я с ним еще встречусь в Красноярске, где он долгое время будет работать зам. гендиректора «Красноярсклеспро-

ма». Его в Приангарске сменил тоже очень толковый молодой руководитель Телегин. Зам. директора ТСК тогда был Федор Финк, очень крепкий хозяйственник, из немцев Поволжья, он там проработал, пожалуй, больше всех и был самым незаменимым работником, все конфликты проходили через него, и все он удачно разрешал. Долго в ТСК работал Николай Егорович Голышев заместителем директора по кадрам, раньше он работал инструктором райкома, потом в связи с сельскохозяйственным образованием он был направлен директором подсобного хозяйства «Чистяки», это был толковый, умный молодой руководитель. Кроме названных выше людей ТСК следует назвать Ахметзянова, с которым я уже не сотрудничал.

Вторым крупным предприятием лесной отрасли района был Машуковский леспромхоз. Его полем деятельности был бассейн нижнего течения реки Тасеево с двумя лесопунктами – Никольское и Кирсантьево. Он заготавливал около 300 тысяч кубометров в год. Директором был Валентин Сарафанов. Это был молодой перспективный руководитель, поэтому он и был избран членом бюро райкома партии. Потом он стал генеральным директором всех сплавных дел в Ангаро-Енисейском бассейне, и конечная его должность в Красноярске – директор НИИ лесной отрасли, потом переведен на запад страны в этой же должности.

Главным инженером Машуковского леспромхоза был Дмитрий Коврижкин, выпускник сибирской школы, потом

долгое время работал директором ЛПХ и дальше в лесных предприятиях края. Эти местные кадры были напористые и трудолюбивые, их нельзя было заменять приезжими, они лучше адаптировались к нашим условиям, и их жены тоже были специалистами лесной отрасли, или врачами, или учителями – тоже нужные люди. Заместителем директора ЛПХ долгое время работал Н. П. Морозов.

Мотыгинский леспромхоз был образован на базе Раздолинского лесопункта, который снабжал древесиной Раздолинскую тепловую электростанцию, потом у него появился лесопункт в Мотыгино. Здесь директором был тоже молодой руководитель Розенберг, резкий, знающий себе цену парень, но не совсем уживчивый с начальством, и поэтому ему потом пришлось часто менять свое место работы, уже за пределами нашего района.

Четвертым производственным предприятием по лесозаготовкам, тоже образованном при мне, стал строящийся Орджоникидзевский, на месте ссылки Серго Орджоникидзе в д. Потоскуй.

Районным лесным хозяйством руководил Павел Максимович Попов, выпускник Красноярского лесотехнического института, его жена тоже лесник. Эта организация тогда занималась вопросами лесопользования и охраной лесов от пожаров и других напастей, в тот период лесхоз еще не занимался своими лесозаготовками и все внимание уделял только своему основному предназначению.

Я перечислил тот круг ответственных лиц, с которыми я начал работать в должности секретаря райкома, и их всех хорошо помню до сих пор, они были моей опорой и поддержкой.

В тот же период, еще при совнархозе, у нас в Приангарье начались работы, связанные с добычей живицы – древесной смолы, за счет подсечки деревьев, то есть у дерева на корню отнимали соки. В простонародье эти организации лесохимии назывались «хим-дым», туда слеталась вся народная голытьба, опустившийся люд, там у людей была вольная жизнь в лесу, разрешенная законом. И они просто опустошали тайгу, жили по своим законам, при этом им давали денежный аванс за будущий сбор продукции, но они ее часто не давали, убегали или делали сумасшедшие приписки. Сначала эти организации объединились в местные химлесхозы, потом в крае появился и трест «Химлесхоз».

Лесная отрасль промышленности тоже состояла не из местного населения, ангарцев. Это приезжий люд, рабочие по оргнабору, инженеры и техники, вынужденные отработать за то, что их учили в учебных заведениях. Кроме оргнабора здесь были и ссыльные по разным статьям советского законодательства – от бывших кулаков до немцев Поволжья, украинские и прибалтийские националисты. Но народ был терпеливый, замученный, без претензий за нелегкие условия труда и быта, с ограниченными житейскими потребностями, и про них власти говорили всегда и всюду: «Народ у нас хо-

роший», но он был беззащитный и безмолвный.

Одно меня беспокоило как местного сибиряка в лесной отрасли хозяйства – это варварское отношение к лесным богатствам. Я с детства полюбил сибирский лес и знал ему цену. То, что творилось на вырубленных участках в лесу, уму непостижимо, – варварски издевались не только над самим лесом, но и, используя современную мощную технику, над почвенным покровом. Сколько оставляли древесного хлама после порубки! И было трудно ожидать, что на этом месте когда-нибудь вновь поднимется сосновая поросль.

Всякие объяснения существующей машинной технологии заготовки леса я не мог признать терпимыми. В лесу брали только строительную древесину, дровяную, а вершины деревьев оставляли в лесу, засоряя землю хвоей и сучьями. При валке леса повреждались рядом стоящие деревья. Дороги в лесу строились, как кому вздумается. В лесу не было никакого порядка, а существовал настоящий разбой. Вместо того чтобы контролировать работу лесозаготовительных предприятий, райлесхоз одно время сам занимался заготовкой леса, и здесь мы, парторганы, выступали коллективно против, но лесхозы стали выбирать самые удобные места, ближе к рекам, и брать лучшие деревья.

Не меньше вреда лесозаготовители приносили молевым сплавам леса по малым рекам, где водоемы буквально были запружены остатками древесины. Оттуда вынуждена была уйти рыба, замучена вода. В результате двойного нашествия

дражников и лесников со временем в районе не оставалось ни одной реки с прозрачной водой, чем был нанесен огромный вред природным ресурсам. И вся наша борьба поставить заслон этому варварству нигде в краевых и центральных государственных органах не получала поддержки, все боролись за план любой ценой, ссылаясь на генеральную линию партии – поднять производство страны до уровня американцев.

Ведь даже само строительство Красноярской ГЭС на всех уровнях рассматривалось как огромный технический прогресс – надо же было укротить нрав такой великой сибирской реки, как Енисей. Если объективно рассматривать все экономические аспекты по целесообразности ее возведения, то минусов больше, чем плюсов, – был нанесен урон сельскому хозяйству, экологии, природе, да и в социальном плане для жителей этих зон от водохранилища одни негативы, сегодня просто никто не хочет их считать.

Мы привыкли в России жить задним умом. Строительство каскада ГЭС на Ангаре нарушило экологию и водный режим когда-то самой красивой и чистой реки Сибири, воду стало невозможно использовать в питьевых целях, из реки ушла ценная рыба: стерлядь и осетр, вода покрылась сине-зелеными водорослями, шелковником, как ее называют ангарцы. Мы с детства были затуманены неправильными суждениями, что природа самовосстанавливается: оголенная поляна в лесу за десятки лет снова будет такой, какой была первоначально.

начально, в реках вода сама очистится и снова будет прозрачной и чистой, будет заполнена рыбой, но это далеко не так.

Если рассмотреть экономическую целесообразность построенных на Енисее и Ангаре ГЭС, то все они сегодня в основном работают на алюминиевую промышленность – магната Дерипаску, используют привозное бокситовое сырье из Африки.

До войны в районах Нижнего Приангарья, в поймах Ангарского и Тасеевского водных бассейнов проживало много людей, которые занимались сельским хозяйством, сеяли, косили и кормили скот, а зимой работали на золотых приисках ямщиками, но лесом не занимались. Вот на базе этих единоличных хозяйств в 30-х годах и были организованы колхозы. Они и тогда были малопродуктивны, поскольку хороших пашен не было – подтаежная зона, хлеба часто не созревали, да и у людей было больше страстишки к охоте, рыбалке, и чаще занимались они своим, а не общественным делом.

Вот и в нашем районе было сначала 12 колхозов, потом девять, потом шесть. Их всех объединили: слабого с сильным, и потом слабого со слабым, поля заросли кустарниками. Я район принял, когда в нем осталось лишь три колхоза, два из них были в районе Мотыгино – Пашинский (левобережье Ангары, на полях), второй на правобережных полях вблизи Мотыгино. И третий колхоз был в районе Кулаково. Кроме колхозов были два сельхозпредприятия, которые подчинялись золотой и лесной промышленности – «Ре-

шающий» и «Чистяки». Оставшиеся колхозы никто не мог ликвидировать, несмотря на их явную экономическую убыточность. За любой только один разговор о целесообразности ликвидации районный руководитель мог сразу лишиться своей должности, да еще при Хрущеве, который заставил всю партию работать на сельское хозяйство, и здесь никакие экономические доводы не принимались во внимание.

Здесь очень мощный торфяной слой почвы, урожайность зерновых была 12-15 ц/га. Не бывает засухи, неурожайности. Нормально растут овес, ячмень, рожь, кормовая пшеница. Из овощей – картофель, капуста, морковь, свекла, помидоры и огурцы. На зиму нужно было завозить для длительного хранения только лук и чеснок. По опыту работы в Татарке когда-то ссыльных кулаков – всегда на Ангаре был очень высокий урожай, и широко было развито животноводство. Несмотря на отсутствие достаточного количества пахотных земель и таежную зону, тот колхоз до войны был участником на ВДНХ. Но кулаки бывшие разбежались, разъехались, и передовой опыт пропал.

Теперь, когда промышленная зона была выделена и не занималась сельским хозяйством, нами никто не хотел заниматься из сельского крайкома. Я встал на сторону тех, кто поднимал вопрос о ликвидации колхозов и преобразовании их в совхозы с подчинением промышленным предприятиям. Сначала я сделал разведку в краевых организациях, там были не против, но со своей инициативой выходить в Москву

отказались – добивайся сам, и сам потом расхлебывай. Теперь нужно было искать союзников в районе.

Особую активность в ликвидации колхозов у нас проявил председатель одного из колхозов – Сергей Прокопьевич Машуков. Он с этим хозяйством вдоволь намучился. Несколько лет назад его по мобилизации райкома направили на укрепление сельского хозяйства. Сергей Прокопьевич из бывших шоферов-дорожников, из местных ангарцев. Человек волевой, и он научился, как работать с советскими партийными чиновниками. Без специального образования, самородок и талантливый организатор. Он умел пробить любые вопросы. Представится такой казанской сиротой, что каждый его пожалеет, а сам-то со смекалкой цыгана. Как председатель колхоза «Сибиряк» он направился в Москву за помощью, заручившись поддержкой руководства района и начальника УРСа совнархоза Петра Семеновича Иванова по упразднению колхоза. Прошел там все нужные инстанции, и наполовину вопросы удалось решить. Согласие есть, а постановление правительства никто не подписывает. И лишь со второго захода вышел документ о передаче колхозов в ведение совнархоза и присоединении их к уже действующим подхозам. Назначены и новые руководители этих хозяйств – Машуков и Подорожный, ранее работник НКВД, человек упорный, но сельхозработник слабоватый.

Нужно отметить, что на Ангаре сельское хозяйство получило более глубокое развитие по сравнению с североенисей-

ским. Здесь был более мягкий климат, лучше почвы, дней на двадцать позже ложится снег, и настолько же раньше начинает таять. Поля находились на низменных участках, в поймах рек. В Приангарье были свои энтузиасты по выращиванию ранних огурцов и помидоров в парниках, а также в пойме рек. Такой садовод, как А. Сувальда, выращивал арбузы и дыни, в его саду росли яблоки, ягоды – земляника, виктория. Сувальда был из ссыльных, он вывел много сортов семян, устойчивых для роста в местных условиях. Теперь у нас было еще одно преимущество по отношению к колхозам Богучанского и Кежемского районов – вся выращенная продукция не шла в госпоставки, а реализовалась на месте, в районе.

В нашем объединенном районе геология теперь стала особой отраслью промышленности: три геолого-разведочные стационарные экспедиции. Этого ни в одном районе края и Тувы не было. Я уже касался деятельности АГРЭ, поэтому вкратце опишу деятельность других.

Стрелковская экспедиция занималась разведкой вновь открытого Горевского месторождения свинца, цинка, серебра и кадмия, по масштабам оно предварительно оценивалось как самое крупное месторождение этого генетического типа Советского Союза, и по нему было издано специальное постановление правительства. Ее работа была под контролем и министерства, и крайкома партии. Сам объект, на котором шли геолого-разведочные работы, находился около 40 км от устья Ангары вверх по течению. Здесь же был, или, вернее,

строился и поселок геологов временного типа. Тогда был в геологии такой порядок: при разведке крупных геологических объектов создавались временные базы для жилья и ремонта техники, производственные объекты.

Начальником экспедиции был Марк Львович Шерман, главным инженером Иван Николаевич Загорулько, главным геологом была Анастасия Тимофеевна Стеблева, потом Евгений Иванович Пельтек, техруком по бурению Владимир Алексеевич Тушканов. Все эти геологи были из геологических экспедиций края, еще молодые по возрасту, специально для этих срочных и ответственных работ подобраны. Работы шли в скором темпе, совнархоз нас подгонял, поскольку собирался сразу после разведки начать его эксплуатацию.

Месторождение по горнотехническим условиям было весьма сложным, поскольку одна треть его находилась под руслом реки Ангары и залегала в доломитизированных известняках, подвергнутых карстовым явлениям. Зимой приходилось бурить со льда, летом – с наплавных сооружений. Была крайне затруднена проходка горизонтальных и вертикальных горных выработок под землей.

Коллектив Стрелковской экспедиции был работоспособный, и в материально-техническом обеспечении ему была представлена «зеленая улица». В общем, несмотря на неустроенность с бытом, моральное состояние коллектива было высоким, кругом молодые люди, лишь несколько человек были уже в годах, среди них Скрипкин, председатель

профкома. Но в душе и действиях у него был молодежный задор, и язык работал, как у настоящего профсоюзного работника, пробивной – показывал советские патриотические рабочие фильмы, снабжал людей книгами, хорошо было поставлено и общественное питание и снабжение продовольствиями, а это было тогда одним из главных дел профсоюзов.

Я часто там бывал, и мне нравились люди, с которыми я встречался, потом с некоторыми из них завязалась дружба личного плана. Заместителем начальника экспедиции по хозяйственной части был Рагульский. Человек был особенно услужливый, видать, жизнь его так помотала, что он о своем «я» уже не думал, ему просто как-то нужно было выжить. По национальности он еврей, из ссыльных, уже преклонного возраста, на лице были глубокие отпечатки сложной судьбы. Его за глаза в экспедиции называли троцкистом. Я слышал от геологов, что в Москве в революционные годы он занимал высокое положение, и было трудно найти случай поговорить с ним, все нам что-то мешало остаться вдвоем. Обычно я утром приезжал в экспедицию, а в ночь выезжал в Мотыгино, самое прекрасное время езды по заснеженным таежным дорогам – мало встречного транспорта.

И все-таки мне удалось побеседовать с Рагульским. Я как-то приехал к ним на отчетно-выборное партсобрание, и мне пришлось в Горевке (потом поселок стал называться Новогарск) заночевать, и Рагульский меня размещал в заежке и кормил. Оказалось, в действительности Рагульский был пер-

вым секретарем троцкистского комсомола, когда Троцкий ушел в оппозицию к Сталину и создавал свои партийные и комсомольские органы в столице, и Рагульский был проводником идей Троцкого среди тогда воинствующей молодежи, за границу за Троцким не последовал. А потом, в начале 30-х годов, начались политические гонения на всех бывших соратников Троцкого. Так до смерти Сталина он прошел все возможные и невозможные тюрьмы, лагеря, ссылки, и сказал мне, что не заметил, как пролетела его жизнь – без семьи, детей и домашнего уюта. Он проклинал тех людей, которые занимаются политикой. Потом мы помогли ему перебраться в Красноярск, и здесь он затерялся от моих глаз.

В Стрелковской экспедиции сформировался классный состав буровиков и инженеров бурового дела, которые по окончании разведки были организованным порядком направлены на другой важнейший геологический объект Красноярского края – Талнах (Норильск). Среди молодых геологов в Горевке работали с Украины Ивановы – геолог Сергей и его жена гидрогеолог, Виктор Ломаев и его жена, потом эти люди прославят красноярскую геологию.

Конечным результатом работы коллектива Стрелковской экспедиции было окончание разведки Горевского месторождения с утверждением запасов в ГКЗ СССР с отличной оценкой, а особо отличившимся при выполнении этих работ была присуждена Ленинская премия, лучшие работники награждены правительственными наградами.

Вновь созданная Северная геолого-разведочная экспедиция продолжала обустриваться в пос. Тея, хотя я был сторонником ее размещения в Совруднике, ближе к горному производству и райцентру. Но здесь возобладал материальный фактор – геологи, живя в Тее, могли, по тогдашнему положению, получать полевое довольствие, а это значило 70 % к основному окладу, но не более 770 руб. в месяц. В общем, из-за этого я не стал настаивать на своем, чтобы перевезти их в Соврудник. Экспедиция тогда приступала к промышленной оценке золоторудного месторождения Эльдорадо по проекту, составленному когда-то мной и защищенному на НТС КТГУ. Были расширены работы на россыпные объекты, и тогда же был открыт крупный россыпной объект Гавриловский.

Для геологов Приангарья 60-е годы были самые «урожайные», шло обильное открытие новых месторождений и рудопроявлений полезных ископаемых всех видов минерального сырья, известных в мире. Здесь кроме названных выше появились рудопроявления олова и вольфрама, ртути, марганца, хрома и титана, а также редких и рассеянных металлов – ниобия, тантала, церия и других. В северной части района начались работы на уран. Расширялись объемы региональных работ. Жизнь у геологов кипела, и результаты открытий радовали всех. При этих напряжениях в полевых работах руководством экспедиции, к сожалению, тогда упускались вопросы решения социальных, жилищно-бытовых условий,

все строилось на время, только чтобы иметь крышу над головой, и министерство это устраивало. В то же время в других районах страны к геологам уже подходили по-иному – раз государство дает на разведку большие средства, то надо в первую очередь решить социальные проблемы геологов. Так делали в республиках: на Украине, Казахстане, Узбекистане и на Кавказе.

Мы же в Сибири к вопросам устройства быта обратились только в конце 70-х годов, когда на геологию средства стали сокращаться, и оказались самыми необустроенными.

Несмотря на широкое развитие геолого-разведочных работ на севере края, транспортные проблемы не решались, все надеялись решить их в стратегическом плане – ждали строительства северной сибирской железнодорожной магистрали, которая пойдет на восток по правому берегу Ангары и рассечет пополам наш район.

Что касается водного транспорта, то он не имел ясной проработки, поскольку не был утвержден генеральный план строительства гидростанций на Ангаре и Енисее. Места их расположения все время изыскателями менялись. Существовала сеть причалов для связи речным транспортом. На пристанях стояли небольшие дебаркадеры. Основные продовольственные, промышленные и технические грузы по-прежнему завозились речным флотом: для Севера в период поводка, на юге – за весь период навигации летом. Она начиналась в конце мая и заканчивалась в середине октяб-

ря. Свой флот в районе имели геологи, лесники. Совнархоз имел свои теплоходы для доставки грузов в бассейн Ангары и Тасеево, базировавшиеся в п. Рыбном. Руководил этим хозяйством бывший председатель райсельхозтехники Дмитрий Кондратьевич Клешнин, человек могучего телосложения, родом из таштыпских казаков, прошедший большую жизненную школу на Колыме. Человек деловой, обязательный, с хорошей хваткой хозяйственника. Он и вывел пос. Рыбный в число лучших населенных пунктов по решению социальных вопросов. В поселке осуществлял все функции – как отец большого семейства, а к тому же жена его была, вдобавок к хозяину, фельдшером и акушеркой, звали ее Натальей.

Главный инженер этого транспортного предприятия – Владимир Подоляк, грамотный и толковый инженер. Он знал в совершенстве свои обязанности и возможности. И когда мы стали переводить Клешнина на работу с повышением в Красноярск, то я Подоляку предложил занять должность начальника, но он отказался, заявив, что он знает свое место, это другие – им предложи должность министра, и они сразу примут эту должность. Редкий по скромности человек и специалист.

В районе теперь было два авиапредприятия, вернее аэропорта: на севере – Соврудник, на юге – Мотыгино, и две площадки для приема самолетов малого класса в Первомайске и Машуковке. В Мотыгино аэропорт был на острове, и

все неприятности ежедневно шли оттуда в райком. Надо было что-то решать с постоянным аэродромом круглогодичного действия. Предложений было несколько, где строить аэродром. Были даже временные площадки, но везде грунт был или сильно глинистый, или заболоченный – как шел дождь, все раскисало.

Пригласили мы в район начальника управления ГВФ Михайлова, чтобы с ним определиться, где начать строительство аэродрома. Государство выделить средства централизованно отказывалось – стройте, как можете, хозяйственным способом, а это, как сможешь «выдавить» с хозяйственников. Михайлов вместе с нами посмотрел все предлагаемые места для аэродрома, пообещал, что пришлет своих специалистов для изыскания и разработки проектных решений, но от финансирования тоже отказался.

Выбор все-таки пал на площадь, где сейчас функционирует Мотыгинский аэропорт, но с ним тоже была трудность, поскольку эта площадь попадала в зону затопления будущей ГЭС в районе Абалаково на Енисее, как и само Мотыгино. Тогда же с Михайловым мы оговорили всю сеть новых аэродромов и площадок для открытия воздушного сообщения в целом по районам. Прибавилась Горевка, Орджоникидзе, Партизанск, Южно-Енисейск, Пит-Городок, Еруда, Вельмо, Вангаш, Мурожный, Кирсантьево, Ишимба. Самолетами нас должны были обслуживать авиаотряды Енисейска и Красноярска. В районе постоянно базировались всего

лишь несколько самолетов Ан-2 и вертолеты для геологов и лесной охраны. И эту программу мы выполнили в течение нескольких лет.

Поскольку для телефонизации района средства тоже не выделялись, мы обратились к начальнику краевого управления связи Пережогину и с ним полюбовно договорились – строительство хозспособом – его техническое руководство, получение фондов в то время дефицитного биметалла для проводов. Первым делом нужно было установить надежную связь с краевым центром по линии, а с другими населенными пунктами по радио. Для этого мы собрали в райкоме всех представителей предприятий и организаций, причем первых руководителей, и дали им директиву для всех – строить и аэродромы, и телефонную связь за счет внутренних резервов, мобилизации трудовых ресурсов за счет своих кадров. Но строить мы обязаны, потому что от этого зависит наша работа и жизнь всех трудящихся Мотыгинского района.

Расписали за каждым предприятием участок будущей телефонной линии по километрам, на них нужно было вырубить просеку требуемой ширины и установить телефонные столбы по трассе до самого Енисея, а там управление связи нас подключит к своим сетям. А по аэродрому расписали выделение землеройной техники и самосвалов. И вот таким путем удалось снять с плеч, казалось бы, неразрешимую проблему. Пришлось некоторым испортить настроение и привлечь к партийной ответственности за невыполнение дого-

воренности.

Оставалась нерешенная проблема транспорта – соединить дорогой круглогодичного действия Мотыгино – Соврудник. Когда нас объединяли, то зав. промышленно-транспортным отделом крайкома говорил: «О чем вы печалитесь? Для того чтобы проложить шоссе в 70 км, такому краю, как Красноярский, ничего не стоит». А когда пришли к нему за советом, как нам этот вопрос решить, то он нас послал в совнархоз. А там нам говорят: «У лесников и золотопромышленников на эти цели средств нет, идите в крайисполком, там есть управление дорожных и шоссейных дорог, и пусть оно решает районные дела». В общем, мы прошли все инстанции, но вопрос не продвинулся. Тогда решили попробовать сделать между п. Партизанском и Брянкой зимник, вдоль которого потом пройдет ЛЭП от Раздолинска на Соврудник, а затем строить шоссейную дорогу. В Брянке у нас была транспортная контора крайавтоуправления, начальник Г.Г. Лисенко.

Это была наша местная программа, как обустроить новый район, а глобальная – союзная программа развития народного хозяйства Нижнего Приангарья – планировалась, решалась, рассматривалась в совнархозе и центральных ведомствах Москвы. Заинтересованность этими районами была большая и в ЦК, и в правительстве.

Гостей тогда к нам приезжало много, и самого высокого уровня, не успевали встречать и провожать. А вот с размещением их у нас всегда были проблемы – не было гостиниц

соответствующего уровня, а накормить и напоить проблем не было. Летом можно было вывести их на Ангару и накормить настоящей ангарской ухой из стерляди, тайменя и окуня.

Район по территории был огромный, я часто ездил и в Северо-Енисейск, поскольку мои бывшие земляки ко мне ревностно относились, даже стали говорить, что я больше внимания в своей работе уделяю югу. Размежевание все же существовало, да и руководящие партийные и советские органы разместились в бывшем Удерейском районе. Мне самому не нравилось даже само название района – Мотыгинский, ведь эта промышленно-производственная зона должна чем-то отличаться и в названии, а не называться от деревенского слова «мотыга». Чтобы повысить промышленный статус района, я написал докладную записку на имя Красноярского промышленного крайкома с предложением дать району географическое название Нижнеангарский и п. Мотыгино переименовать в Новоангарск. Пустил пробный шар, послал докладную в крайком, но там этот вопрос официально не обсуждался, и дело заглохло.

О речниках. Я забыл назвать еще одну организацию речного ведомства, базирующуюся в Мотыгино и в Рыбном. Это технический участок Енисейского бассейнового управления пути, который занимался речной обстановкой всей р. Ангары до Иркутской области. Его буи, бакены и створы обеспечивали судоходство на Ангаре днем и ночью, кроме этого,

тех. участок вел в большом объеме дноуглубительные работы в шиверах, порогах и перекатах с применением взрывных работ и земснарядов. Длительное время возглавлял этот участок Матонин, известный моряк и речник. Он и внешнестью походил на моремана, всегда в форме, выглаженный, с небольшим брюшком, и всегда выглядел эффектно. Из этой организации мне запомнились многие руководители и специалисты. Люди были образованные, окончившие институты водного хозяйства, и считались районной интеллигенцией. В подразделениях тех. участка всегда был порядок, как у моряков, которых в жизни я глубоко познал. Воспитанниками этого предприятия были речники, которые потом возглавили крупные подразделения флота на Волге, Каме, Енисее и Оби: Новиков, Николай Павлович Жигалин, Гатин, Попович, ставший главным инженером БУПА, к великому сожалению, рано ушедший из жизни, Матонин и другие.

Правда, из речников мне не удалось никого выдвинуть на работу в партийные органы, они свою работу ценили больше, она для них была интересней. Очень симпатичным, интересным как мужчина и уважаемым руководителем Енисейского БУПА был Юрий Павлович Зоммер.

Долгая бескорыстная дружба меня связывает с Николаем Терентьевичем Колпаковым, отцом города Лесосибирска. Мы с ним познакомились в далекие 60-е годы, когда он был первым секретарем Енисейского горкома партии, а председателем горисполкома был Владимир Подлевский, по про-

фессии речник-механик, впоследствии сделавший удачную карьеру в партийной работе.

Николай Терентьевич родился в 1932 году в Красноярском крае, окончил технологический институт и получил профессию инженера лесного производства, но благодаря организаторским способностям профессию лесника заменил на партийного руководителя. С его именем связано становление и развитие города Лесосибирска, где он десятки лет проработал первым секретарем Лесосибирского горкома партии, а при смене советской власти он через некоторое время стал бессменным главой администрации этого города и проработал на этом посту до своего восьмидесятилетия, пользуется авторитетом и вниманием со стороны населения.

В этом городе выросла плеяда директоров лесоперерабатывающей промышленности, создавших новые комбинаты с выпуском импортной продукции, и среди них хотелось бы отметить Виталия Матвеевича Протасова, который наряду с профессионализмом обладает разносторонними знаниями и высокой культурой общения. Благодаря этим и другим руководителям Красноярский край в развитии лесной промышленности занял ведущее место в СССР, и я всегда гордился, что сохранил с ними близкие дружеские отношения и взаимное уважение. А судьба у них примерно по сибирским меркам равная с геологами – работали в первую очередь на государство, а потом немного для себя.

Как в Северо-Енисейском, так и в Удере́йском районе бы-

ло большое число людей из интеллигенции, причем все молодого возраста, приехавшие по воле партии осваивать Сибирь, здесь и задержались, завели семьи, полюбили свою работу. Многие полюбили таежные безлюдные края, увлекаясь охотой, рыбалкой, сбором грибов и ягод, а некоторые просто сильно любили тайгу, лес и реки – все, кроме комаров, мошки, а зимой сильных сибирских морозов. Я могу здесь назвать лишь тех людей, которые мне были близкими, или я лично знал их по работе, или встречался на каких-то общественных мероприятиях.

И заранее прошу прощения, если кого-либо забыл вспомнить. О технической интеллигенции района я уже рассказывал, и касался в основном руководящего круга кадров района. Но кроме них, работала целая армия простых тружеников, специалистов и квалифицированных рабочих, учителей, медицинских работников, работников социально-культурных учреждений, вносивших свою лепту в жизнь и развитие района и оставивших свой след в истории района, своих коллективов.

Прежде всего хотелось бы назвать заведующих районным отделом народного образования. Я застал еще в Северо-Енисейском районе Александра Ивановича Дрокина и Белинского. Директора школ, которые были известны всему району: Северо-Енисейской – Любовь Дмитриевна Папина, В.И. Власенко, А. Крыжановский; Тейской – Р.Я. Соколовская, Нойбинской – Элерт, Южно-Енисейской – Загибалова,

Мотыгинской – Николай Татаренко, Евгения Александровна Брюханова, Яковлев; Раздолинской – Фаина Федоровна Винк, Первомайской – Дмитрий Иванович Авдеенко, потом он стал заведующим районо; Павел Федорович Климов – отдел спорта. Назову и преподавателей школ: Бориса Ивановича Малютина, Веза Павловича Аннонен, Веру Александровну Авдеенко, Надежду Ивановну Богданович, Рушелюк, Г.В. Косенко, Кожина, Пичкину, Н.Т. Рукосуева, В. Фридберг – преподавателя музыки.

В районе работали замечательные медики: О.О. Алкс, Кожина, В.Б. Самойлова, А.К. Жарикова, М.С. Голобородько, Симоненко, заслуженный врач Юлия Серафимовна Одинокина, Михаил Илларионович Плотко, Мария Прокопьевна Плотко, зав. райздравом Трофим Петрович Одинокин, Дзисько, Михнюк – муж и жена, и многие другие.

Административные органы были представлены опытными, знающими людьми, среди них прокурор района Коваленко, председатель суда Шауро, начальник милиции Григорий Иванович Зенин, военкомы – майор Булатов, майор Мирошниченко и в Мотыгинском районе подполковник Вячеслав Александрович Щукин. Все эти люди были уже со специальным юридическим и военным образованием и строго соблюдали партийную дисциплину.

Торговая сеть в те годы была представлена, как я упоминал, несколькими ведомствами. Они соревновались между собой, что создавало разнообразие товаров, и по тем време-

нам, по сравнению с другими северными районами, она в целом была терпимая. Положительно сказалось и то, что все сельское хозяйство было государственное и работало только на район. Нам удалось в те годы снять проблемы с обеспечением трудящихся свежими овощами, картофелем, свежим мясом, молоком. Я себе долго не мог тогда простить – дал согласие под напором совнархоза (П.С. Иванова) ликвидировать потребкооперацию. Она вносила разнообразие за счет закупа продтоваров у населения: рыбы, мяса, грибов и др.

Совнархоз тогда стал даже настаивать, чтобы мы в подхозах ликвидировали свиноводческие фермы под тем предлогом, что производство свинины – дело дорогостоящее, ею уже затоварились в Красноярске, и, дескать, давайте лучше вам будем ввозить готовое свиное мясо. Но мы посоветовались в районе, и их директиву не выполнили, сохранили все поголовье, и правильно сделали. После снятия Хрущева со всех должностей проблемы с продуктами животноводства вновь обострились, но мы уже от этого не пострадали.

У нас в районе вырос свой штат ответственных руководителей в торговле и общественном питании, из местных кадров, хорошо знающих условия жизни населения, они, может быть, порой и ленились, но это были честные люди, не ворюги, и если бы они стали обогащаться за счет народа, то сразу бы были видны. Начальниками продснаба были Иван Андреевич Воронов, Кантемиров, Леонид Петрович Хорин,

Василий Михайлович Рыбаков, Казаков и другие.

Главным организующим звеном всей партийно-организационной и культурно-массовой работы среди коммунистов и всего населения, конечно, были самые добросовестные и бескорыстные люди из числа секретарей партийных первичных организаций. А они были в каждой ячейке трудовых коллективов, будь то в школе или больнице, на транспорте, или в каком-либо сельхозпредприятии, или геологической партии, как и в профсоюзном движении. Районная парторганизация руководила и общественными организациями – профсоюзные, комсомольские, спортивные, оборонные находились под постоянным влиянием партийных организаций, которые, в конечном счете, выходили на райком партии и его бюро. Высшим партийным руководящим органом района было бюро райкома между партконференциями и пленумами райкома. А сам аппарат райкома обеспечивал только выполнение решений бюро. Система руководства партией была разработана сначала Лениным, а потом Сталиным, и она за всю историю советского времени почти оставалась неизменной. Освобожденные секретари партийных организаций были только в крупных парторганизациях, они и зарплату получали в райкоме, и имели в своем аппарате людей для работы. Таким образом, в объединенном райкоме у нас были следующие освобожденные секретари парткомов: Северо-Енисейский – Александр Григорьевич Клименов, Тасевской сплавной конторы – Николай Петрович Морозов, Се-

веро-Ангарского горнометаллургического комбината – Николай Дмитриевич Машуков и Виктор Александрович Орт, АГРЭ – Вячеслав Григорьевич Ширинский.

В целом же секретари партийных первичных организаций никакими привилегиями не пользовались, а только несли обязанности и исполняли бескорыстно весьма трудную работу. Нашим новым инструктором-куратором крайкома партии стал Виктор Сергеевич Радкевич – инженер, затем окончивший ВПШ.

Полного благополучия в районе не создашь за счет местных условий. Мы были наполовину зависимы от краевых партийных советских и хозяйственных органов, от краевого бюджета, от выделенных государством средств на развитие производства, материально-технических ресурсов, транспортных средств. В районе в основном развивались сырьевые промышленные производства. У нас не было машиностроительного комплекса. Все это заставляло искать контакты с людьми в Красноярске, от которых это зависит, надеяться, что это поступит в плановом порядке, было просто утопией. Так мир давно устроен, что без связей, без контактов, без поддержки в большом деле проживешь в районе бесцельно.

У нас складывались хорошие взаимоотношения с руководством Красноярского совнархоза. П.Ф. Ломако в то время был переведен с повышением – стал заместителем председателя оргбюро ЦК по РСФСР (т. е. Хрущева). К руководству совнархозом пришла молодая команда из бывших

норильчан. На первых порах председателем совнархоза стал Безяев – энергетик, но он скоро был переведен в Москву, и его место занял Василий Николаевич Ксинтарис, длительное время проработавший в снабженческих организациях Норильского промрайона.

Первым заместителем председателя Красноярского совнархоза стал Николай Тимофеевич Глушков. По профессии он финансист, имел среднее специальное образование, но по опыту уже прошел большие руководящие посты в «Енисейстрое», МВД СССР, потом заочно окончил юридический институт. Человек молодой и волевой. Как про него говорили, «где он прошел, там оставалась голая земля и пыль». Он хорошо изучил советскую школу управления и сам многое в жизни испытал. Как мне говорили, его родители были высла- ны в Сибирь из северной области России. У него было много противников, но за деловитость, знание дела и напористость его высоко ценили непосредственные начальники.

Несмотря на то что Глушков был по образованию финан- сист, он хорошо разбирался и в горном деле, и одно вре- мя даже в районе Канска руководил монацитовым производ- ством, работал в Норильске. Я был на бюро крайкома, где его с большим трудом удалось, не без помощи Ксинтариса, утвер- дить в должности первого зама. Зная его вес и оперативность в решении дел совнархоза, мне удалось с ним не только по- знакомиться, но и впоследствии подружиться на многие го- ды жизни. Я пригласил Глушкова приехать в район в благо-

приятное время года – конец августа, и объехать весь район, конкретно познакомиться с нашими делами, производством и месторождениями, сулящими большую ценность для страны.

Сначала были в северной части, преимущественно золотодобывающей, а потом и в южной, провез я его на полуглиссере по Ангаре до Стрелки, оттуда его увезла вызванная из Красноярска «Волга».

Удалось заманить в район и председателя совнархоза В.Н. Ксинтариса, проехали мы с ним территории района по Ангаре, однако в районе он не остановился, ограничился заслушиванием моей информации о делах в районе.

Я начал сразу налаживать более тесные связи района с краевыми управлениями народного образования и здравоохранения как наиболее важными для нас. Тогда там работали такие интересные молодые руководители, как Иван Степанович Тренкаев и Спартак. Они побывали в районе, и мы наметили меры, чем нам нужно помочь в первую очередь. Учительские кадры у нас были свои, не хуже, чем в других районах и городах края, а вот материальная база для их работы была никудышная, кругом разваливающиеся деревянные здания школ, построенных еще в 30-х и даже в 20-х годах.

А начальника Красноярского управления здравоохранением Степана Васильевича Гракова по нашей просьбе к нам направили для баллотирования в депутаты краевого совета. Это был удивительно контактный, заботливый и обязатель-

ный человек, и он был избран депутатом почти единогласно. Был депутатом два созыва, вплоть до ухода на пенсию.

Граков был очень интеллигентным, интересным человеком, доверительным и откровенным, наряду с его профессиональными знаниями медика. Он организовал постоянный выезд в район специалистов высокой квалификации для оказания консультаций, обследования больных. Помогал и в обеспечении кадрами, и в ремонте больниц и медпунктов, и мы в Красноярске у него стали почетными гостями.

У Гракова было два сына, и оба врачи. Один сын, Борис, был очень одаренным хирургом, член-корр. АМН СССР. Он умер раньше отца, последняя его должность – ректор Красноярского мединститута. Второй сын тоже хирург, специалист высокой квалификации, но без высокой должности. Степан Васильевич любил своих невесток и подчеркивал, что они обе красавицы. Хороший рассказчик и, наверное, большой выдумщик. Мне запомнился рассказ, как он отдыхал в санатории вместе со своей супругой: «Она знала мои слабости, и не отходила от меня ни на шаг. Я присмотрелся к одной даме, а потом и она ко мне, и у нас возникло обоюдное желание встретиться. Но как? Иду на танцы, в кино, а рядом жена, и так до самого отбоя ко сну. Но моя супруга любила утром долго поспать. Тогда я решил воспользоваться временем, говорил, что шел на физзарядку, и использовал его на роман с моей новой знакомой».

Или рассказывал другой случай: «Я загулял и несколько

суток не приходил домой, жена знала, где я, и выжидала, не искала. Но ведь когда-то домой идти надо, женой и семьей я очень дорожил. И вот решил – сегодня иду домой, будь что будет. Позвонил в квартиру, жду ни жив ни мертв. Открывает дверь жена, остановилась у порога, на меня презрительно смотрит, подбоченясь, готова ударить меня по морде, как блудливого кота. И я, переступив порог, бухнулся ей в ноги и говорю: «Прости», при этом ожидал, что она меня пнет по голове, как пса. Она долго стояла, видать, раздумывала, что со мной делать. Потом говорит: «Иди в ванну!» Я так обрадовался, что мигом оказался в ванной, и мыл себя так долго, так тщательно, как никогда ранее».

Как-то вечером мы договорились с ним встретиться в здании райкома, чтобы переговорить перед его отлетом в Красноярск. Он пришел пешком по зимнему морозцу, весь покрасневшийся от здорового воздуха на Ангаре. И я, как обычно, гостя спрашиваю: «Что вам, Степан Васильевич, у нас понравилось?» И заранее ожидал, как и все гости до него отвечали на этот вопрос – «люди, проживающие в районе, простые и гостеприимные». Но Степан Васильевич, не задумываясь, отвечает: «Снег! Белый чистый снег. Я бы его весь собрал у вас с Ангары и увез в Красноярск, чтобы он сделался чище и привлекательнее». У нас все котельные работали на дровах и не коптели так сильно, как угольные.

Начальником Енисейского пароходства был Иван Михайлович Назаров. Он не только бывалый речник, но и сибир-

ский писатель, один из основателей Енисейского речного пароходства еще до Отечественной войны, очень уважаемый человек. И как руководитель пароходства он был человек слова – сказал, пообещал, значит, обязательно сделает. У него был первым заместителем тоже старейший речник по фамилии Качалов. Они были лично очень дружны и всегда отбивались от властей сообща, а претензий к их работе было много – весь Север зависел от их работы, а здесь еще и лесники с каждым годом набирали объемы лесозаготовок в Приангарье, и надо было его вывозить или сплавливать теплоходами. И в последние годы Иван Михайлович уже жил своим авторитетом: в дела сильно не вникал, за все дела теперь информировал Качалов, хорошо знавший производство и умевший хорошо нападать на заявителя. Потом к этой dvojце прибавился новый зам в лице Степана Ивановича Фомина, бывшего капитана теплохода «Александр Матросов». И с этой троицей руководителей нам, секретарям приангарских райкомов, было приятно и интересно работать, они нас никогда не подводили, и мы на них не жаловались. Все заявки на завоз горючего, организацию пассажирских перевозок или буксировку плотов они выполняли для северных районов в первую очередь. Однажды я попросил Назарова сделать срочную работу – перевозку магнетитовой сырой руды на завод для отработки там технологии ее обогащения. Пароходство сразу пригнало 500-тонную баржу с металлической палубой. Но наши горняки без оборудования специаль-

ного деревянного настила стали навалом грузить кусковатую руду и местами погнули и повредили палубы несамоходной баржи. За это меня И.М. Назаров только пожурил, а золото-сурьмяный комбинат наказал.

Начальниками управления цветной металлургии совнархоза побывало несколько человек, среди них Окладов и Григорий Васильевич Туровец, он одно время был и зам-председателя совнархоза. Многоопытный горняк и руководитель, когда-то был и управляющим трестом «Енисейзолото». Немного авантюрного характера, смелый, но он был ответственным и никогда не подводил подчиненных, умел в нужный момент их защитить. Золотая промышленность края много лет не выполняла государственные планы, и всегда винули руководителей треста, а они, по правде сказать, работали, как черти, на этих технически отсталых предприятиях. Туровец работал с нами напрямую уже после ликвидации совнархозов.

Как-то нас с ним вызывают в кабинет первого секретаря крайкома, которым был уже В.И. Долгих, за невыполнение плана золотодобычи в третьем квартале года, а наш район давал больше половины золота края. Вытащил нас на «проработку» тогдашний секретарь крайкома по промышленности Александр Иванович Исаев. Я был настроен по-боевому, и все наши неудачи с планом обосновывал его завышенностью, он взят с потолка, поскольку все годы выполняли его, как говорили, через пуп, а нам его «наваливали». И я за-

явил, что план и по году не будет выполнен. Таких заявлений в партийных органах обычно не принимали, а сразу грозили оргвыводами, то есть снятием с работы. Долгих слушал и молчал, а Исаев нажимал и требовал, безусловно, выполнения годового плана и стал брать в пример в качестве лучшего предприятия края Норильский комбинат. И вот здесь Григорий Васильевич не вытерпел и сказал: «Норильским комбинатом сейчас может управлять любой дурак, и комбинат будет не только выполнять, но и перевыполнять план, имея такую прекрасную сырьевую базу по богатству полезных компонентов в руде». Такое заявление Туровца Долгих не понравилось, ведь он был недавно там директором, но он промолчал. И ведь Туровец на сто процентов был прав, поскольку золотая промышленность края имела очень низкое содержание золота в рудах, да еще и россыпи, которые уже были отработаны в богатых полигонах. Но Туровец забыл, что Долгих там работал, и потом сожалел об этом.

Г.В. Туровец на работе износился, успел ранее еще поработать на урановых рудниках Чукотки, поэтому, как только исполнилось шестьдесят лет, ушел на пенсию, но оставил после себя хорошие воспоминания как о человеке и руководителе золотой отрасли. Несколько лет спустя, когда я уже стал работать начальником КТГУ, Туровец обратился ко мне с просьбой насчет какой-нибудь работы, дома без работы не мог жить. Пробовал он заняться дачей, но был с детства далек от земли и бросил ее. Как-то встретив меня на улице,

стал что-то рассказывать о новостях. Я ему сказал, что мне некогда, бегу в крайком. А он мне с обидой: «Все вы теперь заняты, а мне что делать? Утром встаю с постели, слушаю последние новости местного радио, к обеду известия из Москвы, потом начинаю читать газеты и журналы, вечером слушаю Китай, потом «голос Америки» и т.д. И к концу дня у меня от новостей распухают в голове мозги, информацию надо кому-нибудь выдать, освободиться. Начинаю рассказывать жене, а она отмахивается, ей неинтересно: «Отстань со своей политикой». И ты не хочешь меня послушать, все куда-то торопишься».

После такого откровения я поговорил с Б. Зархиным, руководителем экономической лаборатории края от СО АН СССР, чтобы его взяли на работу, а оплачивать его работу будет КТГУ. И вот так он дотянул до своей кончины как научный сотрудник, а знаниями он обладал колоссальными.

Строительными делами в совнархозе и крае заправляли два человека – Воробиевский, который быстро уехал на высокую должность в ЦК, и Борис Михайлович Зверев, ставший после совнархоза начальником «Главкрасноярскстроя», который потом стал мощнейшей строительной организацией Сибири. Наше с ним знакомство тоже началось с предвыборной кампании, когда его избирали депутатом Верховного Совета РСФСР. Человек он обаятельный и общительный, к нам сразу вошел в доверие и несколько раз побывал в районе. Но поскольку у него в нашем районе не было своей стро-

ительной организации и базы, а наши перспективные горные объекты не были готовы к строительству, то ощутимой помощи мы от Зверева не получили, а потом он уехал в Москву зам министра по лесной отрасли хозяйства.

С первых дней работы в новом районе я познакомился и завел контакты с начальником управления лесного хозяйства края Александром Ивановичем Кудрявцевым. Очень опытный хозяйственник и политик, он много нам помогал, и в то же время навязывал то, что было выгодно только его ведомству. Лесхозы начали заниматься лесозаготовками, а не охраной лесов.

Лесозаготовки края курировал зампредсовнархоза Николай Афанасьевич Усенко. С этим ведомством нам пришлось и дружить, и ругаться. Объем лесозаготовок в плановом порядке с каждым годом увеличивался, а капиталовложения в лесную отрасль не шли, все делалось на ура, за счет внутренних резервов. Жилья нет, дорог круглогодичного действия нет, нижние склады не построены, и денег на это не дают. Все пытаются решить за счет оргнабора рабочих, агенты ездят по всей стране, и везде людям обещают, что в Сибири можно быстро заработать деньги и хорошо устроиться в жизни. Привезут людей в Сибирь, а здесь зарплата мизерная и жить негде, кроме как в переполненных общежитиях-клоповниках. Но единственная помощь государства была в том, что выделялось много техники на лесозаготовки, и вывоз древесины шел ударными темпами, в основном зимниками.

Я решил заставить совнархоз, чтобы они не только выбивали от нас план, но и, прежде всего, создавали нормальный быт для людей в своих поселках. Я написал докладную записку в крайком о том, что лесники не занимаются главными вопросами развития лесной отрасли в Приангарье – бытом людей, строительством жилья.

Докладная поступила к Кокареву, и он дал поручение аппарату подготовить данный вопрос на бюро крайкома. Была создана соответствующая группа, комиссия приехала в район и стала изучать положение дел на местах. Все, что я писал, подтвердилось, и комиссией была подготовлена записка. Вызвали на бюро лесников, речников, строителей и все краевые службы. Вел бюро А.А. Кокарев, его все побаивались. И он здесь проявил себя воинственно – за непринятие должных мер по развитию лесопромышленного комплекса, быта людей ряд руководителей был строго предупрежден о служебном несоответствии, в том числе и Усенко. Я вышел с бюро вроде бы победителем, и здесь, в приемной, на меня набросились некоторые руководители за то, что я «выношу сор из избы» вместо того, чтобы попытаться решать эти дела путем личных контактов и переговоров. В общем, преподнесли мне урок советского управления хозяйством. Один говорит (Тювкин): «Хорошо, допустим, сейчас на бюро Усенко наказали, но ведь завтра тебе к нему с чем-то придется идти, просить помочь, и с какими глазами ты к нему пойдешь?» И я подумал потом: с краевыми руководителями не

надо бодаться. Людей-то наказали, но они все равно ничем не смогли помочь, поскольку сами в таком же положении находятся от Москвы, как и мы, которая установила сначала производственный план, а жилье на втором плане. И нужно сказать, что никогда раньше и никогда позже в системе управления народным хозяйством не было такой стройной и жесткой вертикали административного управления и такого контроля за состоянием дел, как на предприятиях, подчиненных совнархозу. Любой сбой в работе сразу становился известным руководству совнархоза, и наступала мгновенная реакция – в помощь дают технику. Тогда уже существовал институт «толкачей», то есть представителей края, выезжающих в район для оказания помощи. Мы, советские люди, по-видимому, не привыкли работать без погонял. Этот принцип еще долго сохранялся после ликвидации совнархоза и в целом давал положительный результат – хоть и кратковременный, но условия жизни людей не улучшались.

После объединения района промышленно-производственная зона теперь имела особую экономическую значимость, особенно по золотодобыче, геологоразведке и лесному производству, и это находило отражение и на мне как на руководителе – часто стал появляться в президиумах различных конференций, съездов, к нам стало больше внимания со всех сторон. К нам ехали люди, и мы стали выезжать за пределы края и в Москву.

Запомнилась командировка в Магадан (Колыму). Там

весной 1963 г. под руководством ЦК КПСС проходило все-союзное совещание работников золотой отрасли страны. Наша делегация состояла из четырех человек: А.М. Портнова, В.В. Смирнова, А.Г. Клименова и меня. Мне поручили сделать доклад от имени Красноярского края о состоянии и развитии золотодобывающей промышленности. Был на совещании и первый заместитель заведующего отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС Иван Павлович Ястребов. Доклад мы подготовили емкий, с претензией к Госплану на невнимание к нашему перспективному краю в развитии золотой промышленности. В то время Колыма гремела как главный регион золотодобычи страны, они добывали там около 70 тонн золота в год и никому другому не собирались отдавать первенство. Загубили, как говорят, в колымской тайге больше трехсот тысяч душ заключенных (1935-1953 гг.).

Там на диком месте вырос новый современный город Магадан, и пока я там находился, я все думал: кто же из моих близких родственников здесь побывал и кто из них брошен в могилы этой вечной мерзлоты? Все здесь появилось и выросло на косточках пленников страшного политического режима.

Мой доклад не вызвал одобрения колымчан. Вдруг какой-то сибиряк ставит вопрос о том, что при планировании и финансировании не учитывают потенциальные возможности увеличения золотодобычи в других регионах Сибири и

Союза, и в частности Красноярского края. И сразу после меня выступает начальник Северо-Восточного геологического управления Драпкин и заявляет, что вот передо мной выступал первый секретарь одного из районов Красноярского края и заявляет, что неправильно идет финансирование геологических работ на золото, а я, дескать, хорошо знаю геологию Красноярского края, и там, кроме железа, угля и норильского никеля и меди, заниматься нечем. Примерно такого же мнения были и работники ЦНИГРИзолото, которые определяли геологическую политику золота в Союзе.

Само совещание в Магадане для нас, красноярцев, было полезно с познавательной стороны, и мы смогли воочию сравнить, какие границы нас разделяют, но все же чувствовалось, что и в технологии добычи, и в методике геологоразведки золота наш край отстает. Колымчане устроили нам и хороший отдых – на совещании мы познакомились со всем партийным активом этого региона от Хабаровска до Чукотки. Заправлял совещанием председатель Северо-Восточного совнархоза К. Воробьев, старейший золотопромышленник, в его епархию входила тогда и Якутия. В ресторане был заказан ужин, и мы там познакомились с выдающейся женщиной, которая была по национальности чукча, она пела и плясала, и не случайно, по-видимому, была избрана членом Президиума Верховного Совета СССР. Вторым секретарем Магаданского обкома был Сергей Афанасьевич Шайдуров, с которым я потом познакомлюсь ближе, когда он станет замми-

нистра геологии РСФСР.

И.П. Ястребов нам предоставил возможность поближе познакомиться с Колымой, съездить вглубь территории, но мы как всегда куда-то спешим, боялись не успеть приехать на день 8 Марта домой и побывали только в самом городе, его окрестностях и в морском порту. И очень жаль! После этой поездки я стал постоянным подписчиком журнала «Колыма», отраслевого научно-технического журнала, печатался он на особой бумаге со времен «Дальстроя», какой нигде в обороте не было.

В период правления Никиты Сергеевича Хрущева подобных совещаний регионального плана было очень много, и это называлось обменом опыта работы, и они, безусловно, были полезны. Хрущев и сам много мотался по стране и за рубежом, и к себе возил много новых друзей, его потом за это многие чиновники осуждали. Во время правления Хрущева я дважды побывал в Москве на самых высших мероприятиях, какие в то время проходили по инициативе ЦК КПСС.

Первый раз я попал на Всесоюзное совещание работников промышленности, транспорта и связи, которое проходило в Большом Кремлевском дворце с участием всех членов Политбюро во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым. От Красноярского края была делегация из руководителей края численностью более 30 человек (у меня сохранился фотоснимок). Руководитель делегации В.Ф. Гаврилов-Подольский. В составе было руководство совнархоза, руководители

крупных предприятий, секретари райкомов и горкомов партии.

С основным докладом выступил Н.С. Хрущев, говорил он около двух часов. Вообще он любил доклады делать длинными. Но меня, «туземца», больше интересовало не содержание его речи, поскольку ее можно было прочесть в газете, а манера поведения его на трибуне и реакция в зале. Места в Кремлевском дворце были строго расписаны по делегациям, нам, краю, дали места престижные, поскольку край тогда набирал темпы развития. Появление Хрущева и его соратников весь зал встречал стоя, и минут пять шли громкие аплодисменты, все стояли, пока члены Политбюро и руководство Совмина не рассядутся на местах в президиуме. Я тогда сумел рассмотреть всех руководителей с близкого расстояния.

Совещание шло два дня. Разместили нас в гостинице «Москва», мне достался одноместный номер на седьмом этаже. Все было организовано на высшем уровне, за нами закрепили несколько «Волг», и мы могли поехать куда нужно по делам.

Могли побывать за эти дни во всех отделах ЦК, управлениях Совмина и у любого министра, они принимали вне очереди по всем вопросам. Могли переговорить по междугороднему телефону бесплатно, получить билеты на любые спектакли и концерты Москвы, в Кремле можно было посетить все закрытые для публики хоромы бывших царей и цариц, Алмазный фонд и культурные учреждения – соборы Крем-

ля, в которых тогда никаких служб не было.

В то время Кремлевский дворец съездов еще не был открыт, шло приготовление к открытию к дате рождения В.И. Ленина, и все эти два дня мы работали в старом Кремлевском дворце. Заседание намечалось на десять часов утра, но за полчаса раньше мы должны быть на месте. Вход с внешней стороны в Кремль на пропускном пункте, охраняла милиция, а на входе в Кремлевский дворец наши удостоверения проверяли уже сотрудники КГБ. Причем тщательно сверяли пропуск, паспорт и физиономию.

Я уже говорил, как встречали руководителей партии и правительства. Совещание открыл и в общих чертах сказал несколько слов Хрущев – о явке в том числе. Потом встал в президиуме Фрол Козлов, тогда первым заместитель главы государства, и слово для доклада предоставил Хрущеву, и опять аплодисменты.

Зал внимательно слушал Хрущева, а вот в президиуме люди переговаривались короткими репликами. Хрущев чувствовал себя на трибуне уверенно, однако когда отходил от подготовленного ему текста, то сразу заикался, немного путался. Собственно, на этом совещании ставились конкретные задачи по выполнению решений съезда партии, на котором была принята программа, как догнать и перегнать США по выпуску основной промышленной продукции и в течение ближайших лет заложить основу для перехода к построению коммунистического общества в СССР. И вот еще одна осо-

бенность – когда эти решения были изложены в цифрах, расчетах, никто эти цифры не опротестовал ни у нас, ни за рубежом. По физическим показателям они были приемлемы, например, по добыче каменного угля, выплавки стали, по добыче нефти и газу, по производству цемента и заготовке леса и другим показателям, и все это было взято не с потолка, как сегодня утверждают новоявленные «демократы».

На трибуне Хрущев много жестикулировал, отрываясь от текста, вспоминал, что он говорил капиталистам, когда был в Америке, и вспоминал это самодовольно. Когда его спросили в Америке, как он себя чувствует, то он залу и здесь показал два больших пальца, выставив обе руки далеко вперед, сам довольный собою. На его большом лице сиял румянец, рельефно на нем выпирала бородавка. Всех в президиуме развеселила одна его фраза, когда он оторвался от текста и сказал: «Когда не получается спереди, тогда надо действовать сзади». Особое оживление после этой фразы проявил Л. Брежнев, сидевший в первом ряду президиума, видать, воспринял по-своему.

На перерыве выходили в Георгиевский зал немного промять ноги и посмотреть на участников этого грандиозного совещания, ведь здесь собралась вся правящая элита огромной державы. Мы никогда их в лицо не видели, но много слышали. В большом перерыве совещания можно было перекусить в кремлевской столовой, сходить на экскурсию, посмотреть царские покои. В один из обеденных перерывов я пошел

на экскурсию по палатам, которые занимал последний царь. И здесь была своего рода пропаганда против царствующей в прошлом особы – богатые, роскошные залы, которые занимала тогда царица, в них она принимала гостей и отдыхала. Показали рояль с клавиатурой из слоновой кости и другие ценности. И в то же время совсем маленький личный кабинет царя, с оббитой кожей мебелью, и скромной приемной его адъютанта. Вот, дескать, работал он мало, а не потому, что по природе своей был скромным человеком. Как всегда, при осмотре вещей у наших людей есть привычка дотрагиваться до предметов, и экскурсовод многим делала замечание. В кабинете царя была пара картин или портретов, уже не помню их содержания. Но кабинет обставлен так скромно, что не подумаешь, что его занимал самодержец великой России.

Кроме помещений, которые занимала царская семья в Кремлевском дворце, нам показывали Грановитую палату и другие помещения, которые сегодня использует власть для приема важных гостей. Там же отдельно находятся и помещения первых русских царей, и комната, где жил Петр I, и те деревянные лавки, на которых принимали иностранные посольства; желоб, по которому шла корреспонденция к царям от «челобитцев». Сохранились и широкие деревянные кровати, где спали царствующие особы. Нам показалось странным, почему эти помещения недоступны для посещения нашим гражданам. Для нас специально был открыт и Мавзолей

Ленина, хотя я там много раз уже бывал, но и здесь не отказался посмотреть, уточняя некоторые тонкости его хранения. Но теперь Ленин лежал опять один, без своего соратника Сталина, а Сталин был похоронен у Кремлевской стены, и пока на его могиле памятника не было, только гранитная плита.

В перерывах заседаний я много видел именитых людей и, как дикарь, присматривался к ним. Мне сказал тогда первый секретарь горкома «девятки» Евгений Зубков, что здесь, на совещании, находятся два именитых ученых, которых в печати называли не по фамилии, просто по должности – «теоретик» и «главный конструктор» кораблей, уходящих в космос. Зубков их знал и в перерыве мне их незаметно показал. Они размеренно прохаживались по Георгиевскому залу и о чем-то беседовали. Из-за любопытства я долго за ними наблюдал, и в первый и во второй день встречаясь с ними.

Теоретиком всех космических полетов конца 50-х и начала 60-х годов был В. Келдыш – президент Академии наук СССР. Математик, академик. Мужичок среднего роста, сухопарый, голова вся седая, лицо несвежее. Запомнилась походка – носки держал при ходьбе «на ростопырку», как ходят балерины. А вот генеральным конструктором был тогда не всем известный Николай Павлович Королев, всю жизнь личность, закрытая от посторонних взглядов и СМИ, уже прошедший сталинские лагеря и вновь оказавшийся на свободе. Человек чуть ниже среднего роста, крепыш с темными во-

лосами и тучным лицом, в руках всегда держал объемистую папку.

Прохаживались они медленно, отчужденно, о чем-то беседуя, к буфетам и столам не подходили, и из окружающих людей, вероятно, никто не знал, чем занимаются эти два академика.

Там же, всегда в кругу обширной публики, была Екатерина Фурцева, правительственная звезда. К ней подходили и раскланивались секретари обкомов, республик и министры. Она со всеми приветливо здоровалась, преимущественно за руку, и всем улыбалась. Несмотря на ее возраст, а ей уже тогда было за пятьдесят, выглядела она молодо, а если посмотреть сзади на ее ноги, то это были ноги молодой женщины, стройные, выглядели изящно в хорошо подобранной обуви.

На совещании в Москве мы были трое из ангарских первых секретарей райкомов: я из Мотыгинского района, Александр Григорьевич Убиенных из Кежемского и Александр Алексеевич Михайлов из Богучанского. Там мы еще больше подружились. Убиенных был очень живой, любознательный человек, шутник и тонкий политик, прослужил партии более 50 лет. Небольшого роста, полного телосложения, большая голова чисто выбрита, и чем-то по облику он походил на Хрущева, и мы с Михайловым этим именем его в шутку и называли – «наш Хрущев». Он в то время из-за почечной болезни перестал выпивать, но компанию любил создавать, разливал спиртное и провоцировал на выпивку.

На совещании в Кремле мы, красноярская делегация, впервые почувствовали, как изменилось к нам отношение со стороны руководства страны. Мы наконец почувствовали особую роль Сибири в дальнейшем развитии экономики СССР и в частности Красноярского края. С нами в составе делегации был и Андрей Бочкин, начальник строительства Красноярской ГЭС, которая считалась в СССР первенцем коммунистического объекта. Вокруг нее шла сильная пропагандистская работа. Сюда ехали все: и космонавты, и писатели, и поэты, артисты и руководители СССР – как партийные, так и хозяйственные.

В те московские дни о красноярцах много говорили и на совещании, и в прессе. В Музее революции работала выставка трудовых достижений Красноярского края. Член ЦК, главный редактор газеты «Правда» Павел Алексеевич Сатюков в торжественной обстановке открыл ее, мы же были ее гостями и хозяевами.

Об особенной значимости края для экономики страны, пожалуй, свидетельствует такой факт. Прошло два дня заседаний в Кремле, и на следующий, третий день оставили на завершение Всесоюзного совещания по промышленности и строительству выступление первого секретаря Красноярского промышленного крайкома партии Гаврилова-Подольского в Кремлевском Дворце съездов. Помню, Валентин Фео-досьевич сильно волновался. Он собрал нас всех вечером в гостинице «Москва» на обсуждение его давно написанного

доклада-выступления. В обсуждении принимали участие и наши «совнархозовцы» во главе с Ксинтарисом.

Третий день был заключительным для совещания, утром его открыл, как всегда, Хрущев, присутствовавший все эти дни. Правда, когда он выходил из зала, начинались хождения, разговоры в президиуме и в зале. Он даже возвращался в зал, пытался призвать к порядку «говорунов», даже чуть не потребовал выйти из зала секретаря краснодарского крайкома Полянского, который отвлекал слушателей своими разговорами. Но они, опытные номенклатурщики, быстро стали перед ним оправдываться, что они обсуждают его доклад, и Никита успокоился, а по его поведению на настоящем совещании чувствовалось, что он там, в Кремле, всех держит в руках и любого может «выпороть» на месте.

Гаврилов-Подольский с докладом справился успешно, и мы все были довольны, ведь он наш, и больше всех ему аплодировали. Хрущев после его доклада выступил с заключительной речью, наверное, около часа, всех учил, требовал улучшения работы. По совещанию было принято большое решение и намечены мероприятия.

После обеда под вечер здесь же, в этом дворце, должно было состояться торжественное собрание, посвященное очередной годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Его проводили по инициативе ЦК КПСС ежегодно. Был объявлен перерыв на 4-5 часов, и всех участников совещания пригласили на это заседание. У нас появилось время еще раз по-

сетить экскурсии по Кремлю, а сходить там было еще куда, не были осмотрены соборы, палаты. Можно было сходить в кремлевскую столовую, а также купить книги и бесплатно их отправить домой.

На торжественном заседании в зале красноярской делегации дали лучшие места. Мы заняли их пораньше и стали наблюдать за появлением московской элиты со своими женами. Первые лица собирались в президиум, а их жены появились в общем зале и, конечно, на первых рядах. Там же расселись и работники кремлевской охраны. Вот появилась в зале первая дама страны – Нина Петровна Хрущева, уже пожилая женщина, напоминающая обыкновенную деревенскую женщину, но только в дорогих нарядах, на шее и на руках драгоценности. Ее сопровождала крупная женщина с темными волосами, примерно такого же возраста или немного моложе, с улыбкой и подобострастием к первой. Окружающие нас люди говорили между собой, что Хрущеву сопровождает жена Брежнева. Откуда ни возьмись, к ним приближается Юрий Гагарин, бросается в их объятия, они целуются и уходят на свои места. Появились военачальники во главе с маршалом Советского Союза Малиновским, министром обороны СССР. Все кругом опоясаны золотыми знаками различия и все в орденах и медалях. Мы успевали только распознавать, кто с кем идет. Шли все знаменитые люди государства, интересно было разглядывать их наяву.

В назначенное время открылся массивный занавес на сце-

не Дворца съездов и на нее вышли руководители партии и правительства. Впереди шел Хрущев и первым занял свое место председателя. Зал стоя долго их приветствовал. Все расселись, Хрущев объявил заседание открытым и слово для доклада предоставил одному из секретарей ЦК КПСС, занимавшегося вопросами идеологии, – насколько мне помнится, Петру Николаевичу Поспелову. Доклад шел в течение одного часа, и на этом заседание под гимн «Интернационала» было закрыто. Объявлен небольшой перерыв минут на тридцать.

Затем был праздничный концерт, в котором приняли участие лучшие артисты всего Советского Союза. Из выступающих в тот вечер мне на всю жизнь запомнились два человека. Один из них, Георг Отс, пел свой коронный номер «Я люблю тебя, жизнь». Его на бис вызывали три раза. Третий раз он пел уже по вызову Хрущева. Тот даже встал со своего места и стоя ему аплодировал, просил этим его очередного выхода. И второй номер – танец умирающего лебедя в исполнении Майи Плисецкой в период ее славы. Да и вообще все номера были впечатляющие и были приняты зрителями под громкие аплодисменты.

Мы, партийные работники, не были опьянены жизнью и своим служебным положением в то время, но каждый из нас чувствовал, что страна идет на подъем, с каждым годом люди жили лучше, появилось много товаров, открылась в какой-то степени и заграница. После сталинских времен стало

более свободно дышать, и люди меньше стали бояться органов НКВД. Наше помолодевшее поколение партийных работников приносило много нового и разнообразного в работу государственных структур, в процессы демократизации страны.

Потом, после совещания, нам разрешили на пару дней задержаться в столице для решения служебных дел в ЦК, министерствах и ВСНХ. Мы по предложению Убиенных пошли просить, чтобы наши райкомы обеспечили, кроме легковых машин, и водным транспортом, который по таблице тогда был не положен. И вот здесь мы увидели, какие способности имеет А. Убиенных для выколачивания помощи у центра. Он научился это делать, когда работал в Эвенкии и Туруханском районе.

Пошли мы к первому заместителю хозяйственного управления ЦК. Убиенных знал его фамилию, имя, отчество. Двери для нас тогда все были открыты, и мы без ожидания зашли в кабинет. Убиенных, называя партийного функционера по имени и отчеству, объявляет его нашим спасителем и министром партийных средств, просит выделить нам целевым назначением три полуглиссера, которые только что начали выпускаться Балтийским заводом в Ленинграде. Тот пытался нам объяснить, что по положению этот вид транспорта нам не положен и ЦК КПСС не имеет на этот год фондов на полуглиссеры. Потом стал спрашивать, где мы работаем, мы показали на карте территорию своих районов

и рассказали, чем занимаются наши люди. Наконец под нашим напором партийный функционер вынужден был сдаться и пообещал, только пообещал, что нашу просьбу ЦК рассмотрит. Одновременно просил подкрепить ее ходатайством Красноярского крайкома партии. Из Москвы мы улетели так же организованно, как прилетели из Красноярска.

Мы, как только приехали в Красноярск, зашли ко второму секретарю крайкома Павлу Степановичу Колину, он нас сразу поддержал. Написали ходатайство, указали тип судна и завод-изготовитель и надеялись, что через год, может быть, получим эти судна. И к нашему удивлению, через месяц все полуглиссеры были уже в Енисейском речном порту и ждали своих получателей. Вот оперативность, с какой работал ЦК КПСС!

В гостинице «Москва» на 7-м этаже я обедал в ресторане и там встретил своего сослуживца по кораблю «Донец» Алексея Макаровича Гусева. Он был старшим лейтенантом, начальником интендантской службы. Потом он уехал по протекции тестя в Москву, и мы больше с ним не виделись. Служил он в центральном аппарате, потом опять на флоте, ушел в отставку, и вот работает администратором ресторана и вроде живет совсем неплохо. Но поскольку я шел по служебным делам, то мы договорились с ним встретиться здесь же вечером. Он заказал хороший стол, мы поужинали, обо всем вспомнили. Он дал мне адрес, но я им не воспользовался. Через несколько лет я опять оказался в гостинице «Москва»

и пошел в тот же зал ресторана, спросил у официантки об Алексее Макаровиче. Она сильно не стала распространяться, а только сообщила, что он за какие-то махинации попал в места отдаленные. Прошло еще 8-10 лет, я уже работал в геологии, и в новой пристройке гостиницы «Москва» мы справляли какое-то общественное мероприятие. Там я снова встретил Гусева. Мы оба были рады встрече, выпили за это, а также за здоровье свое и близких. Как и за что он попал в тюрьму, я не стал расспрашивать. Он снова администратор. Больше мы не виделись. Вот как в жизни бывает.

Через год я снова попал в Москву по линии ЦК КПСС, но теперь уже на более высокий уровень, и даже не помню зачем. Созывался пленум ЦК КПСС по сельскому хозяйству, туда прибыли представители сельских партийных органов, а нас двоих промышленный крайком отправил как представителей, показать, как теперь партийные органы промышленности уже не руководят, а помогают сельским организациям. Я поехал вместе с Василием Кузьмичом Кубраком – первым секретарем Канского горкома партии. У нас-то всех предприятий сельского хозяйства кот наплакал. Но раз есть команда, ее надо выполнять.

На этот раз пленум проходил в Кремле, но уже в Свердловском зале, бывшем Екатерининском. Этот зал размещается на третьем этаже под куполом Кремлевского дворца – там реет большой флаг государства, раньше был красный, теперь российский трехцветный. Этот зал облюбовал еще

Ленин, его часто показывали в кинохронике в сталинские времена. Там проходили все дискуссии, партийные чистки, очень важные мероприятия в жизни государства в советское время. Зал очень высокий, весь в художественной лепке, был создан для торжественных мероприятий.

Открыл и вел пленум Хрущев. Сначала объявил, сколько прибыло на пленум ЦК членов и кандидатов в члены ЦК, членов ревизионной комиссии и сколько приглашенных, и по поручению Президиума ЦК открыл пленум. Ему же потом Л.И. Брежнев предоставил слово для доклада. Рассматривались дела в сельском хозяйстве после принятых решений по разделению территориальных партийных органов на промышленные и сельские и достигнутые результаты. Нас, промышленников, пригласили, чтобы не отрывались от сельского хозяйства и помогали ему, считали, что подъем сельского хозяйства является всенародным делом в нашем социалистическом государстве. Но в целом пленум был рядовой и созван для накачки и, пожалуй, был одним из предпоследних именно для Хрущева, поскольку осенью того же года его свергли его же соратники. Но Хрущев на пленуме себя чувствовал уверенно, был полным хозяином страны. Разделял всех невзирая на личности и призывал строго спрашивать с тех, кто нерадиво относился к своим обязанностям по подъему сельского хозяйства.

Тогда просто не верилось, что через каких-то полгода этого человека сотрут в порошок те, кто так приземисто сидел

за столом президиума пленума и бурно ему аплодировал. Я заметил, что именно с президиума от руководства начались аплодисменты Хрущеву в период его доклада за какие-нибудь успехи, о которых он говорил в докладе. И вот они-то затаились и ждали момента, когда и как его сбросить со всех постов, вели между собой тайные встречи, и каждый его неверный шаг фиксировали и одобряли как выдающееся решение, хвалили его за умелое руководство партией и страной. А этот партийный лев, одержав самую сложную и тяжелую для него победу в борьбе со сталинской гвардией, так называемой антипартийной группой Молотова-Кагановича-Маленкова, совершенно потерял политическую бдительность, и его «на молоке обожгли», даже трудно представить, каким Хрущев оказался беспечным.

Все выступающие на пленуме в первую очередь несколько минут обязательно посвящали хвале ленинскому партийному руководству во главе с Никитой Сергеевичем, потом отмечали его выдающиеся заслуги перед народом и получали подтверждение сказанных слов аплодисментами зала и президиума, и только потом начинали говорить о деле. Тогда все без исключения выступающие говорили и одобряли правильность взятого по инициативе Хрущева курса, разделение партийного руководства на сельские и промышленные, которые создавали конкретность и ответственность за судьбу села. А потом эти же люди, после снятия Хрущева, в этом же зале говорили о его недальновидной политике, о неправиль-

ных методах руководства партией, волюнтаризме и нарушении ленинских норм партийной жизни. Выискивали его личные недостатки. Какая же продажность людей, двурушничество верховного руководства страной, лицемерие и предательство! Я Хрущеву во многом не симпатизировал, но продажность и предательство верхушки осуждаю и презираю. Считал и считаю: если вы настаивали, что своего лидера надо отправлять в отставку, и он много допустил ошибок, то им самим следовало уйти в отставку за своим лидером и руководство предоставить другим. Они же, соратники Хрущева, сместили его, чтобы самим занять его место. Вот отсюда, видать, начиналась дорога к разложению партии и потеря советской власти.

Но после того пленума, в котором я участвовал, еще некоторое время в стране все было спокойно. После участия в краевых и московских мероприятиях у меня, молодого партработника, повышался общий кругозор, масштабность, опыт – было у кого перенимать. Кроме того, повседневно чувствовалась ответственность не позволять и себе делать ошибок, особенно морального плана. За мной, моими действиями, поведением и поступками постоянно следили слева и справа, и я это чувствовал. Справа – это те люди из руководства, которые пришли в район с понижением статуса, партийные функционеры, бывшие первые и вторые секретари, председатели райисполкомов, многоопытные люди в партийных и антипартийных драчках, и им палец не кажи, сразу откусят.

Они не хотели сдаваться. Но в то же время нужно было мне использовать их опыт партийной работы, ведь они провели народ через всю войну и заслужили авторитет и доверие, и с ними нельзя было обращаться по-сталински, через колено.

После отсутствия в Северо-Енисейске я приезжал туда, как в родной дом, поскольку вся моя повседневная жизнь была связана работой с районом, с жизнью доверенных мне людей. Я обязан был всем помогать с работой, с квартирами, накормить, напоить людей, обеспечить население учреждениями культуры, создать нормальные условия для работников народного образования, здравоохранения, позаботиться о подготовке этих учреждений к работе в зимних условиях. Но и первейшей задачей партийных органов было выполнение основных народно-хозяйственных задач, выполнение всеми предприятиями и организациями месячных и годовых планов и заданий. Только по этим показателям тогда оценивалась деятельность партийных органов районов и их первых секретарей.

Должность первого секретаря в те времена была и почетна, и ответственна, и как бы сегодня ее не поносили с отрицательной стороны, скажу, что это бред недоносков. Да, была такая политическая система, которую не все одобряли и не все поддерживали, но она уже в хрущевское время была совершенно иной, чем при Сталине. Уже не было произвола, боязни, что к тебе могут прийти ночью в квартиру, сделать обыск и забрать по линии НКВД, что тебя могут вы-

слать в отдаленные места только по наговору. В то время уже нормально работали суды и прокураторы, хотя и оставалась жесткой партийная и государственная дисциплина. Шла война с тунеядцами, с проституцией, с различными религиозными сектами. Да, руководство КГБ не потеряло роль и свою силу в тот период, но сама народная демократия уже давала свои ростки. Ты всегда мог добиться своих гражданских прав, и государство могло привлечь к ответственности любого руководителя за нарушение закона. Ты мог обратиться через газету или радио, чтобы быть услышанным со стороны властей.

Нас, коммунистов, сегодня изображают голыми тупицами и какими-то фанатами, вроде религиозных, которые только и ждали возможности прихода коммунизма. Но каждый здравомыслящий человек и тогда, как и сейчас, не ждал манны небесной и совершенно точно знал, что он никогда не будет жить при коммунизме. Это просто был лозунг конечной цели, которую ставили идеологи коммунизма перед пролетариатом и крестьянством. Да, этот лозунг в какой-то степени выдуман марксистами, но и утверждения православного христианства, что человеческая душа будет продолжать жизнь на небе после смерти, для некоторых утопия, но в нее верили, и сегодня миллионы людей верят, и что тут плохого и антиобщественного?

Первейшей задачей за весь период своей работы в партийных органах я считал вопросы созидания, строительства

новых предприятий, объектов культурно-бытового и хозяйственного назначения. В Мотыгино я столкнулся с такой бедностью самого райцентра по обустройству, что мне было стыдно самому на это смотреть и принимать людей. Поселок не был приспособлен для размещения органов управления районом, тем более новой промышленной зоны, и вот здесь-то я сразу столкнулся с неразрешимым вопросом нашей гигантомании и чрезмерной централизацией планирования капитальных вложений на строительство. Все нужно было согласовывать с Госстроем СССР, вплоть до туалета, какой строить, в четыре или пять «очков». И второе, по всей стране деньги на строительство шли из централизованных источников сверху вниз, и до районов они обычно не доходили. Сначала деньги заберут в Москве, в краевом центре, потом ниже все меньше и меньше. Например, выделили деньги на здравоохранение или образование, культуру, а Красноярск задумал строить Дворец спорта или театр, и туда забрал львиную долю краевых ассигнований и ограбил районы. Это по линии государственного бюджета. И по линии министерств и ведомств та же картина – сначала заберут себе главки – там, где они дислоцируются, своим управлениям, а во вторую очередь достанется предприятиям.

Сельская жизнь всегда была трудной в России, здесь все было рассчитано на самообеспечение местных жителей. При советской власти они тоже стали государственными людьми, часть своих доходов отдавали в виде налогов государству на

развитие общественных фондов потребления, но эти доходы к ним уже не возвращались, а оставались в столице и чуть ниже, в областях, городах. Еще сложнее инфраструктура была у малых поселков, их отличала разбросанность на большие расстояния друг от друга при отсутствии дорог. И большому, и малому населенному пункту одинаково нужны хорошие условия быта, но в городе эти вопросы решаются проще и лучше. Нужны средства связи, а их нет. Потом началась тенденция объединения малых населенных пунктов, ликвидация школ с малой наполняемостью учащихся, что вызвало новые трудности. Из района все время шел отток молодежи в город, поскольку ей негде после окончания средней школы и техникума устроиться на работу. И уход молодежи мы были вынуждены восполнять оргнабором рабочей силы, но эти люди тоже здесь не задерживались.

В то же время в хрущевский и более поздний период мы видели, что города, и особенно закрытые спецгорода, бурно развивались – там шло активное строительство жилья и объектов соцкультбыта, строились дворцы культуры, спорта, концертные залы, а наша сельская местность продолжала хиреть и разрушаться. И здесь хоть разбейся местному руководству – чтобы жизнь была лучше, ничего не сделаешь, поскольку денежные и технические средства идут свыше, из Москвы, и по пути их разбирают.

Вот почему местные власти и промышленные организации смело брали на себя завышенные планы добычи золота и

лесозаготовок, чтобы хоть небольшие деньги от прибыли на строительство все-таки получить. За все послевоенные годы город практически съел сельские районы и обезмужичил их, оставив на селе стариков-пенсионеров и женщин-солдаток.

Несмотря на все эти объективные и субъективные трудности сельской местности, в системе союза у нас в районе все-таки было лучше, чем в других приангарских районах, – у нас была хоть и отсталая технически, но нужная государству золотая промышленность. Благодаря ей еще со времени батюшки царя Россия закупала за границей за золото промышленную продукцию и даже некоторые продовольственные товары и новую технику. Была развита лесозаготовка – ангарская древесина во всем мире признана лучшей, и в советское время она после распиловки в Лесосибирске и Игарке шла на экспорт за границу, за нее получали иностранную валюту, столь необходимую стране. Но район от этого не получал практически ничего – жил голодранцем.

Гордостью района были геологи, первопроходцы, через призму их работы, открытий новых месторождений видели светлое будущее своего района и примыкающих территорий. А их работало несколько тысяч, причем самых молодых и грамотных людей, и это вносило в быт населенных пунктов культуру и просвещение. Вот благодаря всем этим обстоятельствам нам все-таки удавалось жить полнокровно, с перспективой и оптимизмом. В задачу же партийных органов входила мобилизация этих коллективов на созидательную

работу, улучшение жизни всего населения.

Жизнь партийного работника тоже не была застойной. Нас постоянно учили лучшим приемам и методам работы с людьми на примере передовых предприятий края, Союза – например, Норильска. На всех ступенях шла учеба не только аппарата райкома, но и всего партийного и хозяйственного актива: через курсы, семинары, университеты марксизма-ленинизма, высших партийных, советских, профсоюзных и комсомольских школ. Это не только расширяло наш общий кругозор, но и шло повышение профессионального уровня работы с коллективами, людьми.

Семинары проходили не только в Красноярске. Например, очень полезную учебу я прошел на месячных курсах первых секретарей райкомов и горкомов в Иркутске при Высшей партийной школе ЦК КПСС. Там собрались представители всех регионов Восточной Сибири, и мы могли не только обменяться опытом своей работы, но и познакомиться с передовыми методами производства и развития отраслей гидроэнергетики и лесопромышленных комплексов. Но оказалось, что все существующие у нас проблемы в регионах одни. Центр забирает из Сибири больше, чем отдает ей обратно, за счет созданных нами денежных средств и ресурсов богатеют Москва и национальные республики, а нам остаются, как говорят в народе, объедки. Сибирь для России всегда была сырьевым придатком, такой и осталась до сегодняшнего дня. Занятия на курсах проходили плотно, нам не дава-

ли разгуляться, и были полезны во всех отношениях. Нужно отдать должное организаторам этих семинаров, которые направлялись из Москвы. Разместили нас в лучших гостиницах Иркутска.

В Иркутске я несколько раз навестил свою двоюродную сестру Нину Шарыпову и один раз повстречался со своим дядей Исааком Евсеевичем Шарыповым в г. Шелехове, где он жил с новой семьей. Был пару раз на озере Байкал. Завели мы и новые знакомства с секретарями из других областей Сибири и потом пользовались при необходимости их услугами.

Хрущевский период правления после озаглавленного им строительства коммунизма в СССР развил инициативу в передовых предприятиях края, движение по коммунистическому воспитанию трудящихся, и началось соревнование между отдельными коллективами, находили и средства поощрения этих политических мероприятий. И как всегда, при промышленном крайкоме инициаторами этих крупных политических и социальных мероприятий был город Норильск и его комбинат. Они начали двигаться к «коммунизму» первыми, организовали это движение на территории всего своего промышленного района. У норильчан появилось много трудовых начинаний, инициатив, движений, направленных на улучшение воспитательной работы в школах, на рудниках, фабрике, на проведение культурных мероприятий. Они способствовали в целом благоприятной обстановке по созда-

нию здорового быта, взаимоотношений между людьми, коллективами.

Весной 1964 года промышленный крайком КПСС решил на очередном пленуме крайкома рассмотреть вопрос «О работе парторганизации Норильска по коммунистическому воспитанию трудящихся». Для его подготовки была создана комиссия. В нее из секретарей горкомов и райкомов вошли нас двое: первый секретарь Ачинского горкома Василий Иванович Попов и я. Кроме нас в Норильск поехали Г.К. Фридовский, А.М. Портнова, директора Сорского молибденового комбината Ловыгин, треста «Хакасуголь» Г. Семикобыла, начальник управления цветной металлургии совнархоза Валентин Калинин и другие. Возглавил комиссию второй секретарь промышленного крайкома П.С. Колин.

Норильск в то время переживал второе рождение. До 1955 года он был городом заключенных, и администрация города подчинялась МВД СССР, лишь после началось создаваться гражданское правление: горисполком, горком партии, туда были направлены для работы опытные партийные и советские работники. Развитию нового города способствовали и красноярские геологи, только что осуществившие геологическое открытие – было открыто месторождение богатых руд Талнаха. До этого уже ставился вопрос о сокращении персонала горняков и металлургов в связи с отработанным месторождением Норильск-1 с богатыми рудами, а отработка одних вкрапленных руд для Севера является делом нерента-

бельным.

Летели мы туда всей представительской группой на самолете Ил-14, который делал несколько посадок, начиная с Енисейска, – в Подкаменной Тунгуске, Туруханске, Игарке. В период заправки самолета заправлялись и мы в столовых и буфетах названных аэропортов. Еды было везде в достатке, как и выпивки. Можно было покушать стерляжью уху, жареную или копченую рыбу, мясо оленины, купить или заказать мороженую рыбу – сига, нельму или чира, и тут же вам сделают строганину. Из Красноярска вылетели рано утром, а в порт «Надежда» Норильска прилетели уже вечером.

В порту нас уже встречали первый секретарь горкома Иван Александрович Савчук, председатель горисполкома Деев и недавно назначенный директор Норильского комбината Владимир Иванович Долгих. Был май, и мы поехали в демисезонных пальто, а нас встретили люди в меховых пальто и в унтах или теплых ботинках. И стоило нам немного постоять на летном поле, как всех просквозило пронзительным ветром. Сразу из аэропорта мы поехали в горком и затем в гостиницу. Гостиница оставлена в наследство от «Енисейстроя» МВД СССР, по тем временам была очень шикарной. Для нас была подготовлена зимняя одежда: шапки, меховые куртки и сапоги, потому что в нашей одежде находиться на улице было холодно. Для нас была расписана вся работа по программе. Мы с Василием Ивановичем старались все время быть вместе, нас интересовала практическая сторона во-

проса – как и каким образом норильчане добиваются своих результатов, как работают партийные организации, под руководством которых идут все преобразования в городе и на комбинате, на горных и металлургических производствах.

В Норильске я тогда появился впервые, но много о нем слышал как о городе, созданным заключенными, на русских мужицких косточках, как и Магадан.

Однако то, что я фактически увидел, было впечатляющее в смысле созидательной работы человека. Мы увидели настоящий цивилизованный город. Жизнь узников сталинизма проходила за колючей проволокой в соответствующих зонах, там был их мир. А вот труд и результаты труда их были в городе, на рудниках, заводах. Ведь, кроме заключенного, был и надзиратель, и погоняла, а над ними еще эшелон начальников. Они выполняли не только свою миссию надзирателя, но и сами хотели жить, с семьями, они хотели и развлекаться, и учиться, и кроме основного производства нужно было создавать социальную инфраструктуру. Вот таким образом решались сразу две задачи – строительства производства и современного города. Поскольку среди заключенных было много архитекторов из Москвы и Ленинграда, то их и использовали для строительства города Норильска.

Центр города напоминал чем-то великий город Петра на Неве, въезд в него от заводов и рудников напоминал маленький Петербург. И площадь, названная Гвардейской, и сам проспект, к которому привязаны остальные улицы горо-

да, сделаны для северных условий хорошо. Но погода Заполярья не давала возможности восхищаться сделанным человеком.

За неделю мы сумели посмотреть весь город и все его горные и металлургические предприятия. Были в шахтах, на руднике «Заполярный», и потом полдня пробыли на Талнахе, только что открытом красноярскими геологами, – это настоящее северное чудо. Геологи тогда еще размещались в утепленных палатках и начинали строить свой поселок разведчиков из деревянных каркасно-засыпных домиков. Комбинат уже стоял за спиной геологов и торопил их дать заключение, что это объект для промышленной эксплуатации.

Наше пребывание в Талнахе тогда совпало с приходом в Норильск замминистра геологии СССР И.К. Минеева и министра геологии РСФСР С.В. Горюнова. Их совещание с геологами проходило в большой палатке, где и мы, крайкомовцы, присутствовали. Геологи докладывали им о результатах первых разведочных работ. Начальником Норильской экспедиции тогда был Николай Григорьевич Смицкой, будущий мой заместитель по кадрам в КТГУ. Человек он по характеру робкий и волновался, а вот С.В. Горюнов вел себя, как «волкодав», – напористо и грубо, с ним я тоже познакомился впервые. Перспективы по первым пробуренным скважинам уже на той стадии геолого-разведочного процесса были просто впечатляющими. Но для ускоренной разведки в Норильской экспедиции не было производственных мощностей, и

не только геолого-разведочного оборудования, но, главное, не было буровиков высокой квалификации. И вот тогда в Норильске и было принято решение направить лучшие буровые бригады из нашей Стрелковской экспедиции с Горевского месторождения свинца и цинка, где заканчивались основные объемы буровых работ и уже проходилась ствол шахты и горизонтальные горные выработки тяжелого типа. А меня руководство крайкома обязало взять под свой контроль и направить на помощь в Норильск буровиков с Ангары.

Открытие Талнаха для города Норильска и комбината было их вторым рождением, без него они бы давно уже погибли. Когда мы покидали Талнах, то видели, как комбинат, не дожидаясь окончания разведки, уже потянул в сторону Талнаха свои коммуникации – дороги, электросети и строительные мощности. Геологи жили еще в палатках, а горняки уже начали закладывать на Талнахе свой каменный Дом культуры.

Над нами сегодня можно смеяться, что еще в начале шестидесятых годов коммунисты стали строить коммунизм в таком северном районе, как Норильск. А ведь то, что мы увидели собственными глазами, поражало воображение – каких результатов может добиться общество, если партия и народ смогут подчинить свои задачи выполнению единой цели: сделать свою совместную жизнь и работу лучше, как за эти цели можно коллективно бороться, и в результате могут быть получены хорошие результаты. И для такой работы

Норильск подходил как нельзя лучше. Это изолированный «остров» от материка, въезд в него уже был по пропускам, это делало его стабильным в смысле кадров и населения, на работу попадали только по специальному приглашению комбината. Да и, пожалуй, если не считать службы горисполкома, здесь было одно крупнейшее горное предприятие страны – Норильский горно-металлургический комбинат.

В Норильске мы увидели четкую, слаженную и конкретную работу городской партийной организации, в первую очередь его секретарей. Действиями городской организации по сплочению коллективов были охвачены все участки жизнеобеспечения. Хорошо была поставлена организационная работа горкома: на всех крупных предприятиях города были освобожденные секретари парткомов, каждый член партии нес какое-то обязательное партийное поручение, их выполняли, и за этим был контроль со стороны парткома. Все делалось так, чтобы в парторганизации не было балласта, людей, которые только числятся в партии, а не работают. Работа парторганизации планировалась.

Хорошо была поставлена и идейно-политическая работа. Во-первых, была неформально организована учеба коммунистов, работал вечерний университет марксизма-ленинизма, проводились лекции при доме политпросвещения, хорошо представлена в городе и на предприятиях наглядная агитация. И, пожалуй, нигде в крае так не была поставлена работа в направлении развития патриотизма, любви к своему

родному городу, к своему предприятию, чувства гордости и соперничество с другими городами. Если они кого приглашали для работы на комбинат, то сразу ставили требования и обязательства – как приглашенный должен себя вести на предприятии и какие обязанности перед этим принимает.

Интересна и такая деталь: норильчане, начав большую работу по коммунистическому воспитанию населения города, постарались избавиться от антиобщественных элементов, находящихся в городе: отправляли по различным поводам из города тунеядцев, бомжей, которых завезли раньше в этот город власти, и тех, кто вырос в городе. В свое время туда завезли на перевоспитание проституток из Москвы. Они там неплохо прижились и трудовой деятельностью заниматься не собирались, их власти все-таки собрали, посадили в самолет и вывезли не куда-нибудь на материк, а в соседнюю Хатангу, где одни националы и голытьба. Там они оказались невостребованными и разными путями покинули Север. Как было на самом деле, неизвестно, но проституток в то время в городе не было.

Но, несмотря на некоторые издержки, в городе было интересно жить и работать, народ туда потянулся, и местные жители тоже стали вращаться в этот город. Везде на предприятиях и в организациях города работали столовые, где вкусно и дешево готовили, были идеальная чистота и порядок. В магазинах было хорошее снабжение, много разной рыбы, причем в основном северной, – и соленой, и свежей, и копченой.

Мясо тоже было, и всегда была оленина. Здесь, на Севере, были свежие яблоки и другие фрукты, не в пример Красноярску. Вечером можно было пойти в ресторан, и по доступным ценам вкусно поесть и отдохнуть. Многочисленные кафе и рестораны были заполнены молодежью. Да и население-то было молодое, бывшие заключенные уже в большинстве своем разъехались.

В Норильске мы приняли участие в каком-то праздничном мероприятии. Нас пригласили в городской драмтеатр, и там тоже было уютно. После официальной части был дан концерт силами города, и он тоже был на высоком идейном уровне. В общем, норильчане уже тогда умели работать с людьми, и не случайно мы приехали изучать их методы работы и распространять на все населенные пункты Красноярского края их опыт. Там было высокое материальное обеспечение и зарплата, чего не было в других районах края. Но все со временем заглохло, и Норильск стал другим.

Из Норильска я выезжал на один день раньше всей нашей группы, поскольку я летел только до Енисейска, а они все в Красноярск. Проводить меня взялся первый секретарь горкома И.А. Савчук. Он подъехал на «Волге» к нашей гостинице, и мы поехали в аэропорт. Только выехали за город, как разразилась метель, и в одном шаге перед машиной света божьего не было видно. Машина остановилась на обочине, и мы стали пережидать полярную пургу. Я впервые увидел такую северную непогоду, а по времени был конец мая, и тогда

познал, как трудно работать нашим геологам в поле. Савчук привез меня в аэропорт «Надежда», посадил на спецрейс, и я покинул Норильск, думал, навсегда, но жизнь сложилась так, что потом этот город и мне стал близким и родным.

Через пару лет в Норильске произошло ЧП. Находясь на лыжной прогулке, скоропостижно скончался второй секретарь горкома партии Иван Осипович Кольцов, по профессии он был металлург. И мне поступило предложение от крайкома поехать туда работать вторым секретарем, учитывая, что я по специальности геолог и там идут большие геологические исследования. Пожалуй, просто во мне видели в то время перспективного партийного работника, тем более первый секретарь Иван Александрович болел, был инвалидом войны и собирался на пенсию (это, конечно, мое предположение). Я там побывал и примерно знал обстановку и специфику основного предприятия города. Просили меня подумать, посоветоваться с семьей и дать ответ. Мне, конечно, как я тогда думал, незачем было ехать работать в Норильск, я и так уже около десяти лет проработал на Севере. Росли две дочки, которые только летом на пару месяцев были в теплых условиях, когда мы их вывозили на материк, на юг и в столицу. Да и жена на Севере чувствовала себя неуютно – волжанка ярославская, это была первая причина отказаться. Вторая причина – норильчане с большим неудовольствием принимали к себе новеньких из других районов и городов края, хотя, как мне сказали в крайкоме, с Савчуком этот вопрос уже огова-

ривался, и я с ним был знаком по Норильску и Красноярску. В общем, мне пришлось поблагодарить крайком за высокое доверие и остаться работать в Приангарье.

Норильчане тогда избрали вторым секретарем бывшего первого секретаря горкома комсомола Владимира Ивановича Чалова, потом мне с ним пришлось работать, когда он стал замзавпромотдела крайкома партии. Толковый парень, но, защитив диссертацию и став кандидатом наук, ушел из НИИ.

Со временем я все больше входил в профессию партийного работника. Она мне нравилась, и я видел результаты своего труда, на фоне развивающегося района это было заметнее, чем в городе. Здесь каждому введенному в действие объекту, даже маленькому, радуешься до слез, ведь все для людей, для улучшения их быта делается. Меня знали люди, и я все больше их узнавал, по-мужски любил и уважал. Я также знал, что любой мой поступок всегда на виду у людей, и его не скроешь, поэтому относился к любым своим действиям с партийной позиции, со скромностью и открытостью, не позволял себе барства и зазнайства, а в потребительских делах тем более. Но всем нравиться нельзя, это плохо для любого руководителя.

В 1963 году я даже задумал поступить учиться в Высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве. Получить второе высшее образование, теперь еще и политическое. Павел Стефанович Федирко, первый секретарь Игарского горкома,

тоже тогда собрался туда ехать, я с ним связался, и он мне выслал программу для поступления. Мы оба подали заявления в крайком в тот же год о направлении нас на учебу, и оба получили отказ, поскольку еще мало работали на первых должностях. И потом нам предложили поступать туда заочно. Но заочно надо учиться три года, и я на этот шаг не пошел, считая, что любая заочная учеба – это ненадежное дело и имело мало смысла, давала только возможность удержаться на должности, а проку никакого. По окончании заочных партшкол тоже давали нагрудный ромб с изображением открытой книги, и шутники по этому случаю говорили – «не хватило сил закрыть книгу». Федирко потом был освобожден от обязанностей первого секретаря и перешел в парторган по строительству военных объектов, а я избрал другой путь повышения своих профессиональных знаний, не политических наук, и подвернулся непредвиденный случай.

Летом 1964 года у нас в районе появился академик Александр Леонидович Яншин, выдающийся советский геолог и ученый, с группой красноярских геологов-производственников. Они пришли в райком партии, узнав, что я по профессии геолог, и представились. А.Л. Яншин для знакомства прочитал мне целую лекцию об образовании различных солевых природных рассолов и их осаждении в земной коре. Такая лекция, что я многого в ней не понял, потому что она была заумной, академической. Вот он, новосибирский Институт геологии СО АН СССР, изучает проблему возможно-

го нахождения в пределах Канско-Тасеевской депрессии месторождений калийных и каменных солей. Часть этой территории находится и в нашем районе.

От меня им нужна помощь в выделении транспортных средств для поездок на местность. Нужен вертолет и речное судно на несколько дней, и конечно, не бесплатно, деньги для оплаты у них есть. И что я мог сделать, так сразу и решил, пригласив к себе начальника аэропорта и начальника техучастка ЕНУРП. Ребята наши сделали все безоговорочно, поскольку район заинтересован в этих исследованиях. Потом я пригласил их совместно пообедать в нашей поселковой столовой.

Но еще до столовой академик перешел на личный разговор, спросил, что я окончил и где до партийной деятельности работал. Я ему сказал, что был геологом в североенисейской тайге. И у меня с ним произошел такой диалог. Яншин меня спрашивает:

– Должность первого секретаря является ненадежной, выборной. Ну проработаешь десять-пятнадцать лет, а потом тебя все равно будут освобождать, а может быть, и раньше, и чем ты тогда займешься? Ведь от геологии отстанешь, а в партийных делах не пригодишься. Наверное, надо и о будущем подумать?

Я признался, что над этими вопросами не задумывался, поскольку был еще молод. Но при этом рассказал ему, что когда работал на производстве, то поступал в заочную аспи-

рантуру Томского университета, учился, но как только перешел на партийную работу, свободного времени не стало, бросил учебу, и меня исключили из аспирантуры. Сказал ему также, что по избранной теме у меня был собран геологический материал исследований.

– Если случится то, о чем вы говорите, то потом пойду работать геологом, буду работать в поле.

Он сделал на это лишь одно замечание:

– После такой должности тебе будет трудно работать простым геологом, да и к этому времени у тебя и здоровья не будет, чтобы жить в полевых условиях и тем более работать. Партийная работа вас дисквалифицирует, если не будете постоянно заниматься геологией и не работать в этом плане над собой.

После моих откровений мы перешли в разговоре на другую тему, он рассказал о существующей в СССР очень крупной проблеме обеспечения развивающегося сельского хозяйства – проблеме калийных солей как удобрения, дал статистику с этим сырьем в СССР и в мире, и вот по заданию ЦК он занялся этой проблемой в Сибири. И прощаясь со мной, между прочего сказал:

– А вы пришлите мне наработанный материал по избранной кандидатской диссертации, я его посмотрю, и может быть, что-нибудь и порекомендую, как поступить с работой дальше, посмотрю ее научно-практическую значимость, – и дал мне свою визитку.

Академик А.Л. Яншин был тогда заместителем директора Института геологии СО АН СССР и часто приезжал в Красноярск. Где-то через полгода в Красноярске проходила одна из научных конференций прикладного плана, и на нее пригласили нас, нескольких секретарей райкомов, близких к обсуждаемой теме. И здесь мы с Яншиным встретились вновь, вначале прямо в здании, где проходила конференция, а вечером неожиданно оказались в ресторане за одним столиком. Он пришел с членом-корреспондентом академии наук СССР Г.А. Пруденским, крупным ученым в области экономических исследований, и мы здесь уже беседовали как старые знакомые. Он меня познакомил с Пруденским, расспросил, как у меня идут дела и почему я не воспользовался его предложением прислать в тезисном плане свою работу. Я не нашел серьезных объяснений, лишь сказал, что постеснялся злоупотреблять хорошим расположением ко мне академика, поскольку моя работа другого, более низкого уровня. Но здесь я дал обещание все-таки прислать ему тезисы, поскольку он мог подумать, что у меня нет никаких материалов исследований, и я его ввожу в заблуждение, просто обманываю. Он вновь предложил прислать материалы и обещал помощь.

Теперь отступить было некуда, я два месяца проработал над обобщением собранных материалов по теме и направил ему в институт автореферат. Хотя заранее думал, что он не будет его читать и поручит это сделать своим помощникам,

а они напишут ответ. Но к моему удивлению вскоре я получил длиннющее письмо на четырех страницах, написанное тонким и мелким подчерком лично Яншиным, где он по косточкам разобрал мои материалы и критически, и положительно, написал о ее сильной и слабой сторонах. В общем выводе: материал сырой, но диссертабельный, и нужно над ним работать под началом какого-нибудь научного руководителя. Конкретно предложил мне руководителя в лице члена-корреспондента Академии наук Ф.Н. Шахова, который ранее был профессором Томского политехнического института, а сейчас работал в Новосибирске. Это крупный специалист в области рудничной геологии, Яншин уже с ним переговорил, и Шахов дал согласие. Если меня не устраивает Шахов, то он переговорит с академиком Н.А. Шилов, директором геологического института АН в г. Магадане, он один из крупнейших специалистов в области месторождений золота.

Признаться, я никак не ожидал от него такой настойчивости в решении моей личной проблемы. Он хлопотал обо мне больше, чем я об этом думал сам. Для оформления заочной учебы в аспирантуре рекомендовал приехать в Новосибирск, там меня заслушают на ученом совете и решат все дела с оформлением дел.

Я долго думал над предложением академика Яншина, ведь здесь явно просматривалась помощь сделать меня кандидатом наук за счет личных связей с людьми из Академии

наук, не по знаниям, а по должности. Ведь попасть в аспиранты к академику в то время было возможно только, как тогда говорили, по благу, или по указанию сверху. И я в конце концов от предложения академика А.Л. Яншина отказался, посчитав это нескромным с моей стороны использованием личных связей в угоду своих научных, вернее, профессиональных амбиций. Но все равно бросать задуманное я не стал. Решил поехать в свой родной Томский университет и продолжить заочно учиться в аспирантуре. Теперь у меня появилась уверенность после того, как мою работу просмотрел Яншин, что она диссертательна. В Томске остались профессора, которые меня знали и помнили.

Профессор Михаил Петрович Кортусов, петрограф, тогда занимал должность первого проректора университета по научной работе, вот я к нему и обратился за советом. Он мне порекомендовал доложить на научном совете геологов содержание своих исследований, а они порекомендуют, как дальше действовать, сейчас имеется возможность продолжить заочную аспирантуру или просто выступить соискателем.

– В общем, моя задача, – сказал Михаил Петрович, – организовать заседание ученого совета геологического факультета, а дальше все зависит от тебя.

На том и порешили.

Через день или больше, не помню, в аудитории 119 собрался ученый совет. Мои бывшие преподаватели, в частно-

сти, доцент Василий Адамович Врублевский, и новые ребята, которых я не знал, но подающие надежды, приняли меня приветливо. Дали мне время для доклада 20 минут. Я уложился. Вопросы и ответы. Я за два дня до совета успел познакомиться с сотрудниками кафедр, профилирующих мою диссертацию, и остановился снова на кафедре петрографии. Мой бывший руководитель был еще бодр и преподавал по сокращенной программе – профессор Александр Яковлевич Булынников долго со мной разговаривал и высказал, что если у меня будет желание, то он готов продолжить наше сотрудничество, правда, сильно и не звал. Он очень культурный и деликатный человек дореволюционного воспитания. На ученом совете мою работу одобрили и приняли решение допустить меня к дальнейшей работе в качестве соискателя, утвердили моим научным руководителем профессора А.Я. Булынникова. Так я снова оказался в родных стенах университета.

Но кроме выполнения работы по самой диссертации ведь нужно было еще сдать кандидатский минимум – три экзамена: по философии, специальному предмету в разрезе темы диссертационной работы и по иностранному языку, и все это комиссиям, которые создаются приказом ректора и в каждой должен быть председатель на уровне профессора или завкафедрой. Но поскольку взялся за гуж, так теперь тяни, блат или взятка здесь просто неуместны и безнравственны для моего служебного положения.

Приехав домой на Ангару, я сразу решил изменить свой распорядок работы с таким расчетом, чтобы не менее 2-3 часов в день посвящать подготовке к экзаменам. С работы я приходил после шести часов вечера, если не было каких-либо вечерних мероприятий. После ужина ложился на полчаса отдохнуть, в 19 часов шел в здание райкома и занимался до одиннадцати часов вечера, и так ежедневно, кроме воскресенья и командировок. Домашние уже свыклись с таким моим распорядком дня и не перечили. И через полгода я поехал в Томск сдавать первый экзамен по философии. Принимали у меня его профессор А. Алякринский, когда я учился, он был кандидатом наук и доцентом, и доцент Николай Блинов. Они, наверное, за мои усердность и настойчивость, а не за мои высокие знания философии поставили мне первую отличную оценку.

Начало сделано, теперь на очереди специальный предмет, определены экзаменаторы: Булытников, Тюлюпо и Василий Адамович Врублевский, которому я в прошлом еле сдал зачет по «Федоровскому столику». Через полгода я одолел и этот предмет. Хорошо, что в Томском обкоме партии ко мне хорошо отнеслись – без всяких осложнений выделяли мне бронь в центральной гостинице в одноместный номер со всеми удобствами. Я мог в Томске не только заниматься, но и принимать гостей. Здесь у меня продолжилась дружба с семьей Стрелеевых – Валерием и Элиной, помогавших в учебе.

А вот со сдачей экзаменов по иностранному языку у ме-

ня появилось серьезное затруднение. Я уже говорил, что изучал два иностранных языка: немецкий и английский, и оба как следует не знал. В университете по этому предмету были очень жесткие требования, и обойти их было нельзя. Мне посоветовали: если я не имею времени на проезд в Томск и сдачу этого экзамена в университете, то есть положение, разрешающее его сдавать в других вузах. У меня были хорошие отношения с заведующим отделом науки крайкома партии Феодосием Максимовичем Поповым, сам он с ученой степенью и в прошлом преподавал в ВПШ при ЦК КПСС. Он мне посоветовал сдать иностранный язык в Институте цветных металлов и золота в Красноярске, и при мне позвонил ректору института Дарьяльскому, в прошлом главному инженеру Норильского ГМК. Тот охотно согласился выполнить его просьбу, и мне нужно было написать заявление на его имя, и будут назначены комиссия и время сдачи.

Получив программу подготовки и приема экзаменов по инязу, я опять поехал домой готовиться. Надо было иметь запас слов и вспомнить прошлое – военную службу в Германии, так как остановился на немецком. Сдавал я его вместе с норильчанами: директором Норильского комбината В.И. Долгих и вторым секретарем горкома партии Норильска В.И. Чаловым. Принимала нас завкафедрой иностранных языков КИЦМ. Она провела нас в свободную аудиторию, дала задание, вопросы, тексты и сказала: «Готовьтесь, через полчаса я приду», – закрыла нас на ключ и ушла. Мы

сидели за разными столами и вообще между собой не общались. Когда она пришла в аудиторию и спросила, кто готов отвечать, первым вышел Долгих, потом к ней пошел Чалов, и я последним. В общем, чувствовалось, что задание ректора она получила – следовало ли ждать от нас хороших знаний, да и зачем все эти формальности в нашем-то возрасте. Поступила она гуманно: Долгих поставила пятерку, он же нас постарше, а нам с Чаловым по четверке. Все мы защищались в разное время и в разных вузах, они стали кандидатами технических наук, а я геолого-минералогических.

Работа над диссертацией не приносила дивидендов в моей партийной работе. Тогда бытовало мнение, что если первый секретарь райкома или горкома находит время для учебы, для повышения своего профессионального уровня, значит, он недорабатывает по своей основной деятельности. Однажды при получении разрешения на поездку в Томск один из крайкомовских руководителей неаккуратно со мной обошелся. Поэтому для предотвращения разных кривотолков в партийных аппаратах крайкома и райкома я решил переговорить по этому вопросу с первым секретарем Кокаревым. Уведомил его, что за счет своих отпусков хотел завершить начатую научную работу, назвав тему диссертации, и на это получил его одобрение и благословение. Он даже сказал, что если будут чинить какие-нибудь препятствия, сослаться на него и ездить в Томск как в командировку, но я этим не воспользовался.

В свободное время в отпусках сделал несколько важных для меня геологических маршрутов по территории Енисейского края, провел необходимый сбор и анализ каменного материала. Систематически следил за новинками геологической литературы в части месторождений золота как в СССР, так и за рубежом. По совету академика А.Л. Яншина я сделал уклон диссертации в сторону статистики и экономики месторождений золота, технологии извлечения добываемого металла и перспектив развития золотой промышленности в районе.

Я не брал отпусков, положенных мне по закону как занимающемуся в заочной аспирантуре, и не пользовался другими льготами для обучающихся. В Томск я ездил все эти годы за свой счет и только в свои очередные отпуска, и в этом плане меня никто не мог упрекнуть. И в приобретении ученой степени я вовсе не искал своего повышения по служебной лестнице в партийном аппарате, здесь я получал свое личное удовлетворение.

Но мой путь защиты диссертации оказался тернистым. В Томске нужно было получить отзывы оппонентов, а они были из разных городов – один из Новосибирска, другой из Томска. Защита диссертации состоялась на объединенном ученом совете Томского университета и политехнического института осенью 1969 года. Защита прошла нормально, «черных шаров», как принято называть голоса «против», у членов совета не было, и все были единодушно «за». Бан-

кет организовали в ресторане «Сибирь» в Томске совместно с Всеволодом Свиридовым, с которым я защищался в один день. В общем, все было в Томске закончено. На всю работу по написанию диссертации и сдаче кандидатского минимума – защиту – у меня ушло более пяти лет. Вдохнул свободно, но ненадолго. Вся защита потом утверждается в Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства высшего образования СССР.

Единодушное голосование членов ученого совета еще не дает гарантии, что присвоение звания кандидата геолого-минералогических наук состоялось. ВАК диссертацию направляет на рецензию так называемому черному оппоненту и снова рассматривает у себя на совете. В тот период началась активная тяга партийных работников к ученым званиям и степеням, и были вскрыты серьезные нарушения в этом деле, когда партийным функционерам диссертации писались институтами. ЦК КПСС принял негласное решение все работы, защищенные партийными работниками, пропустить через экспертные советы ВАК с привлечением в их состав наиболее добросовестных и проверенных ученых. Вот и моя работа попала в их число. Мне сообщили, что надо прибыть в Москву в ВАК на заседание экспертного совета.

Настроение у меня было не особенно приподнятое, хотя я диссертацию написал сам и все материалы к ней собрал своим трудом, начиная еще с первых геологических маршрутов в Енисейской золотой тайге. Представился ученому секретарю

рю ВАК – по фамилии, как помнится, Волкову, – мужчине уже пожилого возраста без волос на голове. Он любезно со мной поговорил и вроде, как бы извиняясь, объяснил ситуацию с работой экспертов, какие там специалисты. Посоветовал не расстраиваться, если работу не утвердят, то дадут возможность доработать, если она представляет пользу для науки. В общем, вроде все просто. Сообщил, что завтра вечером будет заседание, поскольку днем эксперты на своей основной работе, и их привлекают в экспертный совет на общественных началах.

С ночлегом я устроился в гостинице Академии общественных наук при ЦК КПСС на ул. Садово-Кудринской и там еще днем повстречал одну знакомую аспирантку из нашего крайкома, которая училась очно, – Розу Михайловну, бывшую заведующую лекторской группой крайкома партии. Договорились, что я ей вечером сообщу результаты. Председателем экспертного совета по геологическим наукам оказался член-корреспондент АН СССР Г.К. Хрущов, известный геолог по рудным полиметаллическим месторождениям, также в составе экспертов была и доктор г.-м. наук Нина Васильевна Петровская, известный в Сибири ученый по золоту, она много лет занималась изучением Советского месторождения, я даже кое-где ссылался на ее работы. Рассмотрение работы и материалов экспертного совета ВАК прошло доброжелательно, ученые убедились, что я недавний производственник и не собирался в своей жизни покидать

геологию. После ряда вопросов и заключения, сделанного одним из членов совета, мне предложили выйти из зала. Через некоторое время меня вновь пригласили в зал, объявив, что диссертация утверждается, и поздравили меня с присуждением ученой степени. После чего у меня не было больших радостей – в конечном счете я стал ученым. Настоящие ученые рождаются, а я просто занимался повышением своего профессионального уровня. Потом я много раз встречался с крупными учеными, академиками. Мне предлагали помощь в получении звания доктора наук, но я категорически отказывался – я производственник, ставший кандидатом, но не ученый.

От здания Министерства высшего образования СССР, которое находилось на ул. Жданова недалеко от «Детского мира», с заседания экспертного совета я до своей гостиницы шел пешком в весьма приподнятом настроении, прошел почти половину Тверской, тогда она называлась ул. Горького. По пути забежал в какое-то кафе перекусить, выпить сто граммов водки и кружку пива, по морской традиции. Прихватил по дороге шампанское и бутылку коньяка, чтобы отпраздновать свою трудную победу с аспирантами Академии ОН ЦК КПСС. Там, кроме Розы Михайловны, учились еще два наших красноярских мужика.

Закончив длинное повествование о своем вхождении в геологическую науку, вернусь к первым годам работы в новом административном районном образовании. Конечно,

район был совершенно неподготовлен к такому объединению, тем более люди не привыкли работать, когда рядом нет партийной и советской власти. За любой справкой надо было обращаться за сотни километров, встать на партийный учет или сняться с него надо ехать далеко. Мы сумели многие дела упростить, не народ к нам ехал, а мы к нему. Целыми бригадами исполкомовские работники ехали из Мотыгино в Северо-Енисейск и на месте решали все дела. Учетные карточки членов КПСС, находящиеся в Северо-Енисейском райкоме, я не стал перевозить в Мотыгино, оставил там сектор учета вместе с Бабуриной, несмотря на требования крайкома немедленно их перевезти в Мотыгино, и чуть было за это серьезно не поплатился. В ночное время в бывшем здании райкома началось возгорание от печи в помещении сектора учета, и лишь благодаря бдительности технички пожар удалось предотвратить. Вот бы была большая неприятность на весь Союз – сгорели партдокументы районной организации.

Однако мне удалось добиться, чтобы североенисейский партком получил права райкома партии по вопросам приема в члены партии и учета коммунистов. Стали мы ускоренно налаживать воздушное сообщение и прокладку хотя бы зимней дороги, чтобы не заезжать в Енисейск, а напрямую через Брянку. Быстро решили вопрос обеспечения северной части района овощами и молочной продукцией, но работники районных организаций в течение двух лет постоянно находились в командировках и стали к этому привыкать, ведь

весь российский Север так живет.

Серьезные сдвиги у нас появились благодаря помощи совнархоза по вопросам технического перевооружения дражного флота, стали вводить новые энергетические мощности за счет строительства дизельных электростанций. В Совруднике началась проходка новых стволов шахт с тубинговым креплением, заложили фундамент новой золотоизвлекательной фабрики, проводилась реконструкция аэропорта Соврудник с удлинением взлетной полосы. Привлекли для работ ряд специализированных строительных и горнопроходческих организаций из других городов, начали изыскательские работы для строительства ЛЭП и дорог.

Но, пожалуй, самой нерешаемой проблемой у нас оставалась проблема преемственности горно-металлургического предприятия в Раздолинском. По заключению геологов, рудник Раздолинск имеет запасов сурьмы всего на два года, перспективы обнаружения новых рудных тел и новых месторождений сурьмы не было. Что делать с предприятием, поселком, людьми? Перспектив не было. Если раньше планирующие органы страны принимали решение начать строительство магnezитового завода на месторождении магnezитов Тальского вблизи Раздольного, но открытие геологами Верхотуровского месторождения попутало все наши карты. У геологов на открытия всегда длинный язык, если бы они молчали, мы бы уже строили крупнейший завод в Союзе по производству магнезия и его продукции.

Вопрос этот в крае никто решить не мог. Тогда по договоренности между В.Ф. Гавриловым-Подольским и В.Н. Ксинтарисом было решено меня с начальником Раздолинского рудника Владиславом Смирновым направить в Москву для решения вопроса с Раздолинским рудником. Из Красноярска позвонили в отдел тяжелой промышленности ЦК КПСС, что такие-то люди едут для решения проблемы и им нужна будет помощь. В ЦК нас встретили нормально, разместили в гостинице в центре столицы, отдали на попечение инструктора ЦК Виктора Васильевича Быховцева, и началось наше хождение по бюрократическим лестницам ВСНХ. Прошли почти все инстанции, от которых, казалось, зависел вопрос строительства завода, – и в Госплане, и в ВСНХ, не были только у председателя. И каждый день в течение недели утром мы приходили в ЦК, оттуда давался звонок в министерство, ведомство, управление, которое нас должно принять и оказать помощь, там нас вне очереди принимали, любезно с нами разговаривали, рекомендовали, куда идти дальше, прощаясь, пожимали нам руки, а дело с места не двигалось.

То нам говорят, что завод будем строить в другом месте, нет – будем магний добывать из морской воды на Крымском полуострове и не добывать его из магнезитов на Севере. Прошли мы в Москве все рекомендованные инстанции, а поехали домой ни с чем. Обидно! Вот тогда-то я понял, что такое государственный бюрократизм. И нам пришлось опять

искать местный выход – разработать технологию получения периклаза продукта электротехнического сырья из магнезита на высвобождающихся металлургических мощностях металлургического завода Раздольного и частично занять горняков на строительстве Васильевского золотого рудника.

Одновременно с этим стали пробивать строительство талькового завода, который должен быть построен в Приангарье в соответствии с уже изданным постановлением правительства. Перспектив много, а дела нет. И опять надо было ехать в Москву, хорошо, что была большая озабоченность этими вопросами промышленного крайкома и совнархоза. На этот раз мы уже ехали с предложением по двум новым объектам, и опять с Владиславом Владимировичем Смирновым. В Москве к нам должен был подключиться первый заместитель председателя совнархоза Николай Тимофеевич Глушков, один из основных двигателей экономики края, напористый человек, знающий всю правящую номенклатуру. Сам собой он был человек видный, любящий женский пол, и они его тоже все любили, к тому же он еще выглядел молодо.

И на этот раз обошли многих, и, кажется, лед тронулся, договоренности получены. По случаю успешного решения дел мы решили это событие отметить в одном из ресторанов Москвы, но так долго там засиделись, что Москвы нам показалось мало, и мы решили выходной день провести в Сочи. Выходим из ресторана, садимся в такси и едем в аэропорт. Никто нас не отговорил, все единодушны – а почему не от-

дохнуть у моря?

Приехали в аэропорт, там оказались свободные места и нам продали билеты. Мы еще зашли в ресторан аэровокзала, дополнительно заправились спиртным, и в самолет. Быстро заснули. И так мы оказались в аэропорту Адлера. Тяжело спускаясь по трапу самолета, каждый из нас, наверное, тогда задумался: а зачем приехали в Сочи, кто нас здесь ждет, и кто будет принимать трех небритых мужиков? И только здесь узнали, что купальный сезон закончился.

Наверное, первым сообразил, что нам делать, Николай Тимофеевич, человек бывалый, да, наверное, он и подал нам самую идею полететь в Сочи. Для того чтобы собраться с мыслями и разобраться в ситуации, решили сначала зайти в ресторан и все обсудить – сразу возвращаться в Москву или все-таки день провести в курортном городе. Глушков стал звонить в санаторий «Заполярье», который был в подчинении Норильского комбината, тем более комбинат подчинен совнархозу. Директор санатория, услышав голос Глушкова, радостно стал приглашать нас в гости и готов был немедленно за нами прислать в аэропорт «Волгу», на что мы с благодарностью согласились. Все встало на свое место. Приведя себя в порядок, мы хорошо провели время в Сочи и даже искупались в морской воде в бассейне, а вечером улетели в Москву. Что только не сделает человек в хорошем настроении! Потом на много лет, до самой смерти Николая Тимофеевича, мы сохранили с ним самую теплую дружбу, несмотря

на то что он взошел на высокие посты в государстве: стал заместителем министра цветной металлургии СССР, председателем Госкомитета цен СССР, членом Центральной ревизионной комиссии КПСС. Он для нас оставался хорошим другом, внимательным и сердечным.

В начале шестидесятых годов, как я уже писал, в Приангарье наведывались одна за другой комиссии, связанные с размещением здесь горно-металлургических и лесопромышленных комплексов. Я не успевал принимать участия в их работе, приезжало их много, и надо было еще и мобилизовать легковой транспорт. Но все заканчивалось прожектами, перспективами, которыми мы были сыты по горло. Геологи Ангарской экспедиции тогда закончили генеральный подсчет запасов железной руды по Ангаро-Питскому железорудному бассейну, и было даже разработано ТЭО по его промышленному освоению. На Ангару приезжал даже самый известный металлург страны Бардин, вместе с ним Ломако и Гаврилов-Подольский.

Как-то к нам приезжала правительственная комиссия больше 20 человек, пришлось везти их на месторождение целым автобусом. И в комиссии все знаменитости: ученые и экономисты, у каждого свои идеи, где размещать рудники, обогатительные фабрики, инфраструктуру объектов. Сплошные споры без всяких компромиссов. Запомнился мне яростный спор двух крупных ученых, которые к разговору хотели подключить и меня, но я старался своего мнения

при этом не высказывать, на все должны быть научно-обоснованные расчеты. Поэтому я пытался их успокоить и перевести разговор на другую тему. Но здесь ко мне подошел другой ученый из группы и попытался отвести меня в сторону. Он был возрастом под семьдесят лет, видно, мудрейший человек, и сказал мне: «Виктор Андреевич, вижу, вы очень заинтересованный человек в этом деле, но малоопытный в жизни. Прошу вас, не слушайте этих болтунов. Для того чтобы поднять на промышленную основу освоение всех богатств Нижнего Приангарья, нужны другие государственные структуры, средства и люди! Этот край могут поднять только Сталины или Демидовы!»

И вот прошло после этой встречи больше пятидесяти лет, и действительно в Нижнем Приангарье ничего существенно не произошло, наскоком поднять эту махину нельзя – прав оказался этот старец!

Если вопросы перспективы района нужно было решать в центре и в крае, то программу социального развития района – на месте, здесь никто к нам не приедет и за нас не сделает. Правда, тоже нужно сначала было пробить деньги в краевом бюджете, а потом что-то начинать делать. Но были вопросы, которые стояли ребром. Не решив их, жить было нельзя, и денег нет, нужно было изыскивать их из других источников, за счет самих предприятий, за счет участия трудовых коллективов.

Взять, к примеру, аэропорт в Мотыгино. На острове ре-

ки Ангары площадка не подходит по размерам ни к одному классу пассажирских самолетов, стоящих на службе ГВФ, кроме как «кукурузнику». Но и они только обслуживали пожарников по охране леса. Площадку все-таки подобрали рядом с п. Мотыгино, обсчитали, сколько потребуется средств. ГВФ сразу категорически отказался финансировать, заявив, что если хотим летать, то должны искать деньги на месте. Тогда я собрал всех руководителей, каждого обложил трудовой и финансовой данью и определил сроки. Все были против. Но ведь всех в партийном порядке не накажешь за то, что руководитель не хочет заниматься социальными вопросами. Нужно было искать среди них более податливых. Наконец, делать некоторые послабления. Нужно было не менее пяти бульдозеров, а их было всего-то два десятка в районе. Нужно было сделать вскрышу торфов, расчистить площадь всего аэродромного поля. А когда поле расчистили, то оказалось, что весь грунт глинистый и во время дождей течет, раскисает. Начали возить на него пескогравий, а он поблизости от порта и тоже с повышенной глинистостью.

Специалисты-аграрники порекомендовали для уплотнения грунта связать его, посеять канадский клевер, траву. Посеяли, но это не дало толку. В общем, если зимой у нас на новом аэродроме принимали все классы самолетов того времени на местных авиалиниях, то летом опять ограничения. И так продолжалось до тех пор, пока летное поле не уложили бетоном и бетонными плитами. Телеграфные столбы расста-

вили до самого Енисея, навесили биметаллический провод, связь установили и с центром, и с населенными пунктами бассейна реки Тасеево. Как только началась зима, сильные ветра привели к повалу деревьев. Те стали падать на наши линии и нарушать связь, опять пришлось расширять просеки.

И вот так – за что ни беремся, все с трудом. В районе не было холодильника ни на севере, ни на юге. Надо строить там и там. Сами здания построили, а холодильное оборудование купить не на что. В обеих частях района буквально все школы, больницы сгнили, потому что были построены до революции из дерева.

При Н.С. Хрущеве в политическом плане особых изменений не произошло. Компартия по-прежнему была руководящей силой в обществе – что сказала, что наметила – то и будет. Произошло ослабление в действиях в отношении некоторых антиобщественных политических сил. Был поставлен жесткий контроль над действиями органов КГБ, МВД и прокуратуры. Просто так схватить человека ночью и увезти в каталажку без санкций прокурора и партийных органов они уже не могли. Но всякое вольное излияние критики в адрес партийных органов и правительства жестко пресекалось. Было отменено «крепостное право» колхозников, они стали получать паспорта и свободно выходить из колхозов. Продолжалась реабилитация лиц, незаконно осужденных по линии НКВД, а их было миллионы в 30-40-х годах.

Мне пришлось принимать участие в работе комиссий, рассматривающих вопросы реабилитации бывших членов партии, оказавшихся в тюрьмах, ссылках или уже расстрелянных. Многие бывшие репрессированные были восстановлены в партии с сохранением партийного стажа, но были и отказы по доказанным фактам. Принимались решения по сносу памятников «вождю народов». Уничтожалась политическая литература явно тенденциозного характера. В то же время переосмысливались многие происходящие в минувшие годы явления, связанные со сталинским режимом.

Я тогда глубоко ознакомился с папками «особой важности», которые перешли мне в наследство от моих предшественников по Северо-Енисейскому и Удере́йскому районам. Из них я узнал, какие противоправные меры осуществлялись административными органами, НКВД, КГБ, прокуратурой и судами, выполнявшими задания сверху. Ведь ими полностью контролировалась жизнь людей, проживающих в районе, и обо всех поступках, которые они считали негосударственными, доносилось в вышестоящие инстанции, а на местах сообщалось только первому секретарю райкома, а в крайком, может быть, шел донос на первого секретаря райкома. Была широко развита агентурная сеть среди населения через доносчиков, которые и творили свое черное дело, интерпретируя на свой лад любые поступки того или иного должностного лица и гражданина. А порой строчили доносы на соседа или друга даже из-за зависти или других побужде-

ний. Сообщалось, кто из начальников спит вне дома и с кем. Постыдное дело!

В эти годы от реабилитированных людей я узнал много, что творилось в тюремных застенках и лагерях, от этого волосы дыбом вставали, и это были не выдумки. Организация тюремных служб многое позаимствовала в своей работе от малютинских времен Ивана Грозного и других деспотов. Рассказывали, как добивались признания вины, какими методами, и порой приходилось мысленно оправдывать людей, которые наговаривали на себя. Я познакомился с работой НКВД и позже КГБ и среди верующих. Но сегодня, спрашивается, на какой хрен, извиняюсь за выражение, нужно было административным органам заниматься верующими, духовенством? А ведь и среди духовенства были люди, которые стояли на службе у КГБ и доносили на своих духовных братьев. Даже сообщали в КГБ, кто и когда из коммунистов венчался в церкви и крестил детей и когда и где посетил церковную службу.

В годы сталинских политических репрессий был отменен институт защиты – адвокатура. Люди, попавшие в тюрьмы, оттуда без обвинений не выходили, их принуждали физически в чем-то признать свою вину, которой на самом деле не было. Все это было.

На мой взгляд, Н.С. Хрущев виновен в том, что он признал виновным во всех политических репрессиях против собственного народа только Сталина, который руководил

СССР, и увел от ответственности конкретных исполнителей этих репрессий, в том числе и себя, как это было сделано в Германии после войны. А их десятки тысяч. А. Солженицын насчитал сотни тысяч тех, кто писал ложные доносы, работал в органах НКВД, прокуратуры, следствия, надзирателями в тюрьмах и лагерях. Эти подонки имели бронь от попадания на фронт, получали звания и хорошие премии. Их суровое наказание было бы примером для будущего – за все свершенные злодеяния против народа каждый должен быть наказан независимо от срока давности. Это касается и некоторых руководителей СССР, принимавших участие в репрессиях.

Сегодня именно потомки участвующих в политических репрессиях сталинского периода так яростно и громко защищают сталинизм – дайте им Сталина, чтобы они вновь могли расправиться со своими личными противниками – написал донос, и человека нет.

В 2016 году российская общественность отметила 60-летие со дня проведения XX Съезда КПСС, на закрытой части которого выступил Н.С. Хрущев – о культе личности И.В. Сталина и его последствиях. Доклад Хрущева был издан в виде брошюры – «красной книжечки», как ее называли, только для членов партии. С его содержанием коммунистов знакомили в закрытом порядке. Я дважды слушал этот доклад – на районном партийном активе Кировского района г. Томска как замсекретаря партбюро факультета ТГУ и на общем собрании коммунистов Томского университета. И

оба раза слушал с большим вниманием и заинтересованностью, поскольку и к моей жизни он имеет прямое отношение.

Придя с партийного собрания в общежитие, я тезисно в зашифрованном виде записал содержание доклада. Сегодня об оценке культа личности Сталина, данной Хрущевым, существуют разные мнения. Этот вопрос рассматривают двухсторонне. Одни обвиняют Хрущева в предательстве – например, пожилая женщина с периферии в газете «Красноярский рабочий» говорит, что «Хрущев оболгал нашего любимого вождя», а другие поддерживают – те, чьи предки прошли все испытания, ужасы сталинского режима. Это и понятно. С 1917 года существует разобщение народа России на «белых» и «красных», а с 1991 года еще дальше – на богатых и бедных.

При похоронах Н.С. Хрущева его сын Сергей, насколько мне помнится, сказал: «Н. Хрущева многие любили и многие ненавидели, но никем он не остался незамеченным». Объективная оценка отца! Главное – содержание доклада для Хрущева готовила специальная комиссия, которую возглавлял секретарь ЦК КПСС по идеологии Пospelов, и я лично считаю, в основном объективная. Единственное, что я ставлю под сомнение, – руководство Сталина военными операциями во время ВОВ по глобусу и его причастность к убийству С.М. Кирова. Мои ленинградские друзья утверждали, что убийство Кирова – это не политическое убийство, а убийство бытового уровня из-за ревности. Киров был бездетным и с

женским полом вел себя неразборчиво. Но Сталин со смерти Кирова начал политические репрессии, от которых пострадало несколько тысяч ленинградцев.

Все остальные действия Сталина, упомянутые в докладе Хрущева, подтверждаются историческими документами партийных, государственных и административных органов, литературой, в том числе работой А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», которая мало походит на художественное произведение – это летопись.

В стране был небывалый производственный и государственный динамизм, успешно развивалось сельское хозяйство, шло активное строительство буквально во всех направлениях и в промышленной, и в социальной сфере. СССР вышел со многими международными инициативами, подрывающими монополизм США и Англии, завязалась дружба с Индией и странами Южной Америки, восстановлены дружеские отношения с Югославией. США стали уже побаиваться Советского Союза, особенно после того, как появились тесные контакты с Кубой, в которой были размещены ракетные комплексы.

С большой pompой встретили руководителей кубинской революции в Красноярске. Тогда у нас в городе проходили какие-то мероприятия, и я там был. Буквально за несколько часов до прилета Ф. Кастро и сопровождавших его Че Гевару и других молодых революционеров нас срочно собрали в большом зале крайкома и объявили, что едем встречать

кубинцев. В аэропорту нас представили как рядовых трудящихся города, дали каждому в руки по маленькому кубинскому приветственному флажку, и мы заняли первые ряды среди встречающих. Прилетел первый самолет из Иркутска Ил-14, за ним совершил посадку второй такой же. Они подружились к зданию аэропорта, и из одного из них вышли бородастые парни в армейской защитной амуниции с пышущими здоровьем загорелыми, сияющими лицами. Кастро особенно выделялся: высокий, красивый, мужественный. Они подошли к нам, к толпе, и стали с нами здороваться за руки и что-то кричали в качестве приветствия по-испански. Затем они пошли в ресторан аэропорта, а мы в это время стояли и ждали, когда они поедят и снова выйдут к нам навстречу. Я стоял близко и заметил, что у Кастро после еды появилась какая-то отрыжка, может, от незнакомой пищи. И мы их снова приветствовали и проводили дальше, на Москву.

Конечно, триумфом правления Хрущева был запуск искусственных спутников Земли, полет Гагарина и выход в космос советских космонавтов, чего американцы долго не могли достигнуть. В ракетостроении мы тогда находились на передовых позициях.

Хрущев торжественно отпраздновал свое 75-летие и получил вроде еще одну звезду Героя. В общем, ничто не предвещало плохого. А в это время заговор уже вступил в завершающую стадию. Хрущев просто оказался плохим наследником Сталина, он не учел его опыта руководства кадрами,

соратниками. В руководстве страны в то время созрели две противодействующие группы, обе претендующие на власть. Одна группа, возглавляемая Шелепиным, которую Хрущев растил себе на замену, будучи из молодых, никак не могла дальше ждать своего часа на правление страной, торопилась. В ее состав входили кроме Шелепина, лидера, Семичастный, председатель КГБ, Демичев, секретарь ЦК, первый секретарь Московского горкома КПСС Егорычев и другие. Вторая группа оппозиции состояла из Брежнева, Подгорного, Косыгина, М. Сулова, Шелеста, в основном старики, часть из Украины, и их почему-то группа Шелепина не брала в расчет как будущих руководителей страны. Но в тот период они объединились, чтобы сбросить с пьедестала Хрущева.

А Хрущев, такой опытный политик, не пытался даже столкнуть их между собой в борьбе за власть, как это делал Сталин, – Троцкого с Бухариным и другими, и на этом потерпел поражение.

Не только в высшем эшелоне власти Хрущев начал терять свои позиции вождя, но и на более низком уровне, вернее, среднем. Ему никак не могли простить его реформы по ликвидации промышленных министерств и созданию совнархозов. Тогда многие министры и их замы, будучи членами и кандидатами в члены ЦК партии, были направлены в регионы и возглавили там совнархозы, а им страшно не хотелось покидать столицу. Например, Ломако приехал в Красноярск, а его жена так ни разу и не ступила на красноярскую землю.

На побывку приезжали дети и его родители. Единственный, кто здесь с ним находился, так это его личный доктор. Кстати, такой же образ жизни ведут сегодня и некоторые губернаторы и их замы, работают «вахтовым методом». И вот эти бывшие министры тоже были недовольны Хрущевым и ждали, когда он уйдет со своего поста.

Дополнительной армией противников Хрущева из его бывшей элиты стали первые секретари крайкомов и обкомов партии, которые после разделения партийных и советских органов на промышленные и сельские по реформе, прошедшей по инициативе Хрущева, оказались непрестижными секретарями сельских парторганов. Таким образом, они были лишены всех своих больших полномочий, поскольку сельские районы были немощные, и им приходилось все время обращаться к промышленникам. Они тоже жаждали смены Хрущева.

К тому времени накопилась неприязнь со стороны народа за его притеснение при ведении личного подсобного хозяйства, лишение сенокосных угодий и участков земли. А то и просто кто-то искусственно создавал в народе недовольство, распространяя самые разные небылицы о Хрущеве. Например, говорили: «Вечно выпивший Никита...» Хотя, как сегодня говорят беспристрастные люди, он выпивал вполне умеренно, для аппетита, небольшую рюмку коньяка. Его даже Сталин не мог сподручить. Это же не алкаш Ельцин, который пил у всех на виду, а в народе его не считали пьяницей и да-

же сделали всенародно избранным главой государства. Народ наш глупый, не хочет жить собственным умом, ему легко навязать утопические идеи – и он их принял. Прозвали Хрущева «кукурузником», хотя разведение в России кукурузы – его большая заслуга. Или дома «хрущевки», которые сегодня некоторые проклинаяют, а ведь без них половина людей России жили бы в деревянных бараках и коммунальных квартирах. В общем, для снятия Хрущева накопилось много недовольства, в основном со стороны правящей элиты. Они даже не могли простить ему оскорблений личного характера в адрес отдельных особ, хотя это слышали от сплетников.

Осень 1964 года, октябрь. Я собрался на курорт в Сочи. Получил путевку в санаторий им. Ленина. Я не мог ежегодно ездить на отдых летом со всей семьей, поскольку район сырьевой и летом шли основные работы. Поэтому я уходил в отпуск поочередно, через год – один год летом с семьей, другой один осенью или весной, и старался в это время покинуть территорию не только района, но и края. Когда отдыхаешь на месте, то отдыха нет, ты знаешь, как идут дела в районе, какие случаются ЧП, становишься их свидетелем. В общем, нужно было уезжать подальше.

Это у меня было второе пребывание в санатории, к тому же элитном. Санаторий им. Ленина в Сочи построил Микоян для работников пищевой промышленности СССР. Его удобное расположение на берегу Черного моря и близость к центру города понравилось кому-то из руководства государства,

и ЦК конфисковал его для партийной элиты. Меня разместили в трехместной палате (тогда одноместных номеров было ограниченное количество). Мы жили там с Борисом Григорьевичем Чичевым, первым секретарем Рыбинского райкома, потом начальником этого сельхозуправления, а впоследствии 12 лет он возглавлял совет ветеранов Красноярского края, и зав. орготделом ЦК Казахстана Орозай Батырбековичем Батырбековым, молодым казахом, окончившим Казахский университет. Мы так сдружились на отдыхе, что стали как близкие давние друзья.

Несмотря на то что порядки в санатории тогда были строгие: подъем, физзарядка, обеды и ужины строго по расписанию, иногда мы их игнорировали. Однажды после пробудки мои друзья пошли на физзарядку и стали звать меня. Я категорически отказался – сказал, что вот послушаю последние известия и пойду на физзарядку индивидуально, не хочу стоять в одном строю с жирными бабами и махать по команде руками и ногами. А накануне прошла молва, что здесь отдыхает Никита Хрущев, и кто-то его даже видел. И вот первым известием в утренних новостях по радио сообщалось, что состоялся пленум ЦК КПСС, удовлетворивший просьбу Хрущева об освобождении его от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР по состоянию здоровья. Тут же сообщалось, что две занимаемые им должности заняли Брежнев и Косыгин. Я не верил своим ушам. Вчера его перевозносили и говорили, что он со-

вершенно здоров, а здесь вдруг стал немощным и попросился по своей воле на пенсию.

Через несколько минут заходят в палату мои друзья, и я им сообщаю сногсшибательную новость: «Пока вы ходили на физзарядку, я снял Хрущева со всех его должностей». И каждый из нас подумал: а что будет дальше? Конечно, санаторий никто заранее покидать не стал, весь тот день просудачили, потом стали ожидать новостей. Что же на самом деле произошло в Москве, поскольку никогда в последние годы после смерти Сталина никто уже не верил в правдивость нашей партийной информации? Мы продолжали купаться, загорать и получать из Москвы все новые и новые сведения, уже из цеховских устных источников. Что же произошло с Хрущевым, казалось, вчера незыблемым столпом послесталинской власти, сумевшим еще недавно смести таких китов, как Молотов, Каганович, Маленков и другие.

Отпуск мой закончился. Я, не останавливаясь в Красноярске, прилетел домой. Жизнь продолжалась в обычном темпе. По средствам массовой информации опять заговорили о коллективном руководстве государством, о коллегиальности принятия всех важных решений не только в партийной жизни, но и в хозяйственной деятельности. Ничего нового организационного не происходило и в краевом масштабе, но недолго, ждали команды из Москвы.

Наконец приходит телеграмма о созыве пленума крайкома партии и обязательной явке всех членов крайкома. На

пленум приехал член Президиума ЦК КПСС Геннадий Иванович Воронов – председатель Совета Министров РСФСР. Пленум был объединенный с сельхозниками. Он был коротким. Доклад о решении ЦК КПСС по освобождению Хрущева от своих обязанностей сделал Воронов. Он, собственно, огласил доклад, сделанный Суловым на пленуме ЦК КПСС, и решение пленума. И нами было принято одно решение – одобрить решение пленума ЦК КПСС, обсуждений этих документов не было. Задано было лишь несколько вопросов Воронову.

В этот же день в большом зале Дома Советов состоялась встреча участников пленума с Вороновым. Он ей придал почти неофициальный характер. Вместе с ним за одним столом президиума заняли места первые секретари промышленного и сельского крайкомов – Гаврилов-Подольский и Кокарев. Воронов стал рассказывать более подробно, как проходил тот знаменательный пленум освобождения Хрущева от должности. Что сначала он был действительно приглашен на заседание Президиума ЦК, когда находился на отдыхе в своей резиденции в Пицунде, и при предъявлении ему серьезных претензий в работе ЦК сам написал заявление об уходе на пенсию по состоянию здоровья. Воронов старался убедить всех нас, что это мероприятие не было каким-то заговором со стороны ЦК, сговором, захватом власти. Но уже тогда в его ответах чувствовалось, что был тайный сговор между отдельными членами Президиума ЦК КПСС свергнуть Хру-

щеву и занять его место. В своих ответах на вопросы он отмечал такие главные недостатки Хрущева: он отошел от ленинских принципов коллективного руководства партией, единолично принимал непродуманные решения, выпячивал себя как вождя, потерял элементы партийной скромности, допускал оскорбления в адрес заслуженных людей в партии и государстве, в частности, по отношению к Косыгину – дескать, пусть он занимается ситцевой промышленностью, а не лезет в тяжелую, где ничего не понимает.

Конечно, всем было ясно, что существовал сговор, и со своего поста Хрущева сбросили насильно, а не по его заявлению, как это преподносилось обществу в начальный период отставки Хрущева. Воронов дальше говорил самодовольно, мол, мы решили дать бой Хрущеву, чтобы другим было неповадно так вести себя в партии. В общем, недалёковидным оказался и сам Геннадий Иванович, он думал, что дальше пойдет демократия в руководстве страной, и все эти заговорщики останутся на плаву. Новый лидер, как показывает практика и история, всегда старается освободиться от людей, знающих, каким путем он пришел к вершине власти, и вскоре постарается освободиться от них. Так поступил и Брежнев. Заговорщики во главе с Шелепиным думали, что, сбросив с поста Хрущева, займут его место. Но старики во главе с Брежневым вскоре с ними расправились мирными способами: Шелепина с поста секретаря ЦК КПСС и зампредсовмина определили руководить профсоюзами – ВЦСПС, Се-

мичастного – на Украину зампредсовмина республики, Демичева с секретаря ЦК – министром культуры, Егорычева – послом в Данию, и т.д. Кстати, Воронов – сибиряк, выпускник Томского политехнического института. Под руководством нового генсека он проработал недолго предсовмина РСФСР и был направлен в госконтроль и ниже. Как говорят, ему пришили элементы национализма – как пытавшегося обособиться от других союзных республик. Он якобы выходил с предложением перенести руководство Российской Федерацией из столицы в Ленинград. Так ли это?

Дальше Воронов перешел на открытую беседу. Не спрашивая разрешения зала, несколько раз закурил сигарету. Рассказывал нам, как он смотрит на дальнейшее развитие сельского хозяйства страны. Поделился своим опытом руководства сельским хозяйством в Оренбургской области, где он раньше был первым секретарем обкома партии. И чтобы нас развеселить, рассказал, как они с Микояном изучали опыт искусственного осеменения животных и как тот этим восторгался. Будучи в Новой Зеландии, Воронова пригласили прочесть лекцию студентам сельскохозяйственного университета. И он поведал им о нашем опыте искусственного осеменения овец. Когда перевели его слова на английский язык, в зале стало так шумно, что нельзя стало говорить. Он спрашивает у своего сопровождающего: «В чем дело? Почему шум, хохот и крики?» Ему отвечают: «Студенты говорят, что советская власть даже животных пытается лишить по-

следнего удовольствия».

Дальше Воронов, отступая от темы, стал критиковать сложившуюся у нас обстановку в руководстве промышленностью, работая по формуле ДДПР (давай, давай, потом разберемся). Также рекомендовал освободиться от стариков, занимающих высокие должности, – дарить им радиоприемник «Спидола» (спи дома).

Пришло новое руководство страной, значит, жди каких-либо новшеств и изменений в стране. Так было всегда, «каждая новая метла метет по-новому» – есть такая русская поговорка.

И первым таким глобальным решением для партии было решение отменить структуру партийных и советских органов, которая строилась по принципу хозяйственного управления, как ошибочную, якобы нанесшую государству существенный вред. Теперь снова возвращались туда, откуда недавно ушли: в Красноярском крае будет единый крайком партии и крайисполком. Снова пройдут объединительные процессы. В ЦК уже утверждены оргбюро по созданию единых партийно-советских органов, и по ним можно будет судить, кого же намечают сверху на должность первого секретаря крайкома. А будет тот, кто утвержден на должность председателя оргбюро нового органа управления. Ему будет поручено предварительно сформировать и рекомендовать рабочие органы.

ЦК назначило председателем оргбюро по Красноярскому

краю Александра Акимовича Кокарева, значит, он и будет здесь первым секретарем крайкома партии.

Оргбюро по Красноярскому краю вновь представилась возможность рассмотреть территориально-административное деление края по районам. На первом же заседании было решено наш вновь образованный район не трогать, оставить его в этих границах. Мы же выступили против, обосновав соответствующими причинами, обстоятельствами. Сославшись на то, что, в принципе, сама идея в первоначальном варианте была правомерна и целесообразна, но в то же время не учитывали, что сегодня такую структуру оставлять нельзя. Первое – это отсутствие надежных средств сообщения внутри района, и второе – сегодняшняя промышленность не способна осваивать территорию бассейна Большого Пита, он остается естественной межой между ранее существовавшими районами. Объединение районов преждевременно – не подкреплено материальными и финансовыми ресурсами. Меня снова пригласили на заседание оргбюро, которое вел один из главных разработчиков новой структуры, известный нам Борис Васильевич Баранов, и члены комиссии с нами наконец согласились и рекомендовали вновь выделить Северо-Енисейский район в самостоятельный.

После утверждения административного деления края начался подбор кадров партийного и советского руководства, и все надо было начинать снизу. Опять партийные собрания в первичных организациях избирают делегатов на районную

партконференцию, на которой избирают членов райкома и другие руководящие органы, те – делегатов на краевую партконференцию.

Мое неведение о том, где я буду работать – может быть, придется возвращаться в геологию, – скоро прошло. Меня опять пригласили на беседу к А. А. Кокареву, теперь уже разговор был коротким. Кокарев спросил меня лишь, как со здоровьем и как дела в семье, и сразу предложил остаться работать в Мотыгинском районе. Он более перспективен и является центральным районом в развитии промышленности в Нижнем Приангарье. С моей стороны не последовало возражений. А что касается должности первого секретаря Северо-Енисейского райкома, то предложил мне вместе с Барановым подумать и предложить оргбюро.

Я остаюсь работать на Ангаре, это меня устраивало, и в то же время мне было жаль покидать североенисейцев, с ними у меня было многое связано. Я этому району был обязан своей работой, обязан выдвижением меня на руководящую партийную работу, и главное – то высокое доверие, которое я еще не успел оправдать.

Нахождение Северо-Енисейского района в одной промышленной зоне с Удерейским районом приносило немалые трудности в управлении, неудобство, но нужно признать, что за эти годы руководству промзоны не без помощи Красноярского промышленного крайкома партии и Красноярского совнархоза удалось заложить глубокий фундамент

для индустриального развития Северо-Енисейского района. В частности, в 1964 году мы добились выхода постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о генеральной реконструкции Советского рудника и строительстве новой золотоизвлекательной фабрики, строительстве ЛЭП для централизованного обеспечения энергией с Назаровской ГРЭС. Была утверждена правительственная программа строительства новых мощных электрических драг, началось промышленное освоение золотоносных россыпей, создана специализированная на золото Северная геолого-разведочная экспедиция, которая впоследствии обеспечила не только районную золотопромышленность, но и создание крупнейшей минерально-сырьевой базой рудного золота. Я не сбежал из Северо-Енисейского района и честно признаюсь, что если бы мне предложили снова в него возвратиться, то я бы не раздумывая поехал, как и супруга, которой там нравилось работать в школе.

Краем я был утвержден председателем оргбюро по проведению работы по организации руководящих органов обоих районов (по их размежеванию и обособлению). Все эти вопросы были оговорены у Баранова в его главном краевом штабе. Партконференцию в Мотыгинском районе наметили провести в декабре 1964 года, а в Северо-Енисейском – в январе 1965 года.

В Мотыгинском районе все эти организационные мероприятия проходили довольно просто, а вот в Северо-Ени-

сейском сложнее. Все районные органы пришлось создавать заново, начиная от помещений. Ранее принадлежавшие районным организациям были заняты новыми хозяевами, и их нужно было либо освободить, либо строить заново. Но руководителей, в том числе первых, предлагалось избрать или назначить новых. В Мотыгино я практически сохранил весь прежний состав в руководстве либо просто сделал перестановки, уловив момент для этих целей.

На северо-енисейской партконференции возник вопрос о первом секретаре. Крайком рекомендовал на эту должность Иванова, бывшего председателя Эвенкийского окрисполкома, но делегаты конференции засомневались, почему его выдвигают у нас, а не в Эвенкии. При обсуждении поднимается Н. Ф. Ростовцев и говорит: «А почему мы, товарищи, вообще стали обсуждать кандидатуру Иванова? У нас в Северо-Енисейске был свой первый секретарь райкома – В. А. Неволин, мы его в свое время вырастили, выдвинули на Мотыгинский объединенный райком, а теперь пусть он снова возвращается к нам. Давайте поставим вопрос перед крайкомом снова вернуть в наш район Неволина!» В зале его поддержали. Тогда вмешался в выборные дела представитель крайкома Валентин Павлович Фадеенков, замзавотделом оргпартработы. Он стал объяснять, что состоялась мотыгинская райпартконференция, которая уже избрала Неволина первым секретарем райкома партии, и есть ли теперь смысл дергать человека с места на место, тем более по этому вопросу состоялось со-

гласование его кандидатуры на совместном заседании промышленного и сельского крайкомов. Таким образом, люди успокоились, и этот вопрос больше не возникал.

И вот так, немного с грустью, в начале 1965 года я покинул свой Северо-Енисейский район. Это был очень тяжелый район на севере края по обитанию, условиям работы и климату, но люди там работающие, самые выносливые и самые порядочные, бессребреники, на них всегда можно положиться, если ты сам достоин их.

Несмотря на разделение районов, я продолжал иметь тесную связь с руководством Северо-Енисейского района, в частности, с секретарем райкома партии Александром Григорьевичем Клименовым, своим партийным выдвиженцем. Дважды организованно с группой специалистов выезжал в Северо-Енисейск по обмену опытом работы, а став руководителем геологической службы края, на протяжении 20 лет занимался созданием сырьевой базы для золотодобывающей промышленности Енисейского края и района.

Крайком партии в те годы умел работать с руководящими кадрами, он не держал их взаперти в районах, проводил с ними учебу, знакомил с передовыми методами партийной работы, показывал, что делается в крае хорошего. И при каждом краевом мероприятии можно было послушать хорошую лекцию, организовывались встречи с именитыми гостями края и Красноярска. Тогда, в шестидесятых годах, весь Красноярскому краю как региону Сибири придавала Крас-

ноярская ГЭС, только что построенная, которая в те времена была крупнейшей в мире, и все старались посмотреть это чудо технического прогресса. Здесь побывал и Вальтер Ульбрих, глава государства ГДР, почти все тогдашние космонавты. Мне, например, посчастливилось позавтракать вместе с Береговым и известной ткачихой Гагановой. Повстречаться и побеседовать с писателем Константином Симоновым, а на Ангаре и с Александром Твардовским, С. Бабаевским и другими.

Интересная встреча была организована с чешскими писателями Зигмундом и Ганзелкой, побывавшими здесь и описавшими наш сибирский быт. Им много задавали вопросов о впечатлениях, и говорили они откровенно, что не все им нравится у нас. А вот о нашей современной архитектуре они высказались прямо отрицательно. Похвалив при этом Бразилию, где в первую очередь планируют все содержимое внутри здания, со всеми удобствами, а лишь потом оформляют внешний вид. На вопрос, где им больше всего понравились женщины, оба, не задумываясь, ответили, что в России.

Очень интересная лекция была прочитана одним малоизвестным в стране красноярским лектором общества «Знание» Исаевым после убийства президента США Джона Кеннеди. Он очень емко охарактеризовал Кеннеди как политика и очень крупного государственного деятеля мирового масштаба, и мне на многие годы запомнилось содержание лекции и политический прогноз. У меня даже сохранились

некоторые пометки о прижизненных высказываниях Кеннеди, которые потом подтвердились в ходе времени. В частности, он уже тогда отметил особую роль, которая будет принадлежать Китаю. Он предсказал, что США не надо бояться коммунистического Китая, там пройдет вся революционность народа, и у него наладятся хорошие отношения с Америкой. На мировой арене будут конкурировать три силы – США, Китай и СССР (он называл Россию). Что на Кубу не надо затрачивать средства для ликвидации режима Кастро – яблоко созреет и само упадет.

Д. Кеннеди был большим государственным стратегом. Когда мы обгоняли по всем статьям Америку в освоении космоса, он взвесил все возможности научно-технического плана США и предложил глобальную стратегию – план преодолеть СССР путем освоения поверхности Луны, достичь ее посредством спутников и высадить там человека. Это была неслыханная дерзость со стороны президента, но она подкреплялась научными исследованиями Америки. Для этих целей он добился от конгресса выделения средств в сумме двадцати пяти – тридцати миллиардов долларов. Эта программа Америкой была успешно выполнена, и Америка нас обогнала, вернее обставила. Многие его другие программы развития были успешно выполнены, и это был действительно великий президент Америки. А вот России всегда не везет на правителей...

Краевая объединительная партийная конференция про-

шла на подъеме, началось примирение среди краевой элиты, ушли в прошлое ссоры между промышленниками и сельхозниками. Обвиняли во всех грехах в волюнтаризме Хрущева, и теперь уже все его считали погибшим кумиром. Я на этом пленуме был снова избран членом крайкома. Настрой был на новый подъем в развитии районов.

Но этим возвращением назад в работе партийных и советских органов перестройка не заканчивалась. Уже было принято постановление о ликвидации совнархозов и переход управления промышленностью СССР через союзные и республиканские промышленные министерства. И теперь радость наступила у тех, кто приехал на время порулить хозяйствами в регионы. Но вместе с ними в Москву засобирались работать в министерствах наши доморощенные чиновники, и их набралось много, нужно было только заручиться в крайкоме, что они действительно являются ценными работниками. Таким образом начался отток из края ряда очень ценных работников, руководителей. От хрущевской перестройки народного хозяйства с целью приблизить руководство ближе к производству в крае не сохранилось ничего. Пожалуй, одним памятником этих мероприятий оставался в Красноярске Московский институт цветных металлов и золота. В нем прибывшие молодые ученые составили костяк научно-преподавательских кадров.

Ликвидация совнархозов, по моему мнению, была серьезной ошибкой нового руководства страной. Основным пре-

имуществом перед новыми, или теперь старыми, органами хозяйствования было то, что все вопросы развития производительных сил Центральной Сибири, куда входит Красноярский край, Тува и Хакасия, совнархозом решались комплексно, а не отдельно каждым министерством через Москву.

Глава 3

Мотыгинский район

Наша жизнь и работа после так называемой в прошлом промышленно-производственной зоны в целом мало в чем изменилась. Просто ушел из нее Северо-Енисейский район, убавилось забот и хлопот. Уход из Красноярского края совнархоза изменил структуру управления народным хозяйством. Нам, районным и городским руководителям, уже привыкшим работать с совнархозом и теми людьми, кто там работал, было жаль расставаться. Мы для них, переехавшими в Москву и занявшими там высокие должности в министерствах, стали далекими, а порой и чужими. Теперь встречались с ними в Москве на отраслевых совещаниях или коллегиях, или в министерствах.

Как только был восстановлен Минцветмет СССР – «Главзолото», его вновь возглавил Константин Васильевич Воробьев, он когда-то начинал свою производственную деятельность на Коммунарловских рудниках в Хакасии. Собрал об-

щесоюзное совещание по золоту и, конечно, пригласил нас. Из края собралась целая группа – директора золотодобывающих предприятий и двое секретарей райкомов. Мы думали, что от совещания что-нибудь получим – улучшение снабжения золотой отрасли, ассигнования на строительство жилья и объектов соцкультбыта, строительство новых производств. Но на этом совещании в основном изыскивались внутренние резервы развития производств. Если совнархозы не смогли эту отрасль поднять на современный технический уровень, то чем могло помочь это совещание? Поговорили в хорошем зале, присутствовали представители ЦК и Совмина. В общем, совещание было проведено ради галочки проведенных мероприятий – «о связи производства и управления».

Разместили нас в хорошей московской гостинице. Вечером мы всей группой пошли в ресторан покушать и, конечно, выпить – как золотопромышленники могут без этого дела обойтись? Сели мы за стол, подошла молодая официантка, и я обратился к ней с заказом, предварительно представил ей клиентов стола, сказав, что здесь собрались «золотари» из Сибири. Она небрежно повела почему-то носом, потом долго записывала заказ. Мы сидим, а нам ничего не несут. Тогда я обращаюсь к официантке:

– Девушка, вы все-таки постарайтесь обслужить золотопромышленников, они издалека приехали и ждут!

Официантка только теперь поняла, что она должна обслуживать не «золотарей», которые в бочках возят известный

материал, а что здесь сидят тузы золотой промышленности. Она сразу все бросила и стала ухаживать и потчевать нас. Мы, правда, потом не поскупились на чаевые. И вообще, нужно сказать, в советское время работники, добывающие золото, уже не разбрасывались своими деньгами, как раньше купчишки, потому что стали их меньше зарабатывать.

Обновленные партийные органы после 1965 года в крае серьезно помолодели, пришло много молодых работников с предприятий промышленности, из колхозов и совхозов. Уже совсем затерялись солидные мужики, носившие френчи сталинского покроя, широкие галифе с хромовыми блестящими сапогами. В выступлениях на трибунах стало меньше болтовни. Руководители районов плотнее занимались хозяйственными делами, и за это нас стало критиковать старое поколение партработников, что мы якобы идеологию поставили на второе место.

Однако в практике партийной работы остались определенные нормы проведения всех общественно-политических мероприятий и работа самого аппарата райкома партии, которая контролировалась сверху. Например, по линии отдела оргпартработы крайкома партии за каждым районом закреплялся инструктор крайкома, и он контролировал и помогал в работе районного партийного органа, но не вмешивался в дела, не командовал.

Заседания бюро райкома проходили по-прежнему два раза в месяц, иногда три, если требовалось собрать внеочеред-

ное для рассмотрения наиболее срочных вопросов. Пленумы райкома проходили раз в квартал, иногда они заменялись партийным активом с приглашением широкого круга людей. Исполком райсовета тоже практически в такие же сроки проводил заседания исполкома райсовета и сессии райисполкома. Аналогично проводились мероприятия и в работе аппарата крайкома – и бюро, и пленумы, и сессия. Районные отчетно-выборные конференции проходили каждые два года.

В то время мы всем миром, как говорится, хотели сделать Мотыгино хорошим районным центром Нижнего Приангарья. Но так и не смогли перешагнуть тот запрет, который на нас наложил Госплан СССР. Это по его инициативе была принята программа-проект строительства будущего каскада ГЭС на Ангаре и Енисее. Согласно этому проекту выдумщиков-глобалистов наше Мотыгино попадало в зону затопления. А на все затопляемые зоны был наложен правительственный запрет строить объекты капитального строительства. Была рекомендована уже на той стадии разработка генпланов переноса населенных пунктов на новое место поселения. И как мы ни старались доказать, что это утопия, никто этих ГЭС строить не будет, гидроэнергетики были непреклонны. И вот после этого прошло уже больше 50 лет, и никаких ГЭС не строят, и даже начатую почти 30 лет назад в советское время Богучанскую ГЭС едва достроили.

Этих твердолобых госплановцев я не мог уговорить, чтобы они дали согласие на строительство капитального зда-

ния для райкома партии, которое ЦК разрешил нам строить. Можно было строить только в дереве по временной схеме, и те деревянные здания, которые мы тогда построили, сегодня уже все подлежат капитальному ремонту или сносу. Все наши протесты снять запреты не увенчались успехом, и район сегодня пожинает эти административные глупости.

Оставался единственный выход из положения – строить инициативным способом, а он порой был подсуден, поскольку не было санкций планирующих органов. Мы тогда прибегли к методам народных строек, опять же залезали в государственные и финансовые источники. Таким методом нам все-таки удалось построить Дом культуры, спортивный зал, открыли Дом пионеров и музыкальную школу. Использовали и приезд в район министра геологии РСФСР Горюнова, и он изыскал средства на строительство школы для детей, чьи родители трудятся в геологии и лесной промышленности.

Нами была разработана районная программа строительства во всех населенных пунктах в первую очередь объектов социального назначения: школ, больниц, клубов, библиотек и спортивных объектов, и, нужно сказать, в этом далеко продвинулись. Активизировали деятельность наших золотопредснаба и ОРСов на строительство магазинов, холодильного и складского хозяйств, столовых и котлопунктов буквально в каждом населенном пункте, укрепили в кадровом отношении эти организации. Старались создать во всех подразделениях высокий ритм работы и улучшить возможности

быта и отдыха. Все это делалось не какими-то приказами и распоряжениями райкома и райисполкома, а через первичные партийные организации и силами рядовых коммунистов и народных депутатов всех уровней – районных и поселковых.

Партийная и общественная работа заполняла все мое время, а у меня была и личная, семейная жизнь. Семья состояла из жены и двух дочурок – Тани и Марины. Нами из Северо-Енисейска была привезена няня Анисья Ивановна. Я уже писал, что ее к нам прислала моя тетя Ира, учительница из Малой Минусы. Эта молодая женщина была из Чувашии из богом забытой деревни и в Сибирь приехала к своей сестре, чтобы нянчить ее детей, была она почти безграмотная. Но жизнь у них не пошла, вот она и переехала охотно к нам. Человек она была простой, открытый, несколько странный, наверное, никогда не испытывала человеческой ласки, но у нас ей нравилось. Работой она не была перегружена, ей хорошо платили, она стала приобретать одежду, с нами питалась, и к нам по-семейному привязалась так, что мы не могли оставить ее в Северо-Енисейске и привезли с собой в Мотыгино, где ей еще больше понравилось. Любила она и дочурок, особенно младшую – Марину. Сначала дети были дома, потом их устроили в сад, так Анисье совсем стало раздолье и свобода.

Но каждую женщину, как и мужчину, тянет к противоположному полу. Анисья со временем стала встречаться с

мужчинами неопределенных занятий, пыталась приглашать их к нам в гости. Тогда мы с ней по-хорошему договорились устроить ее на работу, там же, в Мотыгино, помогли ей с выделением квартиры, чтобы она жила самостоятельно. Она вышла замуж, но неудачно, муж оказался проходимцем. В общем, довел ее до инвалидного дома в Тинской. Мы с ней лет двадцать поддерживали связь, помогали, потом переписка прекратилась в связи с ее уходом в мир иной.

Супруга Галина Тимофеевна все время работала в школе № 1 в Мотыгино преподавателем математики и несколько лет завучем. Жила по общим правилам, без всяких привилегий, как все ходила в магазин, стояла в очередях, хотя, конечно, отношение-то к нам было другое в связи с моей должностью. С детства я был охотник и рыбак, этим попутно занимался и в геологии. И здесь, казалось бы, представилась большая вольность, но теперь не было времени, да и вокруг меня был негласный надзор. Не хотелось попасть в браконьеры, опростоволоситься не только на весь район, но и в крае. А дела были соблазнительные, что азарту трудно было устоять. Люди кое-где использовали браконьерские орудия лова.

Первая весна на Ангаре – это неопишуемая красота природы. Я почти каждый вечер выходил на обрывистый берег реки недалеко от моего жилья и работы и наблюдал, как с таянием снега набухает ангарский лед. Он начинает темнеть, вода перед ледоходом выпирает и образует забереги. И вот все ждут ледохода. Ждем сообщения, где по Ангаре уже по-

шли подвижки льда. И как только начался ледоход, все жители поселка выходят на берег смотреть, как река несет большие льдины. На реке появляется водоплавающая птица – гуси и утки всех пород. На берегу в это время стоят простые обыватели и ребятишки, а коренные ангарцы-промысловики к ледоходу уже подготовились – приготовили свои лодки, рыболовные снасти, охотники уже пошили белые халаты и головные уборы, покрасили в белый цвет свои маленькие лодки-обласки. С ледоходом спускают их в реку и плывут вместе со льдом, охотясь на гусей и уток. Это очень смелое и рискованное занятие, требует мастерства и ловкости.

Правда, в районе Мотыгино проходит не само русло Ангары, а ее протоки, непригодной для навигации судов, и во время ледохода ее обычно забивает лед, напыжует его в ней, а потом долго тает. Река уже освободится ото льда, а в протоке еще он стоит. Поэтому в дальнейшем я ездил смотреть ледоход на Ангаре в п. Рыбное, это где-то в 10 км ниже по течению от Мотыгино. Там стоит отвесная береговая скала, и вот с нее это зрелище просто завораживающее, и часами можно им любоваться. Что только не несет со льдом, река сама себя очищает от мусора и свои берега от хлама природного и порожденного человеком.

Весна в этих местах чувствуется не только на реке. Как преобразуется лес! Все здесь оживает, воздух становится напоенным ароматами хвои. Появляется столько лесных птиц, думаешь, откуда только взялись. Еще в конце марта начина-

ют токовать косачи (тетерева) и глухари на деревьях и лесных полянах. Их предбрачная пора такая красочная, что в это время не хочется стрелять эту птицу. Уж больно в это время красив косач со своей яркой окраской головы и пышным хвостом, становится густо-черным на фоне белого снега и при этом громко «чувышкает». На эти тока я весной специально ездил посмотреть за десятки километров от Мотыгино в сторону Южно-Енисейска и Партизанска и Рыбного.

Примерно в это же время прилетают в Приангарье скворцы. В первую же весну я повесил во дворе своего дома два скворечника, и каждый год в одном из них они жили и выводили птенцов, радуя нас игристым своим щебетаньем по утрам.

Там, на Ангаре, я впервые посмотрел восход солнца в пасхальный день. Еще в детстве моя бабонька меня убеждала, что в день Пасхи солнце «играет». И вот все эти годы я пытался проверить, действительно ли это так. Но в жизни получалось так, что в пасхальное утро часто стояла мрачная погода и солнца не видно, а в Красноярске даже в солнечную погоду над городом висит смог, и такого, как в Мотыгино, зрелища не увидишь. Я его наблюдал с крыльца своего дома. Восход солнца в тот день был необычно яркий, вокруг него появлялись круги, оно горело ярко, и когда на него долго смотришь, то глаза начинали слезиться. Казалось, что солнце то поднимается, то опускается на горизонте, и создается видимость его движения и игры. Но это было один-един-

ственный раз, когда я его наблюдал на совершенно чистом горизонте.

Шофером мне «по наследству» достался Константин Владимирович Панов, отчество, может быть, и забыл. Настоящий ангарец, из местных жителей. Как он говорил, у него в роду была и цыганская кровинка. Был он крепкий, красивый деревенский мужик, очень степенный, рассудительный, несуетливый. Его жена Валя была тоже ангарка, крупная, красивая женщина – в общем, пара, достойная друг друга. Он работал у нас, а Валя бухгалтером в школе. У них было трое детей, два парня и дочь Наташа, ровесница нашей Татьяны. Шофер он был со стажем, в машине разбирался хорошо, водил ее аккуратно, любил порядок и сам был опрятным и уважительным человеком, ему можно было доверять. Поэтому у нас с ним сразу сложились хорошие и просто товарищеские отношения. Я им был полностью доволен.

Константин был рыбак и охотник до мозга костей. Он добывал и сохатого, и гуся, и белку, и лисицу. Сохатых стрелял на солонцах в устьевой части реки Каменки. Гуси были перелетные, они любили садиться на льдины, которые несло по Ангаре. Здесь в скрадках и на льдинах их и подстерегали охотники в маскхалатах. В это время Константин брал отпуск. Особенно он был заражен охотой на гусей. В маленькой лодке-долблянке он забирался среди льдов до середины Ангары, плыл вместе со льдом и гусями вниз по течению и по возможности их отстреливал. Были у него случаи, когда его

лодка переворачивалась и он оказывался в ледяной воде. В конечном счете, от рыбалки и охоты он получил острый радикулит и впоследствии вынужден был прекратить шоферскую работу.

Константин очень метко стрелял из ружья, винтовки и «тозовки». Однажды мы с ним поехали в лес срубить несколько новогодних елочек. Он встал на лыжи, взял топор и пошел в ельник. Минут через пятнадцать тащит три елки и зайца. Я спрашиваю: «Где ты взял зайца?» Он отвечает: «Увидел его в лесу, бросил топорик в него и убил». Вот ловкий таежник! У него была заповедь: никогда не рассказывать правду о том, сколько чего выудил, поймал, застрелил. Даже мне правды не говорил, а отвечал, что поймал малость или немного «сегоды». А скажет правду только через год. Так у них, ангарцев, было заведено.

Костя любил выпить и любил петь, и в молодости, наверное, любил и девиц, он был видным и обходительным с женским полом.

Когда наступила первая весна, то мне показалось странным, что в это время во всем Приангарье у людей появилась особая активность, наверное, потому что Ангара издавна является для них кормилицей. И весь сезон, пока река вскрыта ото льда, на ней идет рыбный промысел. С приходом ледохода на ее водных заливах, протоках, курьях расставляются большое количество сетей. Идет государственный промысел. Вернее, частный промысел, но по договорам с рай-

потребсоюзом и другими заготовительными организациями по лицензии. В это время рыба идет к берегам, затопленным водой, на икромет. Как только река вошла в свое русло, вид промысла меняется. Если в первый этап ловили в основном щуку, сорогу, ельца, окуня, язя, так называемую на Ангаре сорную рыбу, то теперь начинался ночной промысел, ловля наплавными сетями осетра, стерляди, сига. Это по времени почти весь июнь до потепления воды, и сетями ловят только ночью. Дальше начинается ловля на удочки, закидушки и спиннинги хариуса, ленка в приустьевых речках, впадающих в Ангару, и щук на плесах. А когда наступает июльская жара, то к берегам Ангары, где пробивают себе путь холодные ключи, подходят таймени, и их уже ловят неводом или спиннингом.

В поздний летний период промысел на Ангаре в основном затухает, и вновь он оживает с наступлением заморозков. Вода в реке становится холоднее, рыба группируется в стаи, косяки и подходит к заросшим травой островам или в другие места, где достаточно пищи, и лов опять идет ставными сетями. Промысловики и так называемые браконьеры орудуют на реке весь навигационный период. Поздней осенью раньше велся основной лов так называемой красной рыбы – стерляди и осетров. Дело в том, что эта порода рыб в обычное время гуляет по всей реке в поисках пищи, и места скопления их может знать только знаток. А вот к осени осетровые, нагуляв жир, опять скапливаются в определенных ме-

стах – глубоких ямах для зимнего отстоя. Там они образуют целые напластования, внизу находятся более крупные особи, наверху – более мелкие.

В бассейне нижнего течения Ангары было несколько таких глубоких ям, в которых скапливались стерляди и осетры. В нашем районе была так называемая Рыбинская яма. Дальше вверх по Ангаре Каменская яма и другие, более мелкие. В старые времена здесь лов рыбы проходил организованно. Местными обществами людей, конечно, под контролем властей, определялись даты, время начала лова на этих ямах. Сюда съезжались рыбаки на всех видах плавающих средств со всей ангарской, тасеевской и енисейской округи, и каждый расставлял свои сети ниже этих ям. И по команде старшего начинали «ботать» эти ямы, где уже скопилась рыба. После шума, созданного боталами и сброшенными в воду камнями, потревоженная рыба начинала спускаться вниз по реке или немного поднималась вверх, а там попадала в сети и ловушки. Таким образом, рыбы ловили очень много. Выловленную рыбу насаживали на кураны, и она оставалась в воде еще очень долго живой. Ее сплавливали, отправляли потребителям или забирали домой, обеспечивая себя на зиму. Но в наше время ямы опустели, поскольку по ним один за другим проходили большие ангарские плоты, а в кормовой части плота болталась многотонная цепь для управления плотом. Проходя по яме, распугивали всю рыбу, и она уходила в другие места.

Малые реки все горного характера, и на них обычно рыбачили удочкой, все лето вылавливая хариуса, ленка, тайменя, чебака, ельцов и даже щук с налимом.

Существовал еще один запретный лов рыбы, которым пользовались местные жители, – самоловами, самый что ни на есть жестокий лов рыбы, правильно, что называется браконьерским. Он связан с установкой в реке переметов – прикрепленных к длинной бечеве острых проволочных уд. Браконьеры этим способом пользуются весь летний сезон.

Вкратце я рассказал о рыбной ловле на Ангаре, но это целая наука и двумя словами все не расскажешь, а самому посмотреть и попробовать было очень занятно.

Как я уже говорил, только начинались забереги на Ангаре, сразу я отпускал в отпуск и помощника Владимира Панкратова, и шофера Константина Панова – они уже не могли спокойно сидеть на месте, бегали смотреть, что делается на реке, – типичные ангарцы.

Прощаясь со мной перед отпуском, Панкратов пригласил меня приехать к ним на остров и посмотреть, как они рыбачат, тем более это близко от Мотыгино. Я дал согласие, и в один из погожих дней я поехал к рыбакам. Они работали по договору и там уже были обустроены. Первым делом они предложили отведать мне ухи. Но я хотел посмотреть, как они ставят сети. Они сказали, что сети уже расставлены, нужно только их проверить. Дали мне деревянную лодку с веслами и показали, куда плыть, чтобы проверить сети, –

хоть одну, хоть все, их наплава видно по воде. Я, конечно, не первый раз работал с сетями, но на Ангаре впервые. Подплываю к первой сети, а она уже забита рыбой. Стал я вытаскивать рыбу из сетей, а дело это оказалось сложным и муторным. Особенно было сложно выпутать без сноровки окуней. Они все крупные, ершистые, с брюхами, набитыми икрой или молоками. А щуки так запутывали сеть, что не знаешь, с какой ячейки к ним подобраться, чтобы выбрать из сети. Хорошо освобождалась только сорога. Я с десятков рыб вынул из сети, наколол до крови свои пальцы и, сказав себе – хватит, погреб к рыбакам.

Но без застолья не обошлось. Да и не нами был установлен порядок: едешь на рыбалку, бери с собой «горючее», водку или коньяк, вино почему-то там не пили, но и самогонка хорошо шла. Я следовал обычаям, поэтому взял две бутылки водки, и мы хорошо на воздухе у костра под уху посидели. Потом меня на моторной лодке провезли по ангарским курьям и протокам. Здесь я уже сидел на носу лодки с ружьем, а Панкратов лихо правил, и то справа, то слева от берегов взлетали утки. Я умудрился трех убить. Влет я редко попадаю, а здесь удача сопутствовала мне.

Первый пример заразительный, и мне очень понравилось на реке, потом я много раз проводил свое свободное время с рыбаками. В тот же год, но уже в июне, меня сагитировали на рыбалку эти же двое: помощник и шофер, проплыть наплавленной сетью по Ангаре между Мотыгино и Рыбной. Это вод-

ное пространство охранялось рыбнадзором, и туда боялись показываться с наплавными сетями. Но мои помощники уже договорились, в порядке исключения, с рыбнадзором – они дали согласие пустить нас туда. Конечно, это дело противозаконное, почему одним можно, а другим нельзя, но азарт пересилил эти правила. Я согласился с ними поехать, мне просто хотелось посмотреть технологию этого давно известного на Ангаре и Енисее метода лова рыбы. Делается наплавная трехстенная сеть, наверху поплавки, по низу грузила. Их навязка обеспечивается, чтобы сеть шла стеной наплавом в придонной части реки. У сети два заводных конца метров по двадцать-тридцать с обеих сторон. Один конец сети привязывают к так называемому деревянному кресту небольшого размера, в ночное время на него иногда устанавливается осветительное устройство, чтобы его было видно как ориентир. А рыбалка идет только в ночное время, днем рыба в сеть сама не пойдет, поскольку видит ее.

К назначенному месту подходит лодка, сначала выбрасывает в воду крест, а потом сеть, сама лодка ставится перпендикулярно руслу реки и, сплывая, выбрасывает сеть, второй конец сети привязывается к лодке. Длина нашей сети была где-то около 80 м, связаны две сети. Нас течением реки несет вниз, и лишь понемногу гребем веслами, чтобы сеть не сводило – даем ей идти стеной, захватывая новое пространство. Мы проплыли около километра, а может быть, и больше, мне дали один конец бечевы, к которой привязана сеть к лодке,

чтобы я почувствовал, как в сеть попадает рыба, как она трепещет, чтобы выбраться из сети. Не доплывая п. Рыбного, мы стали выбирать сеть, и улов оказался богатым: попали несколько небольших осетров, стерлядь, таймень и немного сорной рыбы. Втащив сеть в лодку, я говорю ребятам: «По-едем теперь домой». Но они со мной не согласились, здесь мы действовали как напарники, сказали, что нужно сделать еще один заход, ведь времени-то еще мало, нет и десяти часов вечера.

Они были в азарте, как им отказать. Делаем второй заход, немного сместившись в сторону по реке. Проплыли, и опять улов. У них радость была неопишуемая, говорят, что такой удачи на реке им еще не было, и посчитали, что я оказался таким везучим на рыбалку человеком. Но больше мне никогда не удавался такой улов на Ангаре.

Куда мне девать столько рыбы? Хранить у нас негде было, я взял себе несколько рыбин на уху и поджарку, а остальной свой пай отдал, к тому же это были их сети, транспорт, горючее. Зачем жадничать? Главное, что я получил величайшее удовольствие.

Не забуду сказать про Константина Панова, его философское отношение, когда рыба выскользнула из рук и ушла в реку. Он тогда говорил: «Не надо сожалеть – значит, она не наша».

Как-то уже через несколько лет Константин Панов пригласил меня посмотреть, как рыбачат на самолов, и я согласил-

ся. Выплыли из Мотыгино мы на его лодке, когда уже стемнело, в сторону Быка. А самолет его нужно было обязательно проверить, так как он стоял уже несколько суток. Я сижу в лодке на веслах, Костя правит.

Проплыли уже большое расстояние, я даже потерял ориентир, где мы находимся, совсем темно. Вдруг мотор заглох, Костя поднимается со своего сиденья, берет в руки кошку и мне командует:

– Вот в этом направлении гребь, сделай сорок гребков, а я в это время поработаю кошкой. Я добросовестно выполняю его команду. Вдруг он говорит:

– Стоп!

Оказывается, он уже зацепил тетиву, на которой нанизан перемет с крючками, и в темноте стал выбирать снасти, а я за ним внимательно наблюдаю – какое это опасное занятие! Хорошо, что на Ангаре был полный штиль, а в плохую погоду одно неверное движение, и сам попадешь на острые уды, тебя затянет в воду, потому что самолет крепится двумя концами у дна реки тяжелыми чугунными якорями или камнями. Костя осторожно вытаскивает на борт лодки одну за другой пустые уды и аккуратно их укладывает. Попалась нам всего одна стерлядь. Я потом Костю спрашиваю:

– Надо ли из-за такого бедного улова рисковать жизнью? А если попадешься на глаза рыбнадзору, то заплатишься большим штрафом или можешь попасть в тюрьму.

А он мне отвечает:

– Это рыболовецкая зараза как алкоголь. Я с детства этой ловлей занимаюсь.

В. Астафьев в книге «Царь-рыба» правдиво описывает этот рыболовный процесс и последствия этой хищнической рыбной ловли. Костя этим занимался иногда просто ради интереса, не мог освободиться от этой заразы. Меня потом поражали мастерство и ум Кости Панова, ведь надо точно на большой реке запомнить, где поставил самолов, определить его координаты по нескольким крупным деревьям, стоящим на берегу Ангары, – лучше штурмана корабельного работал.

Выезжали мы несколько раз на рыбалку коллективно с неводами, их организовывал рыбкооп, обычно приурочивая ко Дню рыбака. На катерах мы доплывали до д. Потоскуй, которая потом стала называться Орджоникидзе. Там вблизи деревни на правой стороне Ангары вытекают в реку холодные ключи, и в жаркую погоду таймени подходят к этой воде, чтобы избавиться от мелких паразитов, живущих у них под жабрами и не дающих им покоя. Во всяком случае, так объясняют бывалые рыбаки появление тайменей в этих местах в жаркое время. Эта рыбалка была занимательна коллективизмом. Невода большие, тяжело их забрасывать и тащить, к тому же там есть задевы. Много было разговоров, шума, к тому же приезжали уже по пути подвыпившие. Уловы были небольшие, но на уху всегда хватало. Больше выпивали водки, чем стоила пойманная рыба. На эти мероприятия кроме районного руководства приглашались и золотопромыш-

ленники из Раздольного и Южно-Енисейска – В.В. Смирнов, Н.Г. Онищенко и другие.

Однажды меня соблазнили поехать на рыбалку на вертолете. Мы должны были залететь в верховье реки Аладьино, а потом по ней сплавиться на двух резиновых лодках. Инициаторами этого мероприятия были начальник мотыгинского аэропорта Иван Петрович Черепов и директор мотыгинского лесхоза Павел Максимович Попов. По времени рассчитали на четыре дня. Все взяли отпуска. Поскольку народ за нами присматривал, то мы из аэропорта сами не стали вылетать, а договорились с пилотами, что они пойдут по заданию геологов и по пути в устье Аладьино нас заберут. А до Аладьино нас доставит Александр Васильевич Костиков на нашем полуглиссере. Так и сделали: загрузили вещи в полуглиссер и поплыли вверх по Ангаре. Вышли на берег, стали ждать вертолет, он пришел, как договорились, в назначенный час. Сел на косу, мы быстро погрузили свои вещи, и он повез нас по Аладьино вверх до имеющейся там площадки для вертолета. Выгрузка тоже прошла быстро, и вертолетчики, пожелав нам удачи, улетели к геологам. Мы надули две лодки и в тот же день начали спускаться вниз по реке, закидывая удочки. Понемногу ловили хариуса, хотя брал он на червя лениво, а на обманку совсем не кидался.

К вечеру остановились на выбранной площадке для ночлега. Стали ставить палатку, варить ужин, разбирать вещи. Когда уха была готова, расположились на брезенте, начали

выкладывать свою закуску, предвкушая хорошее застолье. Попову, который был нас моложе по возрасту и по служебному положению, говорим: «Павел, неси водку». Мы взяли из Мотыгино целую коробку. Он стал перебирать вещи, а коробки с нами вообще не оказалось. Какое у нас у всех было разочарование, когда вспомнили, что коробку с водкой оставили в полуглиссере. Стали друг на друга пенять, а потом смирились, что в этом виноваты все, поскольку сильно торопились на вертолет, и никто из нас не заглянул в полуглиссер, не посмотрел, все ли взяли. Потом стали ругать капитана полуглиссера – как он не увидел, что мы не взяли водку.

Уху ели молча, она была невкусная, и весь вечер друг с другом почти не разговаривали и не смеялись. Лишь утром опять стали жить по принятому расписанию, половину пути тащили лодки за собой, поскольку трава выросла в водоемах и вокруг и было непросто пробираться сквозь речные завалы. К вечеру, вымокнув до ушей и без искусственного подогрева, ложились спать в холодные спальные мешки. И как было здесь не вспомнить, что с водочкой-то на рыбалке все-таки веселее.

Рыбалка была не совсем удачная, но в целом нормальная. Вдоволь получили впечатлений, отвели охотку, измучились физически и, мокрые до нитки, выбрались к устью реки Аладьино, пройдя по ней, наверное, километров сорок. Очутились на берегу Ангары, где нас уже ждал полуглиссер с прежним капитаном. Мы на него набросились: «Почему нас оста-

вил без водки?» А он невинно говорит: «Ребята, когда я с берега возвратился в полуглиссер и увидел, что там осталась коробка с водкой, я выбежал на палубу, но ваш вертолет уже за лесом хвост показал». И сколько нам не выпитой водки тогда досталось! Пей не хочу, и, конечно, еще не готовя обеда, мы выпили по рюмке водки за то, что благополучно выбрались из тайги, и уже ее больше не хотелось. Вот такие случаи бывают на рыбалке!

Рыбалка – очень интересное и хорошее занятие, и хороший отдых, это и закалка – моральная и физическая. Здесь познаешь людей, их человеческие и нравственные качества, товарищество и выручку, она укрепляет дружбу, люди становятся открытыми, проявляют юмор, узнаешь от них последние известия. На Ангаре рыбалка была открытым мероприятием, мы собирались целыми коллективами, там все были социально равными. И не было стремления получить от рыбалки какой-то доход, продать рыбу или ею надолго запастись. Но всегда находили возможность угостить рыбой близких знакомых и приезжих.

А если говорить в обобщенном виде, то рыбалка на Ангаре для многих местных жителей была и средством существования, хотя по своей природе, мне казалось, ангарцы народ несколько ленивый в рыбалке, поскольку им она легко давалась. Они никогда не рыбачат, когда на Ангаре стоит лед, кайлить лед они не станут, и совершенно не занимались подледным ловом рыбы, как это делают другие на Енисее. За все

время, прожитое на Ангаре, я всего лишь несколько раз видел, как рыбокооп организовывал весной подледный лов рыбы неводом. Ангарцы много запасают рыбы в летнее время и засаливают ее на целый год, причем иногда любят рыбу с душиком. Но ангарец никогда не понесет продавать такую рыбу, лучше он ее выбросит весной в помойную яму.

Вторым распространенным занятием местного населения была охота. Кроме охоты на гусей во время ледохода была охота на другую водоплавающую дичь – уток, и по озерам и болотам за ондатрой. Со временем гусей на Ангаре почти совсем не стало, а вот уток весной прилетало и гнездились много. Настоящие охотники весной готовили небольшие лодки и забирались на реку Удере́й, оттуда вместе с ледоходом шли в реку Каменку, а по Каменке сплавлялись в Ангару. Или выбирали другие маршруты по рекам Татарке или по Сухому Питу. Занятие очень интересное и продуктивное. В общем, маршрутов длинных было несколько и по реке Тасеевой, и по ее притокам. А то и просто можно было любительски поохотиться весной на островах и протоках Ангары.

Кроме охоты на водоплавающую дичь была распространена охота на тетерева и глухаря, занятие тоже интересное, когда, конечно, была эта дичь, потом ее стало совсем мало. Если где-то тока были, то нужно было ехать за десятки километров от населенных пунктов.

В тайге всегда можно было отдохнуть и зимой, и летом. На боровую дичь охотились преимущественно осенью как

нормальным, так и браконьерским способом. Но вытравили дичь из тайги не браконьеры, а посевы, для которых использовали ядохимикаты, а также заготовители живицы, и тайга стала практически пустая. Единственно, что осталось от охотничьих забав, так это осенняя охота на уток и на рябчиков, где они еще сохранились.

Охотники-профессионалы ежегодно убивают в ангарской тайге лося (сохатого), медведя, соболя, белку, выдру, в редких случаях рысь, россомаху и колонка. Но мех сегодня не ценится из-за импорта меховой одежды. Единственно, что привлекает из здешних мест, это рыжая лисица. На всех охотничьих мероприятиях мне удалось посмотреть все приемы, которыми пользуются профессиональные охотники, и самому поучаствовать во всех этих процессах.

И заканчивая эту тему, хочу еще раз подчеркнуть: енисейская и ангарская тайга были богаты и птицей, и рыбой, и зверем, но что от этого богатства останется нашим потомкам, остается под большим вопросом. Любительская охота и рыбалка – это просто увлечение, спорт, а профессионально заниматься этим делом очень сложно и трудно – кроме физического здоровья, здесь надо еще иметь твердый характер, смекалку и удачу. Я это испытал, когда был кадровым охотником в 1941-1942 годах.

Жизнь человека вне общества невозможна, и при любом должностном положении человек с кем-то общается. Так и мы со своей семьей. С одними людьми дружили, с другими

были товарищами, а с третьими на уровне хорошего знакомства. У нас сформировался небольшой круг семейных друзей, с которыми мы вместе встречали праздники, отмечали дни рождения. Пожалуй, наиболее близкими нам были Григорий Иванович Зенин, Михаил Васильевич Котенев, Вячеслав Александрович Щукин, позже Дмитрий Иванович Авдеенко, и их жены – Валентина Александровна, Вера Николаевна, Нина Николаевна. А если говорить, с кем мы близко общались по работе, то это Михаил Яковлевич Ким, председатель райисполкома.

Михаил Яковлевич Ким – яркий представитель сталинской партийной школы выдвижения 1937-1939 годов, из енисейских рабочих, не имеющих образования, но людей энергичных, способных организовать людей на общественные мероприятия. Начал работать в райкоме инструктором и вскоре был избран первым секретарем Северо-Енисейского райкома партии. В дальнейшем работал первым секретарем Енисейского и Богучанского райкомов партии и в 1963 году приехал в Мотыгино на должность председателя райисполкома.

М.Я. Ким, имея корейскую фамилию, не имел никакого отношения к Корее, больше это связано с коммунистическим интернационалом молодежи. Человек он был волевой, целеустремленный в своей деятельности. Если партия сказала надо, то он добьется выполнения любыми методами и способами. Это подтверждает его долгое пребывание на ру-

ководящей партийной работе.

Мне работать с ним было интересно. Он уже не претендовал на верховенство своей власти в районе, зная мое преимущество перед ним – молодость, образование, поддержка крайкома КПСС, несмотря на отсутствие у меня опыта партийной работы. И он как-то мне сказал, что «когда тебя перестают уважать, надо, чтобы тебя боялись». И вот этот тезис у него не сработал в нашем районе. Если у меня с ним складывались плодотворные хорошие служебные и личные отношения, то с другими секретарями райкома и его заместителями – с так называемой районной элитой – он допускал резкость, властные высказывания, и она ему отомстила: на районной партийной конференции высказали ему недоверие, и он был вынужден уехать из района. Но авторитет в партии он не потерял – несколько лет был секретарем парторганизации управления МВД края. Умер в возрасте 67 лет. Похоронен в Красноярске. Человек, конечно, был заслуженный и много сделал для жителей трех северных районов края.

О других секретарях райкома – А.В. Кириллове, М.В. Котеневе, М.П. Кулакове – я уже рассказывал. Николай Борисович Степаненко, заместитель председателя райисполкома, моложе меня лет на пять, офицер запаса пограничных войск, заочно окончил кооперативный техникум и высшую партийную школу при ЦК КПСС. Очень способный хозяйственник и строитель, хорошо разбирался в экономике, требователен, с украинским упорством и настырностью и был неумолим.

Человек мог мертвого поднять, если какое-нибудь мероприятие нужно проводить, то трудно было его остановить. К нему нужен был особый подход.

Человек неподкупный, порядочный и трудолюбивый, любил порядок, чем, пожалуй, от всех других и отличался. На него нужна была и управа, но не административная, а партийная, почему у него с Кимом не всегда ровно и шла работа. Он очень много сделал в районе в области нового строительства и благоустройства. Обладал удивительной способностью пробивать в крае, казалось бы, невыполнимые вопросы и решать проблемы. Умел найти подход к высоким чиновникам. Жизнь ему сократил его единственный сын Олег, который когда-то получил травму позвоночника. Ему давали обезболивающие наркотические средства, он к ним пристрастился, стал наркоманом и, перебрав дозу, умер. Очень жаль, что Николай Борисович и сам рано ушел из жизни, а ведь много бы еще успел сделать для района. Таких руководителей районного звена бывает мало.

Председателем комитета партийно-государственного контроля был избран Николай Григорьевич Погодаев, бывший заведующий Удережского райкома. Родился в 30-х годах, местный, из ангарцев, имел среднее экономическое образование, потом окончил высшую партийную школу. После Кулакова он занял должность секретаря райкома партии по идеологии, но как идеолог не закрепился надолго, перешел на хозяйственную работу. Впоследствии он долго прорабо-

тал в Лесосибирске и проявил себя незаурядным руководителем.

Александр Леонтьевич Черепанов, заворотделом райкома партии, 1925 года рождения. Участник Великой Отечественной войны, всю свою жизнь проработал в аппарате райкома сначала инструктором, замотдела, а при мне все время заворотделом. Был хорошим семьянином, его жена была главным ветеринарным врачом района и партийной общественницей. У них были хорошие дети.

Николай Платонович Ростовых был завпромотделом райкома, потом председателем народного контроля района. Родился в 30-х годах, окончил Черногорский техникум и ВПШ при ЦК КПСС. Добросовестный, исполнительный и честный работник, хороший организатор.

Заведующим отделом пропаганды райкома стал рослый, спортивного телосложения молодой человек – Юрий Сергеевич Курочкин, окончивший Ростовский госуниверситет по специальности «филолог». По характеру скромный, немного стеснителен, но скоро вошел в число ведущих идеологов района благодаря своей высокой работоспособности.

Инструкторский состав аппарата райкома комплектовался в основном из молодых коммунистов, работающих в комсомоле. Их долго в аппарате не задерживали, выдвигали на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу. Я все-таки заставил всех перспективных работников, не имеющих высшего образования, окончить высшую партий-

ную школу при ЦК КПСС (Кириллов, Погодаев, Ростова, Орт, Ширинский и другие).

Освобожденные секретари парткомов Владимир Александрович Назарчук, Николай Григорьевич Машуков и Николай Петрович Морозов были уже опытными партийными работниками, и на них не было необходимости распространять аппаратные методы работы, они сами были способны решать партийные задачи в своих коллективах. Выбор в кадрах, растущих в нашей районной партийной организации, был большой.

Секретари райкомов комсомола выбирались из местных молодых людей, как правило, с высшим образованием, членов партии, или их потом принимали в партию. Были они по профессии и речниками, и лесниками, и горняками, и геологами, и учителями, не было только врачей. Долгое время первым секретарем райкома комсомола проработал Вячеслав Григорьевич Ширинский, окончивший Оскольский геолого-разведочный техникум, немного поработал на Ангарском золотосурьмяном комбинате, потом в райкоме комсомола – сначала вторым, потом первым секретарем. Был он женат на учительнице, с которой и приехал, но не потерял молодого задора и до 30 лет, пока работал в районе. Общительный, контактный, спортсмен, участник художественной самодеятельности – в общем, имел все данные, чтобы быть вожаком молодежи.

Ширинского я выбрал в качестве своего приемника, зная,

что когда-то мне надо будет уходить с освобожденной партийной работы и нужно оставить за себя хорошую замену. Заставил его учиться в ВПШ, потом перевел на работу освобожденным секретарем парткома Ангарской геолого-разведочной экспедиции. Должность освобожденная, была специально выделена в ЦК КПСС для организации, имеющей важное значение в разведке минерального сырья в Приангарье.

После «обкатки» его в сложном производственном коллективе – с геологами непросто работать, поскольку они народ трудноуправляемый в общественных делах, перевел его секретарем райкома партии по идеологии. Смена была подготовлена, но она, к сожалению, была взята из района на другое поприще. За полгода до моего перехода на работу в Красноярск из ЦК КПСС пришла в Красноярский край разнарядка подобрать преуспевающего партийного работника в органы КГБ. Рассматривались три кандидатуры в крае – второй секретарь Норильского горкома и один из сельских секретарей райкомов ВЛКСМ. Запросили у меня характеристику на Ширинского. Я спросил Вячеслава, как он сам смотрит на учебу в высшей школе КГБ СССР. Он ответил положительно. Мог ли я отказать молодому человеку в его, может быть, будущем призвании? Он двенадцать лет добросовестно отработал в районе и навряд ли, как я, собирался доживать свой век в Сибири. Родная Курская область – его родина – наверное, тянула, да это и ближе от Москвы. После бесед и мандатной комиссии в Москве из нескольких кандидатур

прошел и наш Ширинский. Я ему пожелал успехов, но новую кандидатуру на свое место так и не успел подготовить. В.Г. Ширинский достойно отработал и в КГБ, и в МВД СССР, куда перешел вместе с новым министром на укрепление второго силового ведомства СССР, ушел в отставку в чине полковника.

Я кратко рассказал о тех людях, с кем пришлось рядом работать в аппаратах Северо-Енисейского, Мотыгинского райкомов партии и райисполкомов, а ведь кроме них был целый партийно-хозяйственный актив районов, состоящий из специалистов народного хозяйства и служащих. Наиболее запомнившихся назову.

Вячеслав Александрович Шукин, 1924 года рождения, военный районный комиссар, подполковник, активный участник Великой Отечественной войны, награжден тремя боевыми орденами, артиллерист. Из простой московской семьи, рано призванный в армию, он достойно пронес свой крест военных невзгод. Он был мягким, добрым, человечным, не солдафон, не нахал, не карьерист, такие люди долго не могли служить в линейных частях армии, там им трудно защитить свое человеческое достоинство. Человек он был исполнительный, и при отлаженной команде своих офицеров наш военкомат был в крае на хорошем счету. Меня подкупала в нем честность, порядочность, он никогда себя не выпячивал и всегда оставался партийным человеком – то, что ему поручалось райкомом, он всегда выполнял самым доб-

росовестным образом. Поэтому он так долго проработал в районе, ушел в отставку и уехал жить в Москву. Другого характера была его жена Нина Николаевна, женщина властная, себя в обиду не давала. Она из Саратова и как хозяйка всегда была хлебосольная, приветливая и веселая. У них была дочь Ира, хорошенькая девушка, она окончила престижный вуз в Москве и вместе с мужем Михаилом, полковником, преподавателем военной академии им. Фрунзе, и дочерью Галей сейчас живет в Москве. Хорошее, удивительное семейство.

Григорий Иванович Зенин, начальник районного отдела милиции, с ним мы не только долгое время вместе проработали в районе, но и на долгие годы сохранили личную дружбу, работая в Красноярске. Его двумя словами не охарактеризуешь. По своему складу ума и по характеру он совсем не похож на работника милиции, который сложился у нас в стереотипе о милиционере – будь то рядовой или офицер. О личности Зенина вполне можно написать интересную книгу, но я не журналист, и поэтому выложу свои личные впечатления об этом неординарном человеке.

Григорий Иванович родился в 1924 году в Тамбовской губернии, сам он из крестьян, из большой семьи. Он был на фронте, судьба сохранила ему жизнь. А дальнейший свой жизненный путь он связал с Сибирью после окончания школы МВД. Приехал в Приангарье в качестве оперуполномоченного, и с этого началась его работа в органах комендантуры и милиции. Позднее он заочно окончил юрфак Томско-

го университета. Человек прошел все ступеньки профессионального роста. Я с ним познакомился, когда он был начальником РО МВД сначала Удерейского, потом Мотыгинского района.

Человек он оперативный, исполнительный и обязательный, профессионал своего дела. Но по своему характеру, физическим данным ему больше подходила роль общественно-го деятеля, поскольку был образованным, мягким и культурным человеком. Он не был жестоким, не держал жесткую дисциплину в отделе РО, имея дело с преступным миром. Но деловую рабочую обстановку сохранял в своем коллективе. Человек общительный и веселый, он нравился всем, и мужчинам, и женщинам, и был главным заводилой в любой компании. К этому располагали и его внешние данные.

Г.И. Зенин хорошо изучил психологию преступника и начальника и неплохо этим управлял. Но всегда при этом соблюдал субординацию. Наша дружба с ним продолжалась около тридцати лет, причем на разных уровнях служебного положениям обоих. И несмотря на это, он ни разу не назвал меня на «ты» и никогда меня не подвел, не соврал, тем более предал. Были разные ситуации, но он всегда соблюдал чувство партийности и порядочности. Мы с ним много дней провели на отдыхе, будучи на охоте, рыбалке, в компаниях. И вот, чтобы глубже понять этот образ, я приведу лишь несколько эпизодов его действий, которые характеризуют его более объемно. Он любил жизнь! К нему обраща-

лись близкие ему люди по разным вопросам и с разными просьбами.

Как-то директор лесхоза Павел Попов, находясь на рыбалке, плыл по Ангаре на моторной лодке, и вдруг увидел, что впереди его переплывает реку сохатыш. И, как заядлый охотник, не смог удержаться и убил лося из своего ружья. Зааркавив зверя, Попов подчаливает его вместе с лодкой к берегу, а здесь его уже ждет инспектор рыбнадзора из Красноярска. Он составляет протокол, и дело передают в суд. Попов ищет защиты и помощи – райком и исполком в этом деле ему не помощники. Тогда он идет к Зенину, с которым у него были личные хорошие отношения, за консультацией как к юристу. Тот недолго думая говорит: «Павел, ты совершил преступление, в милиции здесь тебе нет защиты, но как юрист могу дать тебе совет – для оправдания говори в суде, что убил сохатого в порядке самообороны на реке... единственная тебе помощь как близкому человеку».

Или его отношение к существующей тогда политической системе. Мы с ним в выходной день поехали на рыбалку на Ангару к устью Аладыной. Порыбачили, подплыли к берегу, сварили уху. Посидели, и нас разморило. И вот лежим на берегу, слушаем радио, где сообщают, что американские астронавты высадились на поверхность Луны. Памятный день! И зашел у нас с ним откровенный разговор о существующих в мире двух системах, социалистической и капиталистической. В ходе беседы я задал Григорию Ивановичу вопрос:

– А что бы ты стал делать при капитализме?

Он с ответом не задержался и говорит:

– Я бы построил на Гребне (это самое живописное место на Ангаре) ресторан и дал ему название «Слезы жен». Подобрал команду самых лучших поваров и красивых девушек, и все бы деньги района стекались сюда.

Жаль, что Г.И. не дожил до наших времен, он бы честным путем стал миллионером, не то что нынешние воры и проходимцы.

Он был превосходным кулинаром, хлебосольным человеком, всегда у него дома были люди, и ему теща не раз говорила: «Гриша, ты бы раз в месяц устроил большую гулянку, чем каждый день принимаешь всяких гостей». Он умел хорошо готовить, поскольку в армии в одно время был поваром, и в этом не стеснялся. На вечерах и в компаниях неплохо пел.

А будучи на отдыхе в Кисловодске, в ресторане «Храм воздуха» он на бис пел песню про эмигрантов, которая тогда была под запретом, вернее, ее пели только в домах. Он тогда работал еще в нашем районе. И вскоре его вызывает начальник краевого управления МВД Г.А. Иванов и спрашивает:

– Ты кто – милиционер или артист? Действительно пел в ресторане?

Он не стал отпираться:

– Да, пел, но не в милицейской форме.

Но все обошлось шуткой.

Он в мужских компаниях много раз повторял четверости-

шьё о безмятежном человеке, переложил из А.С. Пушкина: «Блаженный человек тот, кто по утрам исправно ходит, любит баб, плотно ест и в Бога верит». Потом он был переведен в Красноярск начальником центрального отдела милиции города. Но к Зенину я еще вернусь, когда дойдут мои повествования о жизни в городе.

Широко известной личностью в районе был Сергей Прокопьевич Машуков. Человек он был энергичный, самостоятельный, с кулацкой замашкой хозяйственника. У него были глобальные планы в развитии сельского хозяйства в районе, но с потребительскими наклонностями, чтобы больше получить от государства средств и техники. В целом он развил бурную деятельность при строительстве животноводческих ферм, свинарников, преобразовал, вдохнул жизнь в деревни Зайцево, Пашино, Гребень, Бельское, Мотыгино – совхоз «Решающий». Но главным недостатком его руководства совхозом было то, что он не был специалистом сельского хозяйства, ему не хватало грамоты и знания экономики. Поработав несколько лет на поприще сельского хозяйства, мы поблагодарили его за ратные дела и выдвинули на его место директором Виктора Халанского, имеющего высшее сельскохозяйственное образование и уже зарекомендовавшего себя в работе на Севере. Он был потомственным крестьянином, отец его был в Северо-Енисейском районе организатором подхоза. А Сергею Прокопьевичу предложили должность начальника дорожного участка, где он проявил все

свои организаторские способности. Он очень много сделал, обновил и построил новые дороги вокруг районного центра.

В районе выросло большое количество хозяйственников и организаторов производства, которые всегда могли заметить в работе первых руководителей, это Алексей Николаевич Шарыпов – зам. директора САГМК, Михаил Лаврентьевич Тращенко – зам. начальника АГРЭ, Сергей Петрович Морозов – зам. директора Машуковского леспромхоза, и многие другие.

Заведующим отделом народного образования был Белинский (к большому сожалению, забыл его имя и отчество), а его жена Лидия Ивановна работала в райкоме зав. сектором учета. Когда подошел пенсионный возраст, мы его поблагодарили и отправили на пенсию, предоставили работу методиста, а на его должность выдвинули бывшего директора Первомайской средней школы Дмитрия Ивановича Авдеевко.

Дмитрий Иванович был молод, энергичен, отслужил свой срок на флоте, его уважали в коллективе школы. Сначала он пошел с неохотой на административную работу, а потом привык, и у него дела пошли лучше, чем у предшественника. Он много делал для расширения учебной сети, по укомплектованию учительскими кадрами школ района, быстро завоевал авторитет в районе, и вскоре наши школы уже вышли на краевой уровень. У Дмитрия Ивановича и его жены, Веры Александровны, тоже учительницы, было трое хороших

мальчиков, очень дружная семья. Но потом случилась большая беда – два его старших сына пошли на дюралевой лодке при штормовой погоде по Ангаре из Куликово в Мотыгино, лодка перевернулась, и они оба утонули. Он был очень смелый на воде, хорошо управлял лодкой, эту смелость передал детям и этим погубил их – зачем надо было им плыть в такую погоду. Ведь он и сам чуть было не погиб на пороге Бурном и неоднократно был в критических ситуациях на реке Тасеевой. Такое горе трудно человеку пережить, но Авдеенко выстояли, и потом вынуждены были переехать в Красноярск, он стал директором техникума. Авдеенко был увлекательный человек, у него был дар артиста, прекрасно играл на баяне, пел и плясал, это нравилось и детям, и взрослым, его звонкий голос сразу увлекал и манил всех. Трудно принять и успокоить свое сердце, что этого человека уже нет на свете. Дмитрий Иванович похоронен на кладбище в Овсянке. Наша дружба с его семьей продолжается и по сей день.

Михаил Илларионович Плотко, зав. райздравицы, сменивший на этом посту Трофима Петровича Одинокина, очень симпатичного пожилого человека, умного и доброжелательного. Бывший главный врач Южно-Енисейской участковой больницы был по инициативности под стать Авдеенко, оба молодые и деловитые. Но Михаил Илларионович был жестким администратором, не всегда ладил с врачами. Со своей красавицей женой Марией Прокопьевной, врачом-гинекологом, составляли прекрасную семейную пару, оба люби-

ли свою работу, но были с разными характерами. Если Мария Прокопьевна была мягкая и общительная женщина, то Михаил – резкий и вспыльчивый, в то же время был смелым и хорошим хирургом. Он много сделал в улучшении лечебного процесса в районе, много обустроил и построил медицинских учреждений, но с участковыми главными врачами не сработался и, защитив диссертацию кандидата медицинских наук, переехал с семьей в Красноярск. У них было два сына, симпатичные мальчики, одному из них не повезло, на вечеринке его из ревности смертельно ранили ножом. После этого Михаил Илларионович не смог оправиться от горя, стал выпивать и умер от сердечной недостаточности, как предполагают, по своей воле. Хорошо зная Дмитрия Ивановича и несколько хуже Михаила Илларионовича, мне до сих пор их жаль обоих – не смогли пережить тяжелую семейную трагедию с детьми, а вот их жены оказались более мужественными, пережили их и заслужили глубокое уважение и почтение.

Несмотря на то что шофер Константин Панов перешел на другую работу, наши хорошие отношения с его семьей сохранились, тем более наша дочь Таня дружила с их Наташей. Как-то Галя уехала на курорт, я остался один с детьми. В один из дней мне нужно был срочно уехать по району, и я своих детей отвел к Пановым, а вечером пришел за ними. А там собралась компания их близких друзей. И жена Константина Валя стала меня просить с ними посидеть за столом

по случаю ее дня рождения. Конечно, неудобно было там находиться без подарка и без официального приглашения, но она меня уговорила. Мне сразу наливают стакан водки, и хозяйка предлагает выпить за ее здоровье. Я поддержал тост, но стакан осилить не смог, с трудом выпил только половину или меньше, не привык к таким дозам. Хозяйка обиделась, по деревенским правилам, якобы оставляю зло. При ее настойчивом требовании все-таки осилил граненый стакан. Прошло совсем немного времени, и она опять наливает мне полный стакан. Здесь я категорически стал отказываться, а она наступает – пей да пей. И тогда мне Валя Панова прямо сказала: «Вот сегодняшние начальники, интеллигенты, пьют маленькими глотками, за вечер выпьют больше нас, деревенских, и песни потом не споют и не спляшут». Так она метко про нас высказалась. В деревнях, и вообще в сельской местности, в простонародье ведь было заведено сразу пить стаканом, и начинается бурное веселье, песни, пляски, хороводы, и так, немного добавляя хмельного, веселятся до утра. Кто-то, конечно, сразу потом со стола в аут. Моя младшая дочь много лет спустя, уже живя в Крыму, вспоминала, что всего один раз видела меня сильно выпившим, когда я их с Таней вел от Пановых домой.

Константин был хорошим рассказчиком и рассказывал мне одну байку, как у них в деревне бывал солдат, отслуживший в Петербурге свою службу, исполняя обязанности истопника царского дворца. Он рассказывал о том, что ви-

дел царскую семью. Его все внимательно слушали, а потом один из деревенских мужиков задает ему вопрос: «Наверно, в царском дворце дрова-то были обстроганные?» Вот понятия дремучего мужика.

Где-то в 1965 или 1966 году наши дети стали ходить в детский сад, и заведующая детсадом Мария Петровна Ким, жена председателя райсовета, говорит Гале, что у нашей старшей дочери что-то не в порядке со зрением. Дело серьезное, нужно лечение. Обеспокоенные, мы обратились к окулисту в Красноярске, и он нам посоветовал, если есть возможность, съездить в Одессу в глазную клинику им. Филатова, известную на весь Советский Союз. В Красноярске в то время крупных специалистов окулистов не было. Я обратился за помощью к А.А. Кокареву – за путевкой на санаторное лечение семьи в Одессе, чтобы там показать дочь в клинике Филатова. Александр Акимович при мне вызвал В.М. Кургина, завфинхозотделом крайкома, и поручил ему срочно запросить путевку через ЦК КПУ. Но поскольку в Одессе у обкома партии не оказалось в это время семейных путевок, то он позаимствовал путевки в Совете Министров Молдавии в санаторий «Молдова». Затем по личной инициативе, о чем я не просил Александра Акимовича, он дал указание отделу крайкома по науке подготовить письмо за его подписью в Одесский обком партии, чтобы мне оказали помощь в приеме моей дочери в клинику Филатова. Кокарев был очень доброжелательным к сельским секретарям райко-

мов, зная их нелегкую работу и малые возможности решать свои личные проблемы.

И мы летом, после окончания учебного года, всей семьей поехали в Одессу, хотя младшая дочь Марина еще не подходила по возрасту для приема в санаторий. Но все было улажено, и мы оказались в Одессе, в ее предместье Аркадии. Санаторий «Молдова» привилегированный, поэтому семейным курортникам выделяли отдельные домики на территории его парка. Главным для нас было показать дочь знаменитым врачам, а уж потом отдых.

Филатова тогда не было в клинике, нас приняла его заместитель и ученица. Детально обследовала дочь, выписала специальные очки и рекомендовала лечение.

Одесса по-прежнему была хороша. Я в ней не был почти пятнадцать лет. Общий облик ее не изменился, изменились лишь названия некоторых площадей и улиц. Теперь уже по-другому называлась Греческая площадь, где была конечная остановка трамвая, следовавшего от Аркадии до центра города. Появился большой ресторан «Киев», где мы отметили день рождения нашей Татьяны. Снесен был Староконный базар – основное место торговли одесситов, главный базар теперь был перенесен за город. Построен новый морской вокзал. Процветал по-прежнему рынок Привоз, там еще можно было встретить как коренных одесситов с их говором и порядками, так и таксистов, зашибающих деньги на услугах. Таксисты напрямую требовали доплаты, и объясняли это

тем, что нужно платить гаишникам и другим контролерам.

Неузнаваемо расстроилась Аркадия – это курортная зона Одессы, появилось много дачных вилл и санаториев, проведено благоустройство пляжной зоны, чтобы все было удобно для отдыха. До обеда мы принимали процедуры, лечение, а после обеда было свободное время. Моя семья была в восторге от Одессы, она им сильно нравилась, мы после обеда уходили в город и возвращались к концу дня, к ужину. Побывали везде: на Дерибасовской, Пушкинском бульваре, Потемкинской лестнице и, конечно, в оперном театре. Одесса всегда была привлекательным городом не только для русских, но и для иностранцев.

Для меня было вдвойне желанным снова увидеть Одессу, ведь здесь я учился в школе агентурной разведки военно-морского флота. Мне все здесь было знакомо. И, конечно, на второй день я не утерпел, чтобы не пойти на то место, где располагалось наше учебное заведение, тем более что это было совсем близко. Все заросло садами, застроено новыми улицами, и мне предстояла задача восстановить в памяти, что здесь когда-то было. На мое удивление я с первого захода нашел тот особняк, где учился и жил. Но вокруг здания, которое по-прежнему принадлежало какому-то военному ведомству, шла стройка, и войти в него было нельзя, поскольку я должен был раскрыть ранее большой военный секрет. Немного постоял около калитки, потом прошел взад и вперед по улице, и со своими воспоминаниями о прошлом

направился в санаторий. Это же повторил и через два года, вновь приехав в санаторий, и тогда распрощался с этим особняком навсегда – вряд ли там теперь побываю. Прошрое у человека прочно остается в памяти – и плохое, и хорошее, но про учебу здесь я вспоминаю только с хорошей стороны.

Из процедур в санатории «Молдова» мне запомнилась лечебная физкультура. Вел ее коренной одессит, человек с юмором, и на его занятия охотно ходили, особенно женщины. Он не стеснялся, все вещи называл своими именами, но это не звучало вульгарным. Рассказывал о гигиене интимных частей тела, о том, что это помогает сохранить здоровье. Утверждал, что за выходным отверстием нужно следить, как и за входным. Женщины при этом прятали и закрывали свои лица. Он, например, показал нам массаж тела, который нужно делать, еще находясь в постели. Я его запомнил и провожу его ежедневно вот уже более 50 лет, считаю, что он мне помогает сохранить подвижность и волю.

Из Одессы мы всей семьей съездили на экскурсию в Молдавию, подивились тамошним садам и позавидовали людям, которые живут на этой земле. Кругом были сады и виноградники, везде продавалось вино, как у нас в Сибири квас или газированная вода. В то время это был, пожалуй, самый райский уголок Советского Союза. Там был самый высокий жизненный уровень и благоприятный климат. Мне потом пришлось в одном из санаториев ЦК КПСС состязаться в полемике с одним из первых секретарей райкомов Молдавии. Я

тогда защищал высокую эффективность развития экономики Красноярского края на основе использования его минерально-сырьевых ресурсов, а он доказывал высокую экономическую отдачу при освоении одного гектара земли в Молдавии. Природа в Молдавии действительно красивая, и городки обустроены лучше, чем у нас.

В Одессе мы побывали на новом городском базаре – «бахолке», которая территориально вынесена за город. Когда-то вблизи этого места размещался полк истребительной авиации, и мы там осваивали прыжки с парашютом. Но то место теперь не узнать. Базар был впечатляющим не только по количеству собирающегося там народа и по разнообразию импортных товаров. Уже тогда Одесса была открыта для импорта, туда поступали товары со всего света от моряков, привозивших их. Там мы купили Гале шубу из искусственного меха, сделанную в Бельгии или во Франции, стоила она тогда дорого. Ею мы потом удивили наших ангарцев.

В Одессе всегда, летом и зимой, можно было посмотреть и послушать выдающихся артистов всех жанров. Тогда там выступали при переполненных залах Михаил Пуговкин и другие знаменитости. Запомнился нам и оперный театр своим великолепным зданием.

На море почему-то людей бывает меньше, чем в других курортных городах, может, потому что море немного прохладнее. Моя семья там мало находилась, а я ежедневно по утрам загорал на пляже. И там, на лежаках, я познакомился

с одним моряком, капитаном первого ранга, и как бывшие моряки мы разговорились про старых моряков, как они сейчас живут в Одессе. Он мне посоветовал, если я хочу увидеть настоящих моряков пенсионеров, сходить на бульвар Фельдмана, там около второй беседки от памятника де Ришелье собираются старые одесские «мореманы», примерно после семи часов вечера, и можно их вдоволь послушать.

Меня этот совет заинтересовал. Сказал семье, что сегодня еду на встречу с моряками, они не возражали, а наоборот, приветствовали. Одевшись после ужина в свежую одежду, сел на трамвай № 19, через тридцать минут Греческая, а там недалеко памятник бывшему губернатору. Подхожу ко второй длинной беседке, а там уже толпа мужиков, в основном пожилого возраста, в разношерстной, большинство в домашней одежде, и о чем-то беседуют. Подхожу ближе, останавливаюсь, представляться не стал, а так постепенно внедряюсь в этот круг. Они все друг друга давно знают и, наверное, надоели ежедневным своим общением. Сначала они отнеслись ко мне настороженно, один спрашивает, кто я и откуда. Я признался, что когда-то служил на Черноморском флоте и хотел бы пообщаться со старыми моряками, и их настороженность ко мне отпала. Здесь просто шла «травля» бывалых моряков, больше с торгового флота, много ходивших за границу, повидавших весь мир. Рассказывали и, наверное, уже многократно пересказывали отдельные эпизоды от пребывания в иностранных портах. Разговор шел на морском жаргоне, из-

вестном мне и ранее. Рассказы шли с использованием смачного русского мата до пятого колена. Как они вели себя в морских портах Сингапура, на Филиппинах, в Малой Азии, посещали кабаки, рестораны, как общались с женщинами – о подробностях этих воспоминаний можно говорить только в мужских компаниях.

Конечно, долго мне находиться здесь было неприлично, да и не интересно. Меня просто интересовало, чем же занят этот люд, находясь на пенсии, для чего он здесь ежедневно собирается и чем их сходки заканчиваются. Истории, о которых они рассказывали, мне и раньше были знакомы, хотя о них в книгах не пишут и в кино не показывают. Морякам нужно, видимо, просто высказаться, удивить других. Их пенсия позволяла им скромно жить, и нужно было чем-то занять свободное время, «размагнититься».

Нарисовав картинок о своих и чужих похождениях, известных им по слухам, пошли разговоры о складчине на троих и на двоих, появились бутылки и стаканы, и началась выпивка. Вот так эти моряки и проводили свое время, и мне их почему-то, в конечном счете, стало жалко. Неужели нельзя использовать свое свободное время как-то по-другому и с пользой? Или в этом была виновата наша социалистическая система, давшая людям государственные пенсии, которая обеспечивала им какое-то материальное существование, а большего им и не нужно было.

На другой день я повстречался на пляже со своим новым

знакомым и рассказал ему про встречу и про истории, которые я там слышал.

Через два года мы повторили свое пребывание в Одессе в том же санатории тем же составом, были в клинике Филатова, где отмечены положительные результаты лечения дочери. Мы побывали в тех местах, где были раньше, и отдыхом в Одессе были довольны. Моя семья впервые посмотрела морской парад кораблей Черноморского флота в честь дня Военно-морского флота СССР, а вечером был очень красочный салют, на Потемкинской лестнице было много народу, было торжественно и весело. А на городском стадионе посмотрели футбольный матч одесского «Черноморца» со сборной Японии. Одесситы выиграли, и весь город радовался этой победе.

К концу нашего пребывания в Одессе осложнились отношения СССР с Чехословакией, ожидалось вторжение, и это чувствовалось в городе, все оживленно вели политические дискуссии. Надвигались непредвиденные события и с нашими союзниками, в тот же 1968 год войска союзников вошли в Чехословакию.

Второй приезд в Одессу оказался для нас не последним. Уже в первый год перестройки мы с супругой вновь оказались в Одессе, она поехала по туристической путевке по Дунаю на теплоходе, мне же из-за моего секретного производства в капиталистические страны въезд был запрещен.

Какая-то государственная глупость – тебе доверяют боль-

шие секреты и в то же время сомневаются в тебе. Я решил обратиться к заведующему административным отделом крайкома Симонову. Он отказал, сославшись на инструкцию, и не рекомендовал по этому вопросу обращаться к П.Ф. Федирко. Я до сегодняшнего дня ругаю себя, что не пошел к нему. Я думаю, что Федирко бы мне в порядке исключения разрешил поездку.

Жена даже не поверила, думала, что я просто не хочу с ней ехать за границу, и чтобы как-то сгладить семейный конфликт, вынужден был сопроводить ее до Кишинева и Измаила, где дождался посадки на теплоход, а затем вернулся назад.

В Симферополе договорился с геологическим объединением, что нас встретит начальник одесской экспедиции и окажет содействие с гостиницей и транспортом, что они и сделали на самом высоком уровне, даже разместили в гостинице обкома партии. Мы в комфортных условиях пару дней провели в любимейшей нам Одессе.

А в Кишиневе нам не понравилось, в то время началась горбачевская антиалкогольная кампания, стали в республике громить винодельни, закрывать винные заведения. Я вернулся в Одессу и даже на вокзале перед посадкой в поезд на Красноярск не мог выпить стопку водки.

Теперь снова вернусь ко времени работы в Мотыгинской промышленной зоне в 1964 году.

В Мотыгинский район пришла телеграмма из крайкома

партии о том, что Неволину срочно прибыть в Красноярск, но неизвестно, для каких целей. Прихожу в отдел оргпартработы. Меня направляют к первому секретарю промышленного крайкома Валентину Федосеевичу Гаврилову-Подольскому. Тот, не спрашивая у меня о делах в районе, сразу переходит к делу:

– Вам необходимо вылететь в Москву в ЦК КПСС, отдел тяжелой промышленности, к А.А. Ямнову. ЦК запросил на вас партийную характеристику, мы ее дали. По-видимому, это связано с возможным вашим переходом на работу в ЦК КПСС.

И дальше уже как бы в наставление, он был человек деликатный, мне говорит, советует:

– Если у вас есть желание работать в Москве, то при беседах с ответственными работниками ЦК постарайтесь меньше говорить, больше слушать и конкретно отвечать на их вопросы. Они не любят людей, которые говорят больше их самих.

Вот с этим наставлением я и вышел из кабинета первого секретаря крайкома. Возникла загадка. Кто и почему вызывает именно меня и не ставит в известность крайком, с какой конкретно целью. Потом вспомнил, что Аркадий Андреевич Ямнов полгода назад с группой московских ученых геологов приезжал в Красноярск, и здесь рассматривались вопросы перспективы территорий Канско-Тасеевской впадины на калийные соли. Тогда в СССР была проблема с минеральными

удобрениями, и у меня состоялась короткая встреча в крайкоме с Ямновым. И второе – я оказался единственным первым секретарем райкома в СССР из геологов.

В телеграмме крайкома партии было уже указано выписать себе командировочное удостоверение и взять деньги на билет для поездки в Москву. И теперь мне лишь оставалось взять бронь в крайкоме на авиабилет. Немного было тревожно: ведь что же я представляю для ЦК, недавно работавший в енисейской золотой тайге геологом и потом небольшой срок секретарем райкома партии?

В Москве зашел в 8-й подъезд ЦК, что на ул. Куйбышева. С удостоверением первого секретаря райкома меня беспрепятственно пропустили в секретариат отдела тяжелой промышленности. Обо мне сразу доложили А.А. Ямнову, он недавно стал завсектором геологии ЦК и, по-видимому, готовил себе аппарат – инструкторов. Человек осторожный, вдумчивый, уже хорошо знающий аппаратную работу, сложившуюся еще до времен Сталина, хотя была уже хрущевская эпоха руководства страной. Немногословный, расспросил меня о работе, семейном положении, какое учебное заведение я окончил. Потом попросил меня подождать и вышел из кабинета.

Возвратившись обратно в свой кабинет, он мне сказал, что первого заместителя завотделом сейчас нет, но он хотел бы познакомиться, и попросил меня прийти в отдел завтра в 11 часов дня. Меня направили к дежурному по размещению

для проживания в г. Москве, где мне дали направление в гостиницу «Бухарест» в однокомнатный номер. Это напротив Кремля на другом берегу Москвы-реки. И опять загадка: зачем меня вызвали в ЦК КПСС? Об этом Ямнов даже не сделал намека. Я хорошо устроился, поужинал и пошел прогуляться на Красную площадь, которую посещал при всех поездках в Москву.

На другой день А.А. Ямнов в своем кабинете меня не задержал и сразу повел к своему непосредственному начальнику Сергею Алексеевичу Баскакову. Человек небольшого роста, крепыш, с седой головой, приветливо улыбнулся и пригласил к длинному столу, за которым уже сидел человек, которого представили как завсектором ЦК по металлургии по фамилии Федоров. Здесь же присел Ямнов. Баскаков – выдвиженец Пермского обкома партии. Этот пермский мужичок так сумел меня близко к себе расположить, что я забыл, где нахожусь и с кем беседую, а это ведь работник аппарата ЦК КПСС, откуда идет руководство всей великой страной.

Разговор проходил на различные темы, вплоть до того, как идет сплавка плотов на Ангаре и как называется деревянный багор сплавщика – пиканка. Он, по-видимому, вспомнил жизнь свою на Каме и сравнивал с Ангарой. В общем, я совсем забыл о предупреждении В.Ф. Гаврилова-Подольского – меньше самому говорить и больше слушать, а вел себя как рубаха-парень.

Теперь, закончив знакомство, уже Баскаков попросил ме-

ня прийти в ЦК завтра и назначил время. Все встали, пожали мне руку, и я покинул кабинет.

Третий день оказался заключительным. Теперь мы уже с Баскаковым пошли в кабинет этажом ниже к заведующему отделом, секретарю ЦК партии по тяжелой промышленности Рудакову. За столом сидел небольшой человек в очках. Он вышел из-за стола и за руку поприветствовал. Беседа с ним длилась примерно десять минут и закончилась пожеланиями успехов в работе. И на этом мои встречи в ЦК закончились.

Мой вызов и встречи в промышленном отделе ЦК объяснили мне тем, что ЦК партии готовит партийный резерв кадров с периферии для выдвижения их на работу в высшие партийные органы КПСС, в этот список резерва занесен и я. Что же касается моей просьбы выделить единицу освобожденного секретаря парткома для Ангарской экспедиции, то сообщили, что отдел постарается положительно ее решить, поблагодарили за беседу и разрешили возвращаться домой. Отметили приезд и отъезд в командировочном удостоверении. В Красноярском крайкоме расспросов никаких не было.

Где-то через несколько месяцев в наш район приехала большая комиссия Министерства геологии СССР, и в ее составе оказался инструктор ЦК КПСС Виктор Александрович Ларичкин. Рассматривали вопрос дальнейших геологических исследований в Нижнем Приангарье на бокситы. И здесь в одной из бесед Ларичкин мне поведал, что он недав-

но стал работать в ЦК КПСС инструктором, ранее был зам. заведующего промышленного отдела Приморского крайкома партии (Владивосток), и мне стало понятно, что нас с ним рассматривали одновременно и я оказался дублером. У нас с Ларичкиным в дальнейшем завязались личные дружеские отношения, которые длились вплоть до запрета КПСС, закончил партийную карьеру в должности уже заведующего сектором по геологии. И слава богу, что меня на работу в аппарат ЦК не взяли, я бы там работать не смог, поскольку должность инструктора – это работа куда пошлют, а я уже познал самостоятельную партийную работу, хотя и в районе.

Но на этом моя личная связь с отделом тяжелой промышленности ЦК не закончилась. Для меня открылись двери в отдел тяжелой промышленности, и я этим пользовался, правда, умеренно.

У меня продолжился контакт с А.А. Ямновым через пару лет. Я отдыхал осенью в Ялте в санатории «Россия», и за неделю перед самым окончанием лечения приходит телеграмма из Красноярского крайкома партии, подписанная П.С. Федирко, в которой сообщается, что такого-то числа в Москве состоится съезд ЦК профсоюза работников геолого-разведочных работ и топографий и мне нужно прибыть для участия в его работе. По приезду обратиться в ЦК КПСС к А.А. Ямнову. И опять этот человек вспомнил обо мне. Раз надо – значит надо, хотя и с неохотой покинул Ялту.

В Москве Ямнов без лишней беседы направил меня в ЦК

профсоюза к его председателю, который выдал мне документы на съезд в качестве приглашенного, и больше ничего не спрашивал. Встретил меня председатель ЦК с любопытством. Это был мужчина пожилого возраста, пенсионного. Он уже знал, что ему готовят замену, но не знал, кому придется сдавать дела. Работал он в этой должности давненько. Одновременно дали направление в гостиницу ВЦСПС на Ленинском проспекте, одноместный номер и какие-то материальные льготы, положенные для делегатов съезда.

Съезд профсоюзов геологов состоялся во Дворце профсоюзов в центре Москвы, где обычно проходят панихиды по умершим руководителям страны. В президиуме съезда я увидел и А.А. Ямнова, но к нему не подходил, считал, что нескромно, и чтобы не бросалась в глаза моя связь с работником ЦК, держался отдельно от остальных делегатов.

Съезд проходил два дня. На второй день состоялись выборы членов ЦК профсоюза и в качестве кандидатуры для избрания предлагалась моя фамилия и должность. При обсуждении индивидуально каждой кандидатуры кто-то спросил: а почему предлагается партийный работник? И из президиума съезда был дан ответ, что этот секретарь является по профессии геологом. На этом обсуждение закончилось, и я тайным голосованием был выбран членом ЦК профсоюза единогласно. Вот так я теперь стал кроме партийного еще и профсоюзным активистом. Правда, я потом спрашивал Ямнова: зачем это? Он улыбнулся мне и ответил:

– Не пришло время вам на этот вопрос ответить.

Итак, на пленум ЦК профсоюза в Москву я съездил всего один раз.

Пришло второе приглашение на организационный пленум ЦК, но В.И. Долгих, уже будучи первым секретарем Красноярского крайкома партии, отказал, не объясняя причины. Для меня это осталось большим вопросом.

Потом мне наш куратор, инструктор крайкома, объяснил: Долгих попросил ЦК КПСС не переводить Неволина на работу в Москву, поскольку есть намерение крайкома использовать на другой ответственной работе в Красноярском крае. Не знаю, так это было или нет, на пленуме ЦК профсоюзов геологоразведчиков избрали новым председателем Л. Курзина, профсоюзного работника другой отрасли.

Однако Аркадий Андреевич Ямнов сделал третью попытку перевести меня на работу в Москву. Теперь уже в бытность мою начальником Красноярского территориального геологического управления. Мне было предложено занять должность заместителя министра геологии РСФСР по кадрам. Но здесь я уже сам отказался от нее. Это было вызвано двумя обстоятельствами: должность заместителя по кадрам была в то время административной и конкретно с геологией не была связана, вроде в партийной работе с людьми, а я уже целиком вошел в большую геологию Центральной Сибири, и эта работа меня полностью устраивала, и я дорожил ею. И второе – зам. министра по кадрам Мингео РСФСР вхо-

дил в непосредственное подчинение зам. министра по кадрам Мингео СССР, которую занимал А.А. Рясной, а у меня с ним были конфликтные отношения, дошедшие до ЦК КПСС, тем более он пришел в Министерство СССР из ЦК КПСС и там имел крепкие связи и определенный авторитет.

В секторе геологии не стали настаивать и с пониманием отнеслись к моему отказу. Могу честно сказать, что за 20 лет работы в большой геологии я имел возможность переехать работать в Москву, но оставался работать в Красноярском крае и до сих пор не жалею об этом. Я всегда помнил известную народную пословицу или поговорку «Лучше быть в числе первых в деревне, чем последним в большом городе» и своей дальнейшей судьбой доволен.

Может, это и не так, но я чувствовал, что многие из моих знакомых, уехавших из края на выдвижение в министерство или в партийные советские структуры Москвы, сегодня уже вышедшие на пенсию, тоскуют по сибирским просторам, хотя, может быть, и не сожалеют, поскольку в Москве жизнь более сытая и разнообразная. Я же живу в Красноярском крае, где родился и готов здесь уйти в мир иной.

В 1968 году умерла моя мама, но для того чтобы выехать на похороны, надо было получить разрешение крайкома партии. Я позвонил В.Ф. Гаврилову-Подольскому, тогда второму секретарю крайкома. Он мне разрешил выезд и при этом поинтересовался, где она проживала. Я ему сказал, что в Абакане. Он по своей инициативе позвонил первому секре-

тарю Хакасского обкома партии Донковцеву и попросил его оказать мне помощь в похоронах. Его технический секретарь сообщил мне, чтобы по приезду в Абакан я обратился в обком, и мне окажут необходимую помощь. Мне на день похорон выделили маленький автобус и на эти дни закрепили за мной «Волгу». Вот пример отношения этого руководителя к людям.

Глава 4

Бунт на партийном корабле

Примерно через два года после снятия Н.С. Хрущева в Красноярске состоялась партийная конференция. На ней обсуждались вопросы о руководстве партийными организациями, соблюдении ленинских норм партийной жизни, развитии критики и самокритики. С докладом выступал первый секретарь крайкома партии А.А. Кокарев. После доклада начались прения.

И как было заведено, первыми выступающими были руководители крупных парторганизаций. Выступали секретарь Хакасского обкома КПСС Донковцев, потом слово предоставили секретарю Таймырского окружкома партии Алексею Федоровичу Колониченко. Он всегда любил поговорить на трибуне об успехах на Таймыре, а здесь вдруг поперло его – начал критиковать руководителей КПСС, в частности, привел пример, что мы готовы бороться с культом личности, го-

ворим о партийной скромности, а что мы видим на самом деле в верхах? Недавно украинские партийные руководители вновь называли Брежнева «дорогой Леонид Ильич», принародно целуются. Приводит и другие примеры о нескромности членов Политбюро. После верхов перешел на критику Кокарева, нашего первого секретаря крайкома, что он допускает волевые решения, не считается с мнением местных партийных органов:

– Мы ставим вопрос о переподчинении Норильска в состав Таймырского автономного округа, это бы улучшило жизнь народов Крайнего Севера и г. Дудинки, но он не решается.

Дальше Колониченко перешел на критику работников аппарата крайкома. Никто не ожидал от него такой прыти. В президиуме между собой переглядываются. Кокарев покраснел, он не привык слышать в свой адрес подобную резкую критику. И закончил речь Алексей Федорович под громкие аплодисменты зала, но не президиума.

За ним слово предоставляют начальнику политотдела Красноярского управления ГВФ Чернову, уже пожилому человеку, тот буквально набросился с критикой аппарата крайкома, что они вмешиваются в хозяйственную деятельность предприятий, чем нарушают ритм работы, и это недопустимо. Остро прошелся по деятельности замзаорготделом крайкома А.А. Яковенко за то, что он допускает высокомерие, грубость и т.д. Такой острой критики еще никто не вы-

сказывал из делегатов. После бурной овации зала на выступление Чернова в президиуме зашевелились и начались переговоры. Председатель объявил раньше принятого регламента перерыв на тридцать минут. Наверное, чтобы снять психологическое напряжение в зале, ведь в практике партийной жизни края таких бурных дебатов еще не было.

После перерыва продолжилось обсуждение отчетного доклада. Слово предоставили Полине Георгиевне Макеевой, секретарю крайкома партии по идеологии, кандидату исторических наук. Она пыталась ответить Колониченко на его критику руководства КПСС с марксистско-ленинских позиций и доказать, что культ личности и авторитет личности – не одно и то же, и она не видит в деятельности Политбюро отступлений от ленинских норм партийной жизни. Но это у нее получалось глуповато, было рассчитано на безграмотных людей.

За Макеевой выступил Василий Николаевич Увачан – первый секретарь Эвенкийского автономного округа, доктор исторических наук. Его выступление в зале тоже поняли как попытку осудить первых двух ораторов за необоснованную критику в адрес руководства КПСС. И «на закуску» вывели на трибуну директора Норильского комбината В.И. Долгих, который стал наводить критику на Колониченко – что он плохо занимается обустройством населенных пунктов своего округа, в частности г. Дудинки, якобы не осваивает средства, которые комбинат выделяет на строительство.

Дальше все пошло как обычно, как всегда проходят подобные партийные мероприятия.

Но этот «бунт на корабле» дорого обошелся его зачинщикам. Колониченко уже до следующей краевой партконференции не доработал, незаметно был отправлен на пенсию и уехал из края, а Чернов тоже вскоре был освобожден от занимаемой должности и отправлен на пенсию. Критикуемый замзаборготделом крайкома КПСС А.А. Яковенко был переведен на работу в крайисполком в качестве его секретаря.

В середине 60-х годов в Москве проходил съезд геологов. Я на него не избирался, но в то время находился в Москве, там в ЦК повстречался с А.М. Портновой, и она меня пригласила на этот съезд, организовала для меня приглашение. Я тогда в первый раз оказался среди высокой общественности геологической отрасли СССР, там тогда собрался весь цвет советской геологии.

Съезд проходил в Колонном зале Дома Союзов. На съезде с большим докладом выступил министр геологии Антропов. Ему было что сказать – достижения геологии были огромны, только что открыты Западно-Сибирская нефтяная провинция, норильский Талнах, якутские алмазы и многое другое. Но меня заинтересовали выступления двух геологов – прежде всего, отца нефтяной геологии того периода академика Наливкина. Причем выступление пожилого человека было весьма простецким. Он свое выступление начал с того, как он еще молодым геологом в начале века пришел на

бакинские нефтяные промыслы, и слышал тогда от промысловиков, что запасов нефти на Первом Баку хватит России на сотню лет. Но жизнь, научно-техническая революция так бурно прошли по миру, что вот прошло немногим больше пятидесяти лет, а уже на Каспии отработано месторождение Баку-1 и половина месторождения Баку-2. Поэтому нужно думать не только об открытии новых месторождений, а как разумно и экономно использовать разведанные запасы и ресурсы, всегда помнить, что минеральные ресурсы невосполнимы.

На съезде был представлен доклад ЦНИГРИ золота. С ним выступил доктор г.-м. наук Воларович. И он в нем от института вынес вердикт Енисейскому золоторудному району как региону ограниченных перспектив. Это его заключение потом в течение десятилетия служило обоснованием Мингео СССР о выделении ограниченных средств на проведение геолого-разведочных работ на золото нашему Красноярскому геологоуправлению. Я еще к этой проблеме вернусь. А этот съезд для геологов Советского Союза был первым и последним.

В КПСС, несмотря на то что менялись программы и уставы партии, повседневная жизнь и устоявшиеся каноны не пересматривались и были законсервированы. Сохранялся тот же принцип индивидуального приема в партию граждан Советского Союза, признающих программу и устав партии и желающих быть активными участниками коммунистическо-

го строительства в СССР. Обычно прием шел через комсомол. Но по возрасту было и исключение. Нужно было обязательно иметь рекомендации двух членов партии, знающих рекомендуемого не менее одного года, и одну от комсомольской организации. А если выбыл из комсомола или вообще в нем не состоял, то нужно было иметь три рекомендации от членов партии.

Поскольку все-таки считали, что наше общество является классовым, то и предпочтение для приема в партию было представителям рабочего класса и крестьянства. И сверху было дано негласное указание, чтобы более пятидесяти процентов принимаемых в партию были из этих сословий, и преимущество опять для ведущих рабочих профессий. Для представителей интеллигенции, которые обычно рвались в партию, действительно, были ограничения, особенно для служащих учреждений, хозяйственных и советских органов. Осуждался и метод форсирования приема в партию в некоторых партийных органах. Говорили, что не надо засорять свои ряды случайными людьми, авантюристами, которые лезли в партию ради своих корыстных интересов. И как сейчас видим, этот принцип отбора не соблюдался, и чем это кончилось для КПСС, все сегодня знают. Каждый коммунист, состоя в партии, должен был работать в своей первичной организации, а не только числиться, платить членские взносы и посещать собрания.

Вся эта процедура приема в партию считалась очень от-

ветственным моментом в жизни коммуниста. Ведь он брал на себя высокую ответственность, тем более партия была руководящей в обществе, практически государственной. Таким образом, человек давал государственную клятву на верность Отечеству. И некоторые вступающие в своих заявлениях в партию писали, что они будут верно служить марксистско-ленинскому учению, что если нарушат это правило, то будут нести ответственность по всем требованиям партии. И сегодня хотелось бы спросить всех этих отщепенцев Горбачевых, Ельциных, Яковлевых и тысячи им подобных, как они себя чувствуют в моральном плане, ведь они нарушили клятву, как солдаты вооруженных сил, клялись верно служить своему Отечеству, и если нарушат присягу, понесут наказание по всей строгости советских законов. Надо опубликовать заявления этих «перевертышей», когда они вступали в КПСС, и спросить, когда они были честными – тогда или сейчас.

Да, существовали ограничения для приема в партию по социальному положению, для тех, кто привлекался к уголовной ответственности, сидел в тюрьмах и лагерях, на них запрашивались разного рода справки, и только после тщательного рассмотрения дел могли рассматривать их прием в партию. Во времена Сталина еще существовали негласные ограничения приема в партию людей, родители которых были репрессированы по политическим мотивам в тридцатые-сороковые годы по линии НКВД, находились на оккупированных

территориях, в плену у немцев и т.д. Но при Брежневe, хотя проверка этих людей была, ограничения как такового для приема в партию не было.

Сейчас можно услышать, что в партию не принимали евреев. Это просто чушь, по нескольким мотивам. Первое – ну разве можно евреев куда-то не допустить, ограничить доступ? Ведь если есть любая щель, еврей туда пролезет и протащит за собой еще нескольких. Когда при Сталине их стали немного притеснять и прижимать, то они сразу «перекрасились» в русских. Разве не известно, что половина евреев носят русские фамилии Ивановых, Орловых и т.п. А сколько евреев-полукровок выдают себя за русских? Я могу ответственно заявить, что, находясь двенадцать лет на посту первого секретаря райкома, никогда не слышал, чтобы нам руководители парткомов давали сверху какие-то директивы об ограничении приема в партию лиц еврейской национальности. Но мы сами знали, что многие из них шли в партию по личным интересам, знали их положительные и отрицательные качества. Практически они жили в суровых природно-климатических условиях и в трудных экономических районах. Знали об их семейственности и групповщине. Они же не русские, которые желают друг другу «красного петуха», а при трудностях всегда помогут своему. Мы знали, что при выдвижении на руководящие партийные должности в районах, городах и выше евреев ограничивали. Но в то же время хорошо знали, что их в этой среде не боль-

ше, чем русских, они носили русские фамилии, но хоронили своих родственников на еврейском кладбище. И пусть сегодня они не бросают грязью в сторону КПСС и не жалуется на свою жизнь при советской власти. Достаточно напомнить – еврейские общины в самом Красноярске доминировали в учреждениях материально-технического снабжения, строительства, медицины, культуры, торговли и других.

В партийных органах края существовала широкая сеть идеологических учреждений – учебных заведений. В каждой парторганизации проводились занятия по марксистско-ленинскому воспитанию, работали экономические школы, проводились регулярно политдни, в районах существовали вечерние университеты марксизма-ленинизма. Все это держало людей, наверное, в какой-то нравственной политической узде. Ведь не было разгула аморальных проявлений, безудержного пьянства, воровства и преступности, разложения молодежи. Партийные руководители старались, может, хоть и внешне, вести себя прилично, более скромно, чем остальные. Ведь в то время партийный руководитель олицетворял собой в какой-то степени духовное лицо, ему подчинялась вся пропаганда и ее средства воздействия на население. И вот сейчас задаешь себе вопрос: как же так случилось, что вся пропаганда, проводившаяся более семидесяти лет, пошла прахом, ее развенчали сами же коммунисты, а не рядовые граждане? На этот вопрос я не нахожу ответа. Ведь вроде бы всех призывали хранить и нести в массы христиан-

ские законы и добиваться совместно лучшей жизни для своего народа, равенства, но полученные неограниченные свободы «новых» демократов, дарованных народу, взяли верх над здравым смыслом.

Партия всегда заботилась о своем будущем – комсомоле, считала его самым верным резервом и, нужно сказать, плотно в этом плане работала. Эта работа начиналась практически с пеленок – детские ясли, детский сад, школа, октябрята, пионеры, и потом комсомол. Везде прививался дух коллективизма, единства государства, дух национального братства, культура. Единственным отвратительным явлением в воспитании людей была ненависть к религии. Лишали людей основного права человека – выбора духовной жизни, своей религии. Ее большевики заменили своей коммунистической идеологией, но по сути это были те же христианские заповеди. Государство тратило огромные средства на содержание домов пионеров, детских домов культуры, пионерских лагерей, на развитие художественной самодеятельности. Оно пыталось привить молодому поколению чувство равенства всех на земле, хотя сегодня прививается совсем другой культ – равенство человека только в двух случаях: в период рождения и в период смерти, два явления, которые подводят черту под всеми нашими свободами.

Коммунистическая партия все делала для того, чтобы воспитать молодого человека здоровым, сильным, патриотом и тружеником, и вдруг все отказались от молодежного движе-

ния, заменив его дискотеками, барами, ресторанами и т.п.

Но для обсуждения этих процессов вернемся позже.

Труд партийного работника на весах материально оценить сложно, больше эта работа носила политический, воспитательный характер, который, в конечном счете, отражался на социально-бытовом уровне населения, на общем хозяйственном развитии производительных сил района. Зарплата первого секретаря райкома за 12 лет выросла с 210 до 250 рублей. Второй секретарь получал 190, потом 230 рублей, третий секретарь – 170 и 210 рублей. Никаких конвертов, как говорят некоторые, не выдавали. В то время хозяйственный руководитель имел оклад 350 рублей, кроме того, им выдавали премии за выполнение и перевыполнение плана. В последние годы партийным работникам стали выдавать раз в год премии, если район выполнит годовой план. Единственным материальным стимулом, пожалуй, была возможность ежегодно поехать в санаторий, был бесплатный проезд и выдавался месячный оклад как лечебное пособие, чтобы на курорте не вести нищенское существование.

Высшее руководство страны получало в 70-х годах зарплату: первый секретарь крайкома – 500 руб., министр СССР – 700-800 руб., генсек – 1200 руб. Вот сопоставьте с сегодняшними временами.

Мы не устраивали за счет партийных или государственных средств приема гостей и проведения районных праздников, за все платили из своего кармана, правда, на самих

гостей находили средства. В общем, жили весьма скромно, но не жадничали. С гостей никогда не брали плату, даже когда они настойчиво хотели рассчитаться. Например, председатель крайисполкома Николай Федорович Татарчук через своего помощника настойчиво хотел рассчитаться, и мы, конечно, были вынуждены принять этот символический расчет как уведомление, что он нам ничего не должен.

В летнее время у нас всегда можно было принять гостей на лоне природы, в частности, на Ангаре. Провезти гостей на полуглиссере по реке, показать живописные сибирские места и, конечно, сварить настоящую ангарскую уху с «березовым колом». Это было любимое кушанье лесников. Она варится как обычная уха, но с полным набором рыб: стерляди, окуня, сига и других рыб вроде ерша, налима. Когда уха уже практически готова, вырубается тут же березовый кол, кладут его на костер, чтобы с него сгорела береста, а потом, когда он обуглится, его горячим опускают в готовую уху для того, чтобы он остыл. Суть этой процедуры в том, чтобы придать ухе специфический запах березового дерева. Под водку такую уху всегда хвалили.

Вторым ангарским блюдом были шашлыки на углях из жирного ангарского окуня, осетровых и других рыб. В общем, в сельской местности тоже могут хорошо угостить желанных гостей.

Работая в Приангарье, я впервые близко познакомился с Владимиром Ивановичем Долгих, когда он избирался по

красноярскому северу депутатом Верховного Совета СССР. Он к нам прилетел весной на арендованном Норильским комбинатом самолете Ли-2 с группой журналистов. Мы с ним провели две встречи с избирателями в Мотыгино и Раздолинске. Условия проживания у нас в гостинице были не совсем удобные, поэтому я его разместил в здании райкома партии. У нас с ним завязались теплые взаимоотношения. Я ему тогда показал все, что делается в районе, и как живут люди, без прикрас, мы много проехали по району. В целом его везде принимали с заинтересованностью, знали при этом, что он был просто хозяйственником, директором Норильского комбината. Ему тогда было много высказано наказов и пожеланий. И он, и я знали, что все наказания выполнить было не под силу, но ряд из них можно было довести до логического конца, используя его депутатские возможности. Поэтому мы с ним договорились, что он некоторые свои депутатские запросы передавал мне, чтобы я организовывал их выполнение, контролировал и регулярно его информировал. При встречах в Красноярске, когда бывали там на пленумах и сессиях краевого совета, обсуждали выполнение его депутатских наказов по нашему району.

В конечном итоге через депутатство В. Долгих нам удалось решить вопросы строительства школьного комплекса в Раздольном, ряда объектов промышленного назначения и приобрести строительные материалы за счет Норильского комбината, в частности, завезти кирпич для строительства

спортзала в Мотыгино. А вот добиться снятия запрета на строительство из кирпича жилья и объектов соцкультбыта так и не смогли, поскольку по Госплану СССР наш район находился в зоне затопления будущих ГЭС.

Вообще, мне кажется, что испокон веков существует дурь, что в России из дерева строить выгодно, и пренебрегали каменным строительством, хотя статистики подсчитали, что от пожаров деревянных строений наносится непоправимый ущерб. Получается, что один раз в тридцать лет сгорает вся Россия. Даже взять по Мотыгинскому району: за десять лет сгорели Дом культуры в Раздольном, прекрасное было здание, недавно построенный районный Дом культуры в Мотыгино, объекты хозяйственного назначения, комбинат бытового обслуживания, детский сад, да мало ли объектов сгорело, от них не осталось даже фундамента. А мы опять строим из дерева.

Я в свое время проехал поездом и автобусом от Красноярска до Рима через Крым, Польшу, Германию, Австрию и всюду смотрел в окно. И вот как только кончается территория Белоруссии (Брест), я не увидел ни одного деревянного жилого дома, надворных построек и так называемых заплотов и штакетников из деревянных плашек. Наверное, поэтому каменные и кирпичные дома стоят столетиями и не рушатся, а здесь построят дом, и через три-четыре десятка лет ему нужно делать капитальный ремонт, и требует он почти таких же затрат, как построить новый. В деревянном до-

ме невозможно в надлежащем виде содержать сантехнику. И вот так всю жизнь россияне жили во временных домах, и никто не научит их, как и из чего нужно строить объекты на века.

В.И. Долгих в нашем избирательном округе избирался и повторно, уже будучи первым секретарем Красноярского крайкома партии. Приезжал к нам с целой свитой, но второй раз уже не поехал по району, а побывал только в райцентре. Было лето, кругом зелень, было чисто в поселке, прибрались, величавая Ангара – ему у нас очень понравилось. После встречи с избирателями он намеревался сразу улететь в Красноярск, но от наших уговоров не устоял, пошел с нами пообедать, где было все, чем располагали, в том числе был зажарен поросенок. С нами он общался свободно, о политике не говорили. Его угощали женщины, и он не удержался и высказал в их адрес приятный комплимент, сказал, что много раз бывал за границей, но красивее наших женщин нигде не встречал. Ему наша летняя природа так понравилась, что обещал когда-нибудь на пару дней приехать к нам отдохнуть, но больше он Мотыгино не посетил. Правда, я ему написал письмо в Москву, где он был уже секретарем ЦК КПСС, напомнил ему об обещании приехать к нам, но это был уже другой человек. С Долгих у меня потом будет много встреч.

Приезжал к нам в район и председатель Красноярского крайисполкома Николай Федорович Татарчук. Мы с ним объехали все доступные населенные пункты. Везде его

встречали с интересом и доброжелательностью. В конце поездки он попросил меня собрать людей для беседы. Зал Дома культуры был заполнен, как говорится, под завязку. Было много вопросов, а одна женщина напомнила гостю, что население района плохо обеспечивается мясом. Тогда Николай Федорович спросил:

– Кто сегодня не ел мясо, поднимите руки.

Никто рук не поднял. Вот так у нас в районе и стране свободной продажи мяса в магазинах не было, но каждый житель его где-то доставал – кто сам производил, кто по благу доставал у торгашей, в столовых, куда обязательно поступало мясо, торговали и на рынках.

Живя на Ангаре, я все-таки уговорил приехать к нам в гости своих родителей, маму и отца. Мама никогда не ездила далеко от дома, если не считать тридцатые невольные годы. Тем более к нам надо лететь было самолетом, но мы ее все-таки уговорили набраться храбрости – сесть в него, и ей понравилось. Перелет она перенесла хорошо. Родители у нас прожили пару недель, и им очень понравилось на Ангаре, природа здесь лучше, чем в Абакане, но на Саянские горы не сменяли бы, там была малая родина. Отец был удивлен, как у нас выращивают помидоры и огурцы в открытом грунте на островах в пойме Ангары. Несколько раз проводил у нас отпуск и мой брат Василий, врач, работающий в Донбассе. Такой рыбалки, как у нас, он не видел. Там рек хороших нет, а все закрытые озера, ставки, да и из рыбы у них в основном

карп. Но рыбак он заядлый. В общем, всем моим знакомым, друзьям и родным ангарские места очень понравились, но жить постоянно никто не соглашался.

Народно-хозяйственные дела в районе шли неплохо, с государственными планами мы ежегодно справлялись, строились, развивались. Жизнь людей, как нам тогда казалось, с каждым годом улучшалась и у нас, и по стране, и мы привыкли к этому. За границу не ездили и сопоставить свою жизнь с заморской не могли. А туристические поездки, которые совершались, шли выборочно, путевки выделяли так называемым проверенным людям и по характеристикам общественных организаций и руководства предприятия (треугольники). И о чем они могли говорить народу? Что там лучше? В чем их достижения? Да, мы знали, с чего начали жить и работать после той страшной войны и тяжелых людских потерь в ней. Но ведь постепенно выкарабкались из нужды, стали лучше питаться и одеваться, получать новые квартиры. Это было без агитации видно, и люди ценили это. И в то же время мы, районные руководители, видели, что нас в глубинке обдирают, ущемляют в материальных благах, все больше доходов производства идут в центр, а нам остаются лишь «ошметки».

Мы в районе жили почти натуральным хозяйством. К нам в основном завозили муку, сахар и соль, большое количество водки, немного вина и шампанского. И вот так получилось, что в торговом обороте водка составляла 26 процентов. А

себестоимость водки при монополии государства была копейки. Это же была прямая обдираловка народа и спаивание людей. А мы взамен государству заготавливали и отправляли более миллиона кубометров ангарской древесины, которая в основном шла на экспорт, и перерабатывали на сплаве несколько миллионов кубометров еще чужого леса из соседних районов по рекам Ангаре и Тасеевой. Мы давали золото и сурьму, периклаз и живицу, и если все подсчитать, то государство всегда было у нас в долгу. Но кто мог это сказать открыто, когда каждому из нас внушали: «если не хотите кормить и вооружать свою армию, то будете кормить чужую». Отечественной войной уже была научена каждая семья. И второе. За счет нас, горемык, жили и национальные республики СССР и страны так называемой народной демократии и развивающиеся страны, севшие после войны нам на шею. И мы все это понимали и знали, но раз руководство страны так делает, значит так надо!

Но и внутри нашего края тоже была диспропорция в сторону предпочтения краевого центра. Все руководители краев и областей в первую очередь хотели сделать краше свой центр, и вот так постепенно шло разорение и опустение сел и деревень, народ шел в город, особенно молодежь. Да и разве можно было ее закрепить, например, в нашем районе? Ведь вся промышленность была строго ориентирована на сырьевые отрасли, кроме геологии и сельского хозяйства, но и те требовали уже готовых специалистов. У нас совершенно

не развивалось машиностроение, глубокая переработка леса, его везли от нас кругляком. А сколько можно иметь инженеров на лесозаготовках или на дражном флоте? Не стало в последние годы металлургии. В нашем районе, по сравнению с окружавшими нас сельскими районами, обстановка с закреплением молодых кадров была более терпимой. Но все равно убыль населения шла за счет оттока из района молодых людей, а потом они приезжали только в гости. Вот таким образом город Красноярск разрастался, а села, поселки из глубинки постепенно погибали. И это считалось естественным процессом, никто публично не жаловался на наших общих краевых мероприятиях, потому что это был бесполезно.

Районные руководители часто встречались со своими соседями, коллегами, перенимали опыт, знания, дружили и помогали друг другу. Образовались своеобразные содружества по районам. Мы, например, долгое время дружили со своими соседями, кроме Северо-Енисейского, еще с Богучанским и Енисейским районами, соревновались, подписывали коллективные договоры, ездили друг к другу с делегациями. Первый был нам близок по роду деятельности, связанной с горной промышленностью, второй был центром лесозаготовительной промышленности в Приангарье. В нем, в Богучанском районе, росло число новых леспромхозов, и он по лесозаготовкам занимал первое место в крае и, наверное, во всем Советском Союзе.

Наши коллективы постоянно поддерживали связь, и мы,

первые секретари, поддерживали личные связи и дружбу. Особенно с Михайловым Александром Алексеевичем – наша дружба продолжалась до его кончины. Он после Богучан стал работать первым секретарем Игарского горкома, а потом перешел на хозяйственную работу начальником управления лесного хозяйства Красноярского края.

Владимир Михайлович Соколов, первый секретарь Енисейского райкома, в кежемских районных партийных органах стал работать гораздо раньше нас. Он участник обороны Москвы, но по образованию гуманитарий, и его карьерный рост сдерживался до 1965 года. Потом он был переведен первым секретарем Курагинского райкома, вышел на пенсию.

Тесные дружеские отношения у меня складывались и с Александром Григорьевичем Клименовым, ставшим потом первым секретарем Северо-Енисейского райкома партии.

Наши встречи обычно проходили в Красноярске, лишь с Михайловым мы иногда договаривались встретиться на границе районов у речки Верхняя Ослянка, притока Ангары, где можно было не только поговорить, но и половить хариуса. В Красноярске мы обязательно встречались один раз в три-четыре месяца на пленумах крайкома, потом я туда стал приезжать чаще, когда был избран депутатом Красноярского совета народных депутатов по Бельскому избирательному округу. Раньше в этом избирательном округе были депутаты в основном из Красноярска – Граков и Пономаренко, и наконец стали избирать местного.

Каждая такая командировка в Красноярск по сроку была рассчитана на четыре дня. Первый день заезд, ознакомление с обстановкой в крае, работа в постоянных комиссиях крайисполкома. Второй день уходил на работу пленума или сессии, встречу с нужными людьми, в обычные дни с которыми встретиться бывает трудно, ведь на эти мероприятия приезжали руководители всех рангов. Обычно этот рабочий день заканчивался поздно. После пленума или сессии крайсовета первым секретарем или председателем крайисполкома собиралось рабочее совещание для накачки и инструктажа, что надо делать после принятых решений на пленуме или сессии, то есть практическая сторона, потом идешь в гостиницу усталый, только чтобы поесть и крепко уснуть. На третий день встречи с краевыми организациями по решению массы вопросов, необходимых для района, – это и организационные, и хозяйственные, и снабженческие. В этот день уже краевые организации работали на нас, и не дай бог кто-то из краевых чиновников не примет кого-то – ему дальше не сидеть на своем месте. На четвертый день – отъезд домой.

И все эти годы как-то получалось, что мы не могли сходить в театр или посетить другое культурное мероприятие. Вечером, уставшие от беготни по городу и заседаний, втроем – А.А. Михайлов, В.М. Соколов и я – собирались в ресторане и неторопливо вели беседы. И каждый раз при встрече намечали, что в следующий приезд обязательно сходим в театр или на концерт. Так все время только собирались, но

дальше этого не шло.

Сельское хозяйство в стране всегда оставалось сложным производством, и крайком много раз проводил заседания расширенного состава партийно-хозяйственного актива, приглашая на них специалистов сельского хозяйства. Однажды первый секретарь теперь уже Курагинского района В.М. Соколов привез на заседание актива сразу трех женщин – доярку, свиарку и зоотехника. После заседания они попросили его сходить с ними в ресторан. Соколов посчитал, что будет удобнее, если в компании будут и другие мужчины, и пригласил меня с А. Михайловым. Так как от районов не было других представителей, мы решили поддержать Соколова и пошли с ним. Хорошо отдохнули, женщины были молодые, красивые, веселые, в общем, вечер провели хорошо. На другой день, как нам потом рассказал Соколов, у этих женщин их знакомые поинтересовались, как они провели вечер с партийными секретарями. Одна из них откровенно высказалась: много пили, ели, танцевали, думали, что их позовут в постель – у каждого были одноместные номера в гостинице, – а они поблагодарили за компанию, пожали руки и расстались. Но что с них возьмешь, с коммунистов! Вот так оценили нас крестьянки.

В конце 60-х Александру Акимовичу Кокареву исполнилось 60 лет, для первого секретаря возраст предельный, и мы ждали изменений в руководстве краем. И в конце мая 1969 года звонит в район замзавотделом крайкома партии Иван

Михайлович Сенашов и передает текст телеграммы, отправленной по почте, что завтра состоится внеочередной пленум крайкома партии по организационному вопросу и мне как члену крайкома явка на него обязательна. Но, как всегда, в период ледохода на Ангаре неблагоприятная погода для приема самолета. Наш мотыгинский аэропорт закрылся с утра, и, несмотря на мои просьбы, самолеты не принимали. Это было единственный раз за 12 лет, когда я не смог присутствовать на пленуме крайкома партии. О нелетной погоде я сообщил в крайком.

Пленум проходил всего тридцать минут, как мне рассказали позже, выбрали нового первого секретаря крайкома, а Кокарева перевели в Москву на должность председателя комитета государственных резервов при Совете Министров СССР.

– И кого ты, думаешь, избрали первым? – спрашивает Сенашов. Я ему сказал, что Татарчука, председателя крайисполкома. Он молодой и растущий руководитель.

– Вот и не угадал – избрали первым секретарем директора Норильского комбината Долгих, – и добавил, что его якобы порекомендовал на Политбюро ЦК А.Н. Косыгин, побывавший пару лет назад в Норильске.

Конечно, большинство секретарей жалело, что Кокарев покидает край, несмотря на то, что ему дали должность на уровне министра, но для него это было не то, что работать в крае. Потом, когда наши бывали у него в Москве, говорили,

что он очень тоскует по краю и даже заявил, что если бы дали возможность вернуться, то ушел бы из Москвы пешком домой, в родной край.

А.А. Кокарев (1909-1991) был строгим даже в обращении со своим близким окружением. Рассказывали, как он отнесся к только что назначенному П.Ф. Ломако, бывшему министру, который стал докладывать о делах на работе. Он ему сказал:

– Потрудитесь прийти в крайком партии и лично доложить.

А когда только что назначенный председателем совнархоза В.Н. Кситарис пришел в кабинет Кокарева, расселся в кресле и закурил, Кокарев ему:

– Бросьте курить, здесь не кабак, – хотя сам он вроде курил, но я лично этого не видел.

Кокарев пришел на партийную работу с должности директора завода, но в работе не был технарем, а был выдающимся партийно-государственным деятелем. Он очень много сделал для развития Красноярского края. И если бы меня спросили, кто из руководителей края достоин памятника, я бы не раздумывая ответил – Александр Акимович Кокарев.

В.И. Долгих в то время ничего нового не мог принести в край, тем более он был не новичок и долгое время работал здесь, хорошо знал и весь партийно-хозяйственный актив. Поэтому чистку партаппарата он провел только на Севере, где ему были известны дела, в частности, на Таймыре

и в Дудинке. А потом делал только частичные перестановки людей, не изгоняя их из края. А.А. Кокарев оставил очень хорошее наследство для В.И. Долгих во всех отношениях. Край в это время был на подъеме по всем основным направлениям. Красноярский край тогда все узнали в СССР по великим стройкам, которые здесь шли. Владимиру Ивановичу приходилось теперь только часто перерезать ленточки на новых объектах, среди них Красноярская ГЭС, памятник Ленину в Красноярске, дом-музей Ленина в Шушенском и другие крупные народно-хозяйственные и культурные объекты. Как говорится в таких случаях, этот человек родился в рубашке, но я еще к этой теме вернусь.

В шестидесятые годы мы отпраздновали пятьдесят лет советской власти. От имени Брежнева всех первых секретарей письмами поздравили с этой датой и прислали каждому по «Спидоле» и письменные принадлежности. А на 100-летие со дня рождения Ленина была учреждена правительственная награда в виде медали, и ей был дан почетный статус – носить на пиджаке выше всех именных наград. Награждались люди, имеющие заслуги в своей деятельности перед государством. Нам тогда на район было выделено 100 медалей, и награждение шло от имени Президиума Верховного Совета СССР.

После защиты кандидатской диссертации в 1969 году я стал чувствовать себя свободней, как гора с плеч свалилась. Больше стало свободного времени, можно было и в отпуске

побывать без постоянных забот. В санаториях всегда встречал интересных людей, и не только из Советского Союза, но и из стран Содружества.

Как я бросил курить.

У нас, старообрядцев, запрещалось курение табака. Но мы жили теперь в совершенно других условиях, не изолированно от людей других вероисповеданий и национальностей. Из пяти мужиков в нашей семье двое, отец и старший брат, не пробовали табака, хотя оба побывали на войне, а вот другие покуривать стали рано. Я, например, с 8 или 9 лет сначала баловался, а потом втянулся. Но при родителях стал курить, уже находясь на военной службе, хотя табака мне никто посылкой не присылал. Курил и папиросы, и табак самосад сибирский, и поганую «зотовскую» махорку, но в голову тогда не приходило считать это вредным для здоровья. Уж на что в студенчестве жил на стипендию и небольшие заработки, а вот бросить курить не решался, поскольку от курения получал какое-то удовольствие и душевное успокоение, так мне тогда казалось.

Но вот в 1960 году я попал на операцию по удалению аппендикса в Северо-Енисейскую больницу, меня оперировал знаменитый хирург О.О. Алкс. Он и запретил после операции курить. Я его послушал, с большим трудом бросил курить. Но потом, как пошел на партийную работу, закурил, о чем я уже писал. Да закурил так, что одной пачки сигарет

мне в день не хватало. До 60-х годов мы курили папиросы «Беломорканал», позже сигареты – переняли от европейцев. Теперь же я уже окончательно хотел бросить, но духу не хватало – не покуришь несколько дней, неделю, потом дорвешься и начинаешь курить еще пуще.

А помог мне побороть мое личное зло один случай. Как всегда, а это было в 1970 году, мы приехали из районов на пленум крайкома партии, разместились в гостинице «Огни Енисея». В крайкоме встретились друзья по партийной работе: А.А. Михайлов, богучанский секретарь, В.М. Соколов, секретарь Енисейского района, и договорились, как всегда, встретиться за ужином в ресторане. Там я закурил, а мне Соколов говорит:

– Зачем ты так много куришь, ведь от табака стал весь зеленый. Брось курить, я вот уже полтора года не курю.

Я им ничего не сказал. В тот вечер я много курил. Утром встал и почувствовал себя угнетающе. Думаю: что бы мне не попробовать действительно бросить курить? До завтрака и после я не курил, пришел на пленум, в разговоре с друзьями и товарищами тоже забыл покуришь. Потом слушал доклад В.И. Долгих полтора часа и после ушли на перерыв, и опять пропустил курение. А через день уехал из Красноярска, не искуришь ни одной сигареты, хотя в кармане их носил. Приехал домой, прошла пара дней, и уже жена заметила, что я не выхожу покуришь. Испугалась, не заболел ли я чем-то серьезным. В кабинете своем я и раньше не разрешал кому-ли-

бо курить. Вот так, день за днем сдерживая свои позывы к табаку, продержался три месяца.

И вот очередная встреча друзей в Красноярске, опять договариваемся о встрече там же, в ресторане. Заказали ужин, сидим, ждем, я гляжу – Михайлов лезет в карман и закуривает сигарету, а почти следом за ним Соколов достает сигареты и приглашает меня. Я им теперь говорю:

– Вот, братцы, мои, советчики, спасибо вам за заботу о моем здоровье. Вы оба закурили вновь, а я после того памятного застолья не курю!

С того времени прошло больше 40 лет, и я ни разу не взял ни сигареты, ни папиросы, даже побаловаться. А вот во сне курю, после чего просыпаюсь в холодном поту и думаю: неужели я снова закурил?

Летом 1972 года мне позвонили на работу и спросили, не желаю ли я поехать во главе группы красноярских туристов, направляющихся в Югославию, сообщив при этом, что руководителем группы определен один из заведующих отделом крайкома, но выехать он по каким-то причинам не может. Выезд из Красноярска через два дня, вот и предлагают мне, с руководством крайкома вопрос согласован. И как здесь можно было отказаться? Тогда я сказал, что руководителю нужен загранпаспорт, а у меня его нет. Мне ответили, что паспорт – это уже не моя забота, а их.

Я знал, что семья возражать не станет, поэтому сразу со-

гласился и на другой день вылетел в Красноярск. Загрантуры тогда оформляли в крайсовпрофе, меня направили туда. Крайсовпроф уже собрал всех туристов в Красноярске, и надо было с ними знакомиться. Все было организовано самым лучшим образом, и даже заказаны билеты на Москву самолетом, а те, кто ехал в поезде, были уже в пути. Паспорт тоже был готов в один день.

Группа состояла из серьезных и несерьезных людей, молодых и старых, но все прошли проверку КГБ. И я знал, что в группе обязательно есть негласный сотрудник или агент КГБ, но его имя не раскрывают даже руководителю группы, поскольку за ним тоже будут следить за границей и потом в докладной опишут все действия и поведение руководителя и всей группы, с кем встречались, ходил ли в кабаки, на стриптиз и т. д. Таковы были негласные порядки. Группа была около 20 человек. Я выбрал себе помощника, который занимался текущими делами.

Полный сбор группы в Москве, в гостинице профсоюзов, люди все в сборе, и на другой день мы вылетаем в Белград. Перед этим последний инструктаж, что можно провозить через границу, сколько можно брать с собой на одного человека водки, вина, сигарет и другого. Довезли нас на автобусе до внуковского аэровокзала, посадили в самолет, и без посадки мы очутились в аэропорту Белграда. Там возле самолета я встретил Михайлова, бывшего начальника красноярского управления ГВФ, с которым я когда-то выбирал площадку

для мотыгинского аэродрома. Мы с ним встретились как старые знакомые, он мне дал свой служебный и домашний телефоны, поскольку здесь являлся представителем СССР от ГВФ, но его услугами я не воспользовался, поскольку все шло гладко, без задоринки.

Посадили нас в современный чистый автобус западноевропейского производства и представили нам гида, молодого югослава, недавно обучавшегося в нашей стране и хорошо говорившего по-русски. Разместив туристов в гостинице по номерам по непривычному нам порядку – без заполнения анкет, выдали сразу ключи вместе со схемой размещения номеров, а паспорта мы отдали пачкой. Если в Москве наша таможня копалась в каждой сумке, то в Белграде нас пограничники только пересчитали, а таможня и не дотронулась до вещей.

Мне представили рослую, молодую, очень симпатичную девушку из турагентства Югославии, она сказала, куда надо идти с ней, чтобы получить югославскую валюту по привезенному мною чеку. Девушка сопровождала меня до банка, помогла там оформить финансовые документы, я получил валюту и с ней пришел в гостиницу. Туристам тогда разрешалось менять валюту до определенной суммы, и ни рубля больше. Мне же выдавались только командировочные на самую минимальную сумму, которой можно обойтись за границей, без серьезных покупок, только на сувениры, но весь тур предоставлялся бесплатно. Кормили нас три раза в сут-

ки очень хорошо, и даже с вином, причем везде в хороших ресторанах.

Больше 25 лет прошло с тех пор, как я последний раз был за границей, а я в 1945- 1946 годы проехал почти пол-Европы и вокруг нее. Тогда вся Европа стояла в руинах после войны, нищая, искалеченная и унылая, было массовое перемещение людей. Теперь за эти годы страны оправились, помолодели, пришло новое поколение людей. Это доказали первые дни нашего пребывания в Белграде.

Мы везде посещали только прибранные воинские кладбища, мемориалы, памятники и обелиски, напоминающие, что и здесь была война. В Белграде на другой день экскурсия началась со Старой крепости, где зарождался город. Когда мы возвращались с крепости, нашу дорогу перегородил кортеж, который сопровождал президента Югославии Броз Тито и премьер-министра Индии Джавахарлала Неру. Они находились в закрытой машине, но толпа перегородила им путь так, что они из нее едва выбрались. И здесь сразу вспомнилось, как едут по Москве не только иностранные гости, но и высокие правительственные чиновники. Они не ездят, а несутся по широким улицам столицы и пугают народ световыми и звуковыми сигналами. А здесь не могут пропустить своего президента.

В Белграде мы пробыли в общей сложности три дня. Осмотрели город и все мемориалы, связанные с пребыванием наших войск при освобождении Югославии, выезжали за

город посмотреть обелиск на месте гибели нашей военной делегации при авиакатастрофе маршала СССР Бирюзова и загородную резиденцию Тито. В общем, отношение к советским туристам тогда было доброжелательное, как к единоверцам, да и язык их имеет много общих славянских слов и можно понять друг друга.

Здесь я многих наших туристов приучил к дисциплине, и потом уже не приходилось о ней напоминать. В группе были две семейные пары, которые систематически опаздывали на обед и ужин. Я их раз предупредил, хотя мужья и были в Красноярске высокими начальниками. На один ужин они опоздали, были в городе, и группа покушала без них. Когда они пришли, я им сказал, что я их в ресторан не поведу и теперь они должны питаться сами и за свой счет. Они, конечно, обиделись на меня, но в другие дни уже на кормежку не опаздывали.

После Сербии мы поехали в Хорватию, в ее столицу город Загреб. Конечно, всех нас поразили и хорошие дороги, и красивейшая балканская природа. По пути были остановки, где можно было привести себя в порядок и немного отдохнуть, выпить пивка и съесть мороженое. Хорватия, как мне показалось, одна из самых цивилизованных и красивых республик того времени в Югославии как по природно-климатическим особенностям, так и по развитию промышленности и сельского хозяйства. Половина ее территории примыкает к Адриатическому морю. Проезжая между гор к югу от

Загреб, видели много водопадов и небольших голубых озер, в которых можно искупаться, что мы и делали, правда, там видели много небольших змеек. Да и сам Загреб мне понравился больше, чем Белград. Например, сама крепость содержится в идеальной чистоте, ее площади, небольшие улочки и дома ежедневно моются, что нам, советским туристам, было странно.

В один из вечеров, когда группа распускалась для свободного посещения города, я один пошел в главный католический собор и полчаса смотрел, как там проводится служба. Правда, я это уже наблюдал во Львове, но здесь более торжественно играл орган и было много народа. И сегодня, мне думается, не случайно Хорватия вышла из состава Югославии. Мы побывали в нескольких югославских республиках, но народности по национальным особенностям трудно отличить, исключая Герцеговину, где проживали в большей части мусульмане.

И конечно, самая интересная часть нашего маршрута проходила вдоль побережья Адриатики до порта Сплита. Вся эта территория занята пляжами, курортными зонами, куда летом стекается вся Северная Европа. Каких живописных мест и островков на море только не было, трудно даже описать и рассказать, это надо увидеть. Нам все это представлялось настолько красочным, и все говорило, что Югославия проживает в блаженстве и благополучии, что у этой страны нет никаких проблем, в том числе и национальных. А что полу-

чилось через тридцать лет? Югославии как федерации и как страны сегодня нет.

Адриатика сегодня, после посещения Италии, представляется мне единой территорией Римской империи, уж много тут похожего в архитектуре, природных условиях, в самом быте народа и даже в лицах людей. Ведь здесь зарождалась человеческая культура, искусство и наука, здесь самые благоприятные места для проживания людей.

Сплит – это не только порт на Адриатическом море, но и крупнейший исторический центр Средиземноморья, особенно его центральная часть, состоящая из сплошных соборов и других исторических мест, через которые прошли все завоеватели мира и оставили свой след. Здесь по музеям нас водили полдня, все устали и попросились в гостиницу.

На берегу моря под вечер я долго наблюдал за рыбаками, как они добывают рыбу, и совсем не нашими способами – небольшими сетками и наездами, а не неводами и большими сетями. Там мы встретили бывшего российского эмигранта «первой волны», все еще желающего побывать на родине. Растения здесь субтропические, и совсем другие, чем наши ели и кедры.

В программе было предусмотрено и посещение одного из судостроительных заводов, изготавливающего оборудование и приборы для судов. Мы стали спрашивать рабочих, как они проводят социалистическое соревнование. Они удивились нашему вопросу: «А зачем оно? Результатом труда должен

быть динар, рубль, доллар. Если хорошо работаешь, значит, и больше получаешь, вот что должно быть стимулом труда». В смысле культуры труда и организации производства у них можно было поучиться. За счет общественных фондов у них было бесплатное питание в заводских столовых, проведение свободного времени и лечение было поставлено лучшим образом.

Из Хорватии мы поехали в Герцеговину. Остановившись в одном городке в горной местности, мы посмотрели, как с моста ребятишки за плату с туристов ныряли в горную речку с большой высоты, что было небезопасно и можно было разбиться. Потом нас повели в ресторан пообедать. Вдруг мы с гидом слышим громкий крик с руганью женщины, наш гид побежал туда. А это оказалось, что наши женщины туристки не хотели платить деньги за туалет, они не знали, что он платный. Гид объяснил этой мусульманке, что туристы-то советские, у них туалеты бесплатные, и та успокоилась.

В Сараево нас разместили в лучшей гостинице, там этажи не соединяются друг с другом лестницами, а идут через широкие наклонные переходы, как в театрах. Основным местом посещения туристов в этом городе считается место, где студент-террорист в 1914 году убил из пистолета наследника австрийского престола Фердинанда и его жену, из-за чего и началась Первая мировая война. Место, с которого он стрелял, выложено было в те годы особым камнем. Существует и тот небольшой мост, через который проезжал наследник

престола. Этого террориста и по сей день чтят как национального героя. И, конечно, посещая Сараево, нельзя не сказать о знаменитом городском базаре, где продавалось все.

Потом нас сводили в знаменитую мусульманскую мечеть. Снимать обувь и мыть ноги перед входом в мечеть нас не заставляли, но все верующие это делают прямо перед мечетью. Нас, советских туристов, провели туда привилегированно, рассказали, как проходит служба, и при нас настоятель поднимался по ступенькам и читал с выкриками проповеди. Еще рассказали, что ковер на полу является очень ценным подарком президента Египта Насера во время посещения им города. И вот я удивлялся, что ценного в этом ковре, казалось, обычное серое сукно, похожее на сукно на наших солдатских шинелях. Но это, конечно, не так, просто я плохо разбираюсь в этих делах.

Югославия мне понравилась, я ее запомнил на всю жизнь. Очень красивая была страна!

В период пребывания в Югославии нам было выделено три дня для отдыха на Адриатическом море в одном из курортных городков. Прекрасная гостиница, и рядом море. Был отдых, но людей все равно тянуло в город. По инструкции мне было поручено наблюдать, чтобы советский турист вел себя, как говорят, достойно. Не заниматься продажей наших товаров. Тогда нашим ходовым товаром в странах соцлагеря был фотоаппарат «Зенит», красная и черная икра и еще несколько видов товаров. А также избегать мест, свя-

занных с пропагандой антисоветской деятельности, и, в моральном плане, не посещать бордели. Об этом туристы были предупреждены еще в Красноярске, и они знали, что если нарушат эти требования, то об этом не только будет сообщено по их месту работы, но им больше не дадут возможности поехать за границу. У нас в Мотыгино уже был один прецедент, когда геолог, поехавший в Японию, познакомился там с японкой, завел с ней переписку. Он был членом КПСС, и нам в райком соответствующими органами было об этом доложено, а ему впоследствии все дороги за границу были закрыты, хотя у него были возможность и желание поработать за границей геологом.

Я не следил, как используют свое свободное время туристы, сам самостоятельно ходил по городу. В порту случайно подошел к одному пароходу, стоящему у причала, и он оказался увеселительным заведением, там представляли стриптиз и другие удовольствия. И вот среди толпы желающих туда попасть увидел двух наших молодых туристов. Я их узнал, но предпринял все, чтобы они меня не заметили, постарался скрытно уйти и ребятам не напомнил, что их видел, это дело мужицкое и любознательное. А вот в Сараево один из наших туристов, доцент вуза Красноярска, стал менять в одном из магазинчиков около городского рынка наши рубли на иностранную валюту, что категорически запрещалось, и таможенники рассматривали их как элемент контрабанды. Я стал свидетелем той сделки случайно, и мне было неудобно

по этому вопросу потом с ним вести разговор, видно, людские слабости всегда в человеке присутствуют.

Меня туристы спрашивали, не боюсь ли я, что кто-нибудь из них останется в Югославии, убежит, мне же отвечать придется за это. Я им ответил:

– Бежать из СССР может только дурак. Значит, одним дураком в России будет меньше.

Выезд из Югославии домой был тоже через Белград. Хозяйка тура для нас устроили торжественный прощальный ужин в одном из лучших ресторанов Белграда. С эстрады лилась музыка, и выступали артисты на западный манер. И надо сказать, что, несмотря на нашу российскую бедность, все туристические поездки организовывались на высоком уровне. Лишних денег не меняли, а вот тур обеспечивали дорого даже по иностранным меркам. Останавливались наши туристы в лучших гостиницах, их обслуживание и питание были дорогими. Была борьба за честь государства, и это было похвально, не то что сейчас, по мерке твоего кошелька, когда у большинства людей он очень легок. К аэропорту нас подвезли на шикарном автобусе, а по приезде в Москву нас встретил задрипанный грязный московский городской автобус, снятый с какого-то маршрута, и все вспомнили Югославию...

Цивилизационной отдушиной в жизни районного центра была Ангарская геолого-разведочная экспедиция, прежде всего высокообразованностью геологического коллектива и

производственным интересом. Хотя, по правде сказать, жили они далеко не в северных бытовых условиях. Все строили временно, но сумели обеспечить себя не только собственным жильем, были у них школа, клуб, библиотека, столовая, медпункт, детский сад и объекты коммунального хозяйства. Главное, как мне казалось, – они смогли создать условия для своей творческой работы и отдыха. В клубе кроме показа кинофильмов была художественная самодеятельность вплоть до театральных представлений. Стенная газета была не хуже, чем всесоюзный журнал «Крокодил», и побеждала в конкурсах краевого уровня. Развитие спорта обеспечивало им здоровый отдых на ангарских просторах.

В начале лета в экспедицию приезжало много студентов институтов и техникумов на производственную практику. Их приезд в райцентр напоминал приезд на молодежный фестиваль, вызывал оживление и интерес к этим людям – они приезжали со всего Советского Союза. Потом они начинали разъезжаться по многочисленным геологическим партиям, где им тоже были рады. Особенно радовали девушки-студентки. К ним бережно относились, на геологических маршрутах освобождали от физических нагрузок, они не носили тяжелые рюкзаки, их чаще оставляли в партиях, обеспечивая человеческие условия для проживания. И, как правило, после окончания практики руководство партии организовывало торжества – коллективный ужин.

Забавный случай произошел в одной партии Ангарской

экспедиции. Проводы были организованы с алкоголем, и на них одна студентка, видать, излишне выпила или хотела с кем-то объясниться, в одном из последних тостов объявила: «Выпьем за свободную любовь». За столом это приняли весело, под аплодисменты, считая, что это нормально для застолья, а вот начальник партии был человеком очень идейным и это студентке не простил. После практики на каждого студента пишут производственную характеристику. И начальник партии этой студентке написал: «Имеет хорошую теоретическую геологическую подготовку, трудолюбива, но морально неустойчива». Коллеги его, конечно, осудили, и такая характеристика в университет не пошла.

К осени студенты выходят из тайги возмужавшие, загоревшие, на их лицах появляются усы и редкие бороды, а студентки веселые – наконец-то закончилась их тяжелая полевая жизнь. Поселок вновь оживает, студенты торопятся домой и в учебные заведения, а местные геологи с сожалением их провожают. Так происходит из года в год.

И жизнь, и работа на Ангаре продолжались в том же ритме. Кроме работы были и домашние дела. А.С. Убиенных оставил не только хорошую по меркам Мотыгино квартиру, находящуюся в центре поселка почти на берегу красавицы Ангары, куда я часто по вечерам выходил и подолгу смотрел на ее воды и обширную акваторию зеленых островов, которые она создала. Кроме квартиры он подарил мне овчарку вместе с будкой. Но собака, несмотря на знаменитость поро-

ды, была необученная и диковатая и на всех бросалась. Я ее исправно кормил и ухаживал за ней до тех пор, пока она не сорвалась с цепи и одного мужика чуть не покусала, и ее едва поймали, чтобы снова привязать. Вот, подумал я, не хватало еще прославиться на весь район, и вынужден был отдать собаку нашему райкомовскому рабочему, собачатнику, он любил их.

По происхождению я крестьянский сын, всегда любил землю и много в детстве и юности на ней работал. И теперь был благодарен Убиенных, что при строительстве дома и отвода усадьбы он предусмотрел небольшой огород рядом с малым озерком. И я с большим упоением в свободное время в нем копался. Жена не любила огорода, как и малые дочери, и я был агрономом и одновременно основным рабочим. Ежегодно делал навозную грядку и выращивал свои огурцы и здесь же помидоры. Кроме того, здесь росла морковь и другая зелень вплоть до картофеля, и получалось, что моя жизнь была со своим натуральным хозяйством.

Вокруг Мотыгино были леса и луга. В лесу и на островах росла различная ягода: малина, черника, голубика, брусника, смородина, кислица и черемуха. И местные жители никогда не разводили в своих огородах малину или смородину, в лесу она гораздо лучше и по запаху, и по вкусу. А осенью всегда были грибы – грузди, подьеловики, подосиновики, белые грибы, волнушки, опята и рыжики. Это было, пожалуй, лучшее мое занятие в лесу. И я так привык к этой

природе, что меня уже никуда не тянуло, но в мыслях уже созревали планы о перемене места работы. Мне было легко работать, а это верный признак, что нужно уходить.

Нужно было влить в партийную организацию новую, свежую струю. Ведь возле меня уже образовалась группа людей, которые ко мне привыкли, под меня подстраивались, со мною соглашались, а дело тормозилось. И я уже возомнил себя незаменимым руководителем района, появились элементы зазнайства. Но куда идти и где работать?

У меня в районе было много знакомых и близких людей из простого народа, не занимающих начальствующие должности, пенсионеров, умудренных жизненным опытом, которые работали со мной. Некоторые, прожив всю жизнь в Приангарье, стали уезжать из района в связи с выходом на пенсию в города, к своим детям, и, как правило, приходили ко мне попрощаться напоследок.

Помню такого Петра Тихоновича Брюханова – коренной ангарец, человек крупного телосложения, спокойный, рассудительный, хороший работник, участник войны и старейший член партии. Когда-то работал начальником ЖКХ. Ушел на пенсию, но продолжал работать в районной парт-организации. И вот собрался уезжать к своей дочери в Алма-Ату. Зовет, там, говорит, хорошая квартира, есть свободный угол для меня, воду и дрова не надо таскать каждый день и снег убирать вокруг своего дома. В общем, будет хорошая, спокойная старость.

Но что я ему мог советовать после таких доводов? Конечно, как он рассказывал, – получается, что нужно ехать. И мы с ним тепло попрощались. Прошел год, и я узнаю, что Петр Тихонович снова живет в Мотыгино и по утрам ходит на Ангару, долбит лед, проверяя свои рыбацкие снасти. Нам представился случай с ним снова встретиться, и я его спрашиваю:

– Петр Тихонович, почему возвратился на Ангару?

И он мне поведал:

– Там, где ты родился, где тебя вскормили, где тебя учили, где ты стал работать и прожил всю свою сознательную жизнь и пришел к старости, покидать это место нельзя. В Алма-Ате у меня было все, но не было Ангары и того уклада жизни, с которым я прожил всю жизнь, а те тепличные условия мне оказались чуждыми. Я не находил себе места, на улицу выйду – меня никто не знает, и я никого не знаю, а здесь же все мне родные. Пойду в туалет, и в нем стесняюсь крепко пукнуть, вдруг услышат близкие, какой позор. Не то что здесь, как я привык, – рано утром встану, выйду на крыльцо, крепко пукну, большой струей помочусь, и сразу становится легко, свободно, радостно, и душа поет. А там у меня этого не было, и вот я опять на Ангаре.

Был у нас еще один смешной и веселый человек, ему было уже далеко за семьдесят, он по общественной работе был членом комиссии по приему в члены партии. Худющий человек, кожа и кости, и курил не переставая. Я его как-то в шутку спросил:

– Вы давно курите?

Он мне отвечает:

– Больше семидесяти лет.

– И как же твое здоровье?

– Хорошее, никогда не болел. Курением я себя законсервировал от всех болезней, защитил, и любая болезненная микроба боится подступиться ко мне.

Вот, оказывается, не каждому вредно курить.

Вспоминая годы, прожитые на Ангаре, я не могу не вспомнить тех людей, которые длительное время меня окружали, были постоянными моими помощниками из технического персонала аппарата райкома партии. Это, прежде всего, мой технический секретарь Вера Петровна Андреева. Коренная ангарка, очень трудолюбивая, умная, исполнительная женщина, приветливая и терпеливая. На нее всегда можно было во всем положиться. Хотя у нее не было большого образования, она свою работу знала и ценила.

После Константина Панова моим шофером стал Александр Васильевич Костиков, участник войны, классный шофер по ангарским проселочным дорогам, где городские шофера ездить не могут, как и они по городу. Он потом выучился на судоводителя нашего полуглиссера. Мы с ним были близкими людьми не только на работе, но и на отдыхе.

Вторым шофером у нас был Леонид Лапарадин, молодой парень, старательный и добросовестный. Исключительным трудягой был и мой помощник Владимир Евстафьевич Пер-

фильев, на которого можно было положиться во всех делах.

Владимир Иванович Долгих быстро освоился со своей ролью первого руководителя края, начал заниматься и кадровыми делами. Вслед за северными парторганами он взялся за выдвижение своих людей, знакомых еще по Норильску. Первую крупную смену кадров провел в самом городе Красноярске. Освободил от должности первого секретаря красноярского горкома Павла Степановича Колина. Он направляет его якобы на укрепление краевого комитета профсоюзов, где тогда работал Иосиф Федорович Кудрявцев, мой предшественник на посту первого секретаря Северо-Енисейского райкома, которого направляет на пенсию.

Первым секретарем красноярского горкома избирают Павла Стефановича Федирко, бывшего первого секретаря Игарского горкома, о котором я уже упоминал.

С Федирко был связан один забавный случай. Буквально через несколько месяцев после его избрания первым секретарем прошли выборы в крайсовет, собрали депутатов на первую организационную сессию, которая проходила в театре им. Пушкина. Сессию открыл председатель крайисполкома Н.Ф. Татарчук. Он внес предложение об избрании председателя и секретаря сессии. Избрали председателем сессии П.С. Федирко, а секретарем – другого депутата, женщину. Двое избранных депутата для ведения сессии расселись по своим местам за большим столом президиума на сцене театра. Только Федирко зачитал повестку работы сессии, из-

за кулис выходит крупная, хорошо одетая дама начальствующего вида и с большой серьезностью подошла к столу и села на одно из свободных мест по правую сторону от Федирки. В зале все обратили на нее внимание. Она уселась на стул и облокотилась на стол с таким независимым видом, что многие подумали, что, наверное, приехала из Москвы представитель Президиума Верховного Совета РСФСР и опоздала на сессию. Федирко в замешательстве: кто эта женщина, как себя вести? И выручил его заведующий финансово-хозяйственным отделом крайисполкома Д.Л. Лопатин. Он подошел к этой даме, что-то сказал ей на ухо, и они вместе покинули сцену. А потом Лопатин вернулся к столу президиума и забрал третий лишний стул. Оказалось, эта женщина недавно вернулась из психушки как вылечившаяся и, проникнув в здание театра, прошла на сцену. Ведь надо же ей было пробраться через все существовавшие тогда заслоны! Потом долго смеялись над этим бесплатным спектаклем.

Избранием Федирко первым секретарем в городе Долгих примерно раскрыл схему своей дальнейшей работы с кадрами. Он знаком с Федирко по Норильску, тот сначала работал на производстве, потом зампредгорисполкома Норильска, их связь, по-видимому, не прекращалась, и при первом удобном случае он его выдвинул наверх. Вторым кандидатом на освобождение от занимаемой должности стал председатель красноярского горисполкома Алексей Семенович Курешов, опытный партийный и советский работник, и на эту

должность был назначен Леонид Георгиевич Сизов, недавний комсомольский работник – первый секретарь Красноярского горкома комсомола. А.С. Курешов стал зампредкрайисполкома.

Ну а потом дело дошло и до секретарей райкомов и горкомов. Но повальной перетряски кадров не было.

Вслед за горкомом Красноярска Долгих обновил руководство и самого крайкома партии, правда, это сделал после года работы. Он своего второго секретаря крайкома партии Алексея Ивановича Крылова выдвинул на должность первого секретаря Хакасского обкома партии, а на эту должность приблизил к себе П.С. Федирко. Теперь они сообща взялись за переустройство центра города Красноярска. Федирко и начал это делать, когда пришел в горком партии. Главное достижение его и Курешова – были снесены аварийные строения на набережной Енисея между парком им. Горького и до речного вокзала и Стрелки, началось ее активное благоустройство и озеленение. А вот пальма первенства в реконструкции городского парка принадлежит, как говорят, Долгих – это он приказал разрезать парк на две части бетонной полосой вплоть до Енисея, чтобы памятник Ленину «смотрел» на Енисей. И сделано это, как считают горожане, неумно. Он и открывал памятник Ленину, но его сооружение было начато предшественником.

К зданию Дома советов сделали две пристройки с тыла из панелей, и возвели их выше основного здания, и это гран-

диозное, по меркам Красноярска, здание оказалось «пришибленное», и сама площадь потеряла первоначальный вид. А вот комплекс зданий театра оперы и балета, гостиницы «Енисей», горисполкома и горсовета стал выглядеть современно. Но эту площадь на территории бывшего стадиона «Динамо» начали застраивать еще при Хрущеве. Нужно отдать должное, что Федирко и Долгих, а ранее Курешов, положили начало полному переустройству краевого центра, и это им нужно занести в заслугу, город стал красивее и лучше.

За время партийной работы я довольно часто по различным делам бывал в Москве, теперь у меня были определенные связи в ЦК, в министерствах и Совмине. И несмотря на все трудности с гостиницами для простого человека, для меня этой проблемы не существовало даже тогда, когда я там оказывался один или с семьей в период отпуска, поскольку ЦК всегда имел бронь в лучших гостиницах Москвы. Для нас, приезжих, было важно быть в центре города. В те же годы для среднего чиновника вполне было по карману посидеть в ресторане, поскольку цены были доступными, можно было и отдохнуть. Два случая из гостиничных пребываний мне надолго запомнились.

Разместившись в гостинице «Армения», я пошел в ресторан, было обеденное время, но нашелся свободный столик. Я заказал водку и пиво, по морской традиции, и в это время к столику подошел молодой парень, немец. Спросил согласия подсесть к столу, я, конечно, его любезно пригласил. Но по-

сколькx одному в таких случаях пить неудобно, я предложил ему тоже со мною выпить за компанию. Он охотно согласился и вместе со мной выпил полную рюмку водки. Разговорились, хотя он по-русски знал еще плохо, приехал учиться в какой-то наш вуз. Затем немец сам заказал водку и предложил мне с ним выпить. Я отказался, поднялся и собрался уходить. А он пил водку не закусывая, поэтому сильно опьянел и свалился со стула, потянул за собой скатерть вместе с рюмками и закусками на пол.

Прибежали официантки, и сразу откуда-то появилась милиция. Моего иностранного гостя стали поднимать, а он ничего не соображает. Его забирают в милицию, и меня с ним. Я им говорю, что не имею к нему никакого отношения. А они мне – в милиции разберемся. Я вижу, что дело приобретает неприятный оборот, и категорически заявляю, что никуда с ними не поеду, давайте разберемся здесь, на месте.

Я им показываю счет, который мне предъявила официантка, и по которому я рассчитался за обед, а это случайный человек, я к нему не имею никакого отношения. Хорошо, что официантка подтвердила мое заявление, и меня оставили в покое. Вот такой случай был со мною в Москве. Если бы я пошел с ними в милицию, то неприятностей было бы не избежать – секретарь райкома бражничает в ресторане, еще и с иностранцем.

Вторая же встреча, о которой я хочу рассказать, была более интересной. Это было где-то в первой половине шести-

десятих годов. Остановился я тогда в гостинице «Центральная», что на ул. Горького, ныне Тверской. Пошел после беготни по Москве поужинать в ресторан. Сажусь за свободный столик. Делаю обычный, довольно простой заказ еды и выпивки. Все это мне принесли, и вот подходит к столику высокий пожилой мужчина, сутуловатый, лысый и седой. Попросил разрешения сесть за стол. Посмотрел на меня внимательно каким-то необычным пронизывающим взглядом, как будто меня изучает – что за тип тут сидит и пьет водку с пивом. Меня он тоже заинтересовал по одному моменту: почему-то он назвал официантку не девушкой, как обычно называют, а сударыней, и заказал очень скромный ужин – какую-то кашку и попросил крепкого чая.

Но молча сидеть не стал, спрашивает меня, откуда я и чем занимаюсь. Я сказал, что из Сибири и по профессии геолог (никогда в таких заведениях я не признавался, что секретарь райкома). Он мне говорит:

– Везде в жизни я побывал, а вот в Сибирь не попал.

Стал расспрашивать, как люди в Сибири живут и что она собой представляет сегодня. С сибирских дел мы перешли и на знакомство. Я спросил, откуда же он. Он с ответом немного помедлил, а потом сказал, что он из города Владимира, наверное, я слышал о нем? Я ответил, что там вроде развита текстильная промышленность и имеется знаменитая тюрьма. После последнего моего слова он мрачно улыбнулся. А потом говорит, что если я изучал историю России, то, е, слы-

шал и его фамилию.

– Я Василий Шульгин, бывший депутат царской Государственной Думы нескольких созывов. Я принимал участие в принятии от царя Николая Второго манифеста об отречении его от российского престола в царском вагоне.

Да, я слышал об этой личности многократно, но никак не ожидал, что вот так просто в зале столичного ресторана встречу его за одним столом. С начала нашего разговора я, конечно, всякую выпивку прекратил, поскольку он отказался от совместного ее принятия.

Дальше он поведал, что после разгрома немцев в 1945 году его вывезли наши работники «Смерша» или из Чехословакии, или из Югославии – не помню – он был заточен во владимирскую тюрьму. Там он отбыл свой срок и был оставлен на поселении. Потом уже при Хрущеве дали маленькое жильё, и вот там заканчивал свой век, оторванный от всего мира. В Москву он приехал по приглашению института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС для консультаций по истории Февральской революции 1917 года и других событий. А в этой гостинице его разместили на несколько дней (институт располагался вблизи).

Конечно, меня эта личность сильно заинтересовала: я хотел узнать из первых уст, что же представлял собой российский царь на самом деле, ведь у нас его изображали как палача народа и не меньше. А здесь передо мной сидит человек, который лично его знал и принимал отречение от пре-

стола. О Николае Втором он был немногословен. Сказал, что это был умный, очень образованный и воспитанный человек, приятный в общении, но он был слаб характером, чтобы править таким государством, как Россия. Вокруг него было засилье иностранцев, а это раздражало российскую правящую и привилегированную элиту. Шульгин по политическим убеждениям был монархистом, но несмотря на это, его правление Николая Второго тоже не устраивало. Нужна была сильная личность.

Когда он в вагоне передавал свой манифест, то на удивление вел себя очень мужественно, корректно, видно, что человек этот в любой обстановке может вести себя достойно, и его стало жалко. Потом, когда Шульгин попал в сталинские застенки, он вспоминал судьбу Николая II и его семьи с большим сочувствием.

Когда же я стал спрашивать его о большевиках, то он прямо сказал, что большевики украли у них революцию, и относился к ним крайне негативно (он ведь не знал, что я являюсь их наследником как партийный функционер). О Ленине и о Троцком в России до революции мало что было известно, поскольку, как он говорил, они не представляли серьезной политической силы, а числились как террористы, которые силой хотели завладеть российской властью. Их в период бурно развивающихся политических событий в Россию привезли из-за границы немцы, снабжали деньгами. Партию большевиков он считал подпольной, незаконной.

Меня интересовала тогда личность Троцкого, поскольку он был под запретом. Шульгин назвал его политическим демагогом, искусно владеющим народными трибунами. Его тогда хорошо воспринимали не только матросы и солдаты, но и другой люд, настроенный против правительства.

Я запомнил только отдельные фрагменты нашей более чем получасовой беседы. Потом к нам подсел, как говорится, непрошенный гость. Перед этим Шульгин сказал, что в жизни он жалеет об одном – что его знания и жизненный опыт остались невостребованными народом России. Когда же в наш разговор стал пытаться вклинить третий, подсевший позже к нашему столу, человек, Шульгин перешел на совершенно иную тему, рассчитался за скромненький ужин, раскланялся с нами как-то по-особому, не по-нашенски, и покинул зал ресторана.

Когда я новому участнику стола, доктору наук, приехавшему в тот же институт, сказал, что это был В. Шульгин, то он тут же вскочил из-за стола, был готов за ним бежать, потом остановился, махнул рукой и сказал, что жаль, что отпустил его без вопросов и ответов.

Приехав домой, я перечитал все, что нашел, о Шульгине и его воспоминания о том периоде, когда он пересекал границу СССР и изучал философски возможности реставрации старого режима в России, которую он, мне думается, безусловно любил и сильно по ней тосковал в эмиграции. А на старости лет оказался у большевиков, которые отобрали у него

революцию. Каждый по-своему любит свою родину. В России всегда было много людей, которые хотели ее политически перестроить на свой лад, но никому это, кроме большевиков, не удалось.

В конце лета 1972 года я поехал в Красноярск на какое-то мероприятие и решил попасть к В.И. Долгих на прием. Сделать это, как и раньше к Кокареву, нашему брату было просто. Он вел прием после каждого партийного мероприятия, пока не примет всех желающих. Если не успеет в один день, то перенесет на другой, но примет всех к нему записавшихся. Я перед ним не стеснялся и не боялся ставить все вопросы, которые нужно решить для района, конечно, избегал тех, которых он не должен касаться, мелких, не его уровня.

И в тот вечер напоследок я ему высказал соображения о своей дальнейшей работе:

– Я проработал на Ангаре десять лет, а это много для партийного работника. Чувствую нутром, что мне надо менять место работы. Если у крайкома партии нет намерения использовать меня на партработе, то я буду искать работу по своей профессии.

Он меня выслушал, не перебивая, вроде согласился с моими доводами, и сказал, что посмотрит и постарается решить мой вопрос, но не надо его ускорять:

– Езжай, работай, твоя работа вполне устраивает крайком партии.

Больше я Долгих не напоминал о своей просьбе.

Наступила поздняя осень 1972 года. В Красноярск приехал Л.И. Брежнев, и всех нас, первых секретарей и председателей райисполкомов, вызвали в краевой центр, объяснив, что в большом зале заседания крайисполкома будет встреча с генсеком. Конечно, для нас это было приятное событие – видеть первого руководителя государства не по телевизору, а наяву, отношение тогда к нему в народе было хорошее. Со мной поехал зампреда райисполкома Н.Б. Степаненко, председатель был в отпуске.

Сбор был организованный, особого видимого контроля перед входом в зал заседаний не было, люди собрались известные в крае. Мы выбрали себе место как можно ближе к трибуне.

Открывается дверь со стороны трибуны, все встают. И здесь Брежнев делает заминку, Долгих пропускает его вперед, а он артачится, пытается пропустить вперед хозяина края. Артист! Зал их долго приветствует стоя. Затем президиум рассаживается за столом, и Долгих открывает встречу с генсеком ЦК КПСС. Первое слово предоставляет Леониду Ильичу, и снова все встают и его приветствуют.

Брежнев начал свое выступление медленно, тихим голосом, разрабатывая свои голосовые связки, немного похрипывая, пальцами перебирая какую-то цепочку, напоминающую четки. Начал издали, как сибирские дивизии в Отечественную войну шли на защиту своей столицы Москвы, и так постепенно хвалил сибиряков за их ратный подвиг и

мирный труд. Потом перешел к характеристике внутреннего положения в стране, как претворяются в жизнь решения партии и правительства, акцентируя внимание на положительных моментах и трудовом героизме советского народа. Вторую часть выступления посвятил международному положению СССР. Он мало отвлекался на житейские вопросы. Но не обошлось без юмора. В частности, говоря о деятельности Египта на мировой арене, он назвал президента Египта «товарищ Насер», и тут же решил рассказать смешную байку. В Москву как-то приехал император Эфиопии Селасий. Человек очень худой, и советское правительство предложило ему отдохнуть у нас в Крыму в Ялте. И вот идет он по набережной Ялты, его всюду встречает народ, интересно же посмотреть на африканца. Когда император проходил мимо кораблей, стоящих у причала, вдруг с трапа корабля сходит моряк и подходит строевым шагом к императору и приветствует его: «Здравия желаю, товарищ император!» Рассказав эту шутку, Брежнев отвлек людей от серьезности и всех развеселил, оправдывая свою оговорку.

Второй раз, отрываясь от текста выступления, сказал, что когда он еще был секретарем ЦК и неделю был в Красноярском крае, ознакомился с оборонными предприятиями, то ему наш телевизорный завод подарил маленький телевизор, но при переезде реки Енисей он его нечаянно утопил. Преподнес таким образом «пилюлю» изготовителям неконкурентноспособной на рынке продукции. Выступление Бреж-

нева в целом было воспринято с интересом и вниманием.

После него выступал Кобелев, директор комбайнового завода. С Брежневым ранее они вроде бы в одно время учились в ВПШ, во всяком случае, были хорошо знакомы. Когда он был первым секретарем Новосибирского обкома, Хрущев его снял с должности за упущения в работе сельского хозяйства, и теперь он, видимо, решил напомнить о себе. Но, как мне показалась, высказанная Кобелевым фраза, что «русский мужик любит сильную власть, но справедливую», обратила внимание Брежнева.

В заключение выступил Долгих. Это, пожалуй, была одна из самых ярких речей, с которой когда-либо до этого он выступал. Хорошо поставленным голосом и на хорошо обоснованном материале, он постарался раскрыть экономическую мощь Красноярского края и с партийных позиций нарисовал деятельность крайкома и крайисполкома по выполнению решений партии и правительства. Л. Брежнев несколько раз проявлял личную инициативу поаплодировать словам оратора. Хвалебные оценки деятельности ЦК со стороны Долгих, на мой взгляд, были умеренными. И этим докладом, мне думается, Долгих подал заявку на выдвижение его в Москву.

Так и произошло. Брежнев своим приездом в край, наверное, еще раз хотел удостовериться, что кандидатура В.И. Долгих приемлема для работы в аппарате ЦК КПСС. В декабре 1972 года состоялся пленум ЦК, где В.И. Долгих был избран секретарем ЦК партии и одновременно заведующим

отделом тяжелой промышленности ЦК. Это был для него стремительный должностной взлет. Мне думается, Долгих всегда помнил, что на высокую орбиту своего служебного положения его запустили геологи, открывшие самое крупное в мире Талнахское месторождение медно-никелевых руд в Норильском районе, на котором он сделал столь выдающуюся карьеру. Потом, став секретарем ЦК КПСС, в его обязанности входило курирование геологической отрасли страны. Я видел его уважительное отношение к геологам.

Наступил 1973 год. В январе состоялся организационный пленум Красноярского крайкома партии, на который теперь уже секретарь ЦК Долгих прибыл в качестве уполномоченного Политбюро ЦК КПСС по решению вопроса, кому теперь быть первым секретарем крайкома. И у нас уже не было никакого сомнения, что изберут местного, но кого – или председателя крайисполкома, или второго секретаря. Открывая пленум, Долгих сообщил о решении пленума ЦК об избрании его секретарем ЦК, и все, конечно, ему поаплодировали. Он сразу поставил вопрос о новом первом секретаре крайкома и, не ожидая, что кто-то назовет новую кандидатуру, сообщил, что Политбюро рассмотрело этот вопрос на своем заседании и рекомендует первым секретарем Красноярского крайкома избрать Павла Стефановича Федирко, работающего вторым секретарем крайкома. Вопросов к Долгих не было, как и к Федирко, его избрали единогласно, а Долгих пожелали успешной работы в ЦК КПСС. Конечно,

сельхозники хотели, чтобы первым был Татарчук, а промышленникам было все равно, кто из них будет, оба устраивали, знали их сильные и слабые стороны.

В практике работы секретарей райкомов партии установился порядок, когда один раз в квартал они докладывали о состоянии дел в районе первому секретарю крайкома, и весной 1973 года я пошел на прием к Федирко. Тогда я сказал Федирке, что в свое время В.И. Долгих собирался рассмотреть мой вопрос о дальнейшей работе, но, по-видимому, он забыл о нем. Федирко говорит:

– Зря ты так думаешь. Он, передавая мне дела, просил решить вопрос о твоей дальнейшей работе и, когда настанет время, с тобой переговорят.

С таким ответом я и ушел от нового первого секретаря крайкома.

Прошло несколько месяцев, и вдруг звонок в район от самого Федирки – звонил вечером на квартиру. Передает, чтобы я выписал себе командировочное удостоверение в Москву в ЦК КПСС и взял билеты, но по пути в Красноярске зашел к нему. Желательно вылететь завтра. Зачем и куда меня определяют, как и раньше, не знаю, он ничего не сказал. Но в Красноярске узнал, что крайком меня рекомендует на должность начальника Красноярского территориального геологического управления.

В Москве захожу к старым знакомым, к инструктору В.А. Ларичкину, потом он ведет меня к А.А. Ямнову, завсекто-

ром геологии. Беседа с ними, и меня направляют в Министерство геологии СССР к замминистра по кадрам. Такая процедура обусловлена тем, что должность начальника КТГУ являлась основной номенклатурой ЦК КПСС, и назначение на должность и снятие с должности могло произойти только по решению ЦК. По Министерству геологии таких управлений, где начальников назначало ЦК, было всего несколько, это те управления, которые вели геолого-разведочные работы на территории нескольких административных регионов, наше, например, на территории всей Центральной Сибири.

Начальник управления кадрами Министерства геологии СССР начал водить меня по членам коллегии, сначала Министерства геологии РСФСР, а потом СССР, и каждый из них должен был побеседовать с мной и в бегунке указать, согласен или нет для утверждения меня в должности начальника КТГУ. Смена руководства проходила под вывеской ухода В.Д. Челышева на пенсию.

При такой моей партийной должности все члены обеих коллегий относились ко мне благосклонно и формально что-то спрашивали для знакомства, но не касались моих геологических знаний.

В общем, прошел всех, кто был в то время на работе, а это больше десятка людей, преимущественно замов министров. Министра геологии СССР Сидоренко в то время не было, он долго болел, и последним был первый зам. министра геоло-

гии М. Евсеенко, он по профессии нефтяник и о геологии сомной тоже не говорил. Позвонил в ЦК и сказал, что с кандидатурой Неволлина согласны. А там спрашивают: «Как решили вопрос о персональной пенсии Чельшеву?» Он им отвечает, что с ним беседовали, готовят материалы к назначению пенсии. И в ЦК ему сказали: «Когда оформите пенсию Чельшеву и решите вопрос о его желании трудоустройства, тогда и будем назначать Неволлина, а пока пусть он едет домой». Вот так в ЦК внимательно относились к кадрам при выходе на пенсию.

Наступила осень 1973 года. Я опять еду в ЦК. Теперь новый тур утверждения. Ларичкин повел меня на беседу к первому заместителю заведующего отделом тяжелой промышленности ЦК Ивану Павловичу Ястребову.

Крупный пожилой человек в большом кабинете, для приветствия вышел из-за стола и пригласил меня сесть. Здесь зазвонил телефон, и он долго разговаривал с Донбассом по угольным делам. Потом извинился передо мной, что отвлекся телефонным звонком. И перешел к делу:

– Красноярский крайком партии рекомендует вас на большую руководящую хозяйственную должность, в Министерстве геологии уже ознакомились с вами и с вашей прошлой производственной и партийной работой, тоже пришли к такому мнению.

Он кратко расспросил о делах в районе, а потом говорил больше он, а я слушал, не то что в прошлый раз с С.А. Баска-

ковым. И, заканчивая беседу, сказал, что мне еще необходимо встретиться с секретарем ЦК В.И. Долгих. Он находился в Кремле на совещании у Брежнева и должен приехать в здание ЦК только после пяти часов вечера, и я ждал его у наших инструкторов. Сразу после пяти Долгих не приехал, и мы с И.П. Ястребовым к нему в кабинет зашли уже полседьмого вечера. Перед выходом он сказал мне:

– Пойдем к твоему земляку.

С 8-го подъезда, чтобы попасть в кабинет Долгих, нужно было пройти в новое здание по закрытому для обычных посетителей коридору, соединяющему все здания ЦК. Долгих меня встретил действительно как земляка и старого знакомого. Спросил только:

– Как ты сам-то смотришь на это выдвижение? – и никак не напомнил, что у нас с ним был ранее разговор.

Беседа шла не больше десяти минут. Он мне пожелал успехов в работе. Теперь оставалось ждать постановления ЦК КПСС.

Возвращаясь домой, в Красноярске я зашел к Леониду Георгиевичу Сизову, теперь уже второму секретарю крайкома партии, рассказал обо всех встречах в Москве, и полетел на Ангару. Л. Сизов пообещал приехать для знакомства с районом в ближайшее время. И свое обещание выполнил. Ему понравился сам район, прежде всего природа, ее богатство. Он по профессии инженер, окончил лесотехнический институт. Интересовался не только лесной отраслью, но и золотой

промышленностью. Мы с ним проехали по приискам, побывали на драгах, которые он в первый раз в жизни увидел. Я его свозил и на знаменитое в то время Ангарское месторождение гематитовых руд. Это было начало нашей совместной работы, связанной с геологией, которую он курировал.

В конце ноября 1973 года тот же Сизов звонит мне и сообщает, что 22 ноября секретарь ЦК КПСС М.С. Сулов подписал постановление о моем утверждении начальником Красноярского территориального геологического управления, а руководство Министерства геологии СССР поручило ему провести «смену караула» в геологоуправлении. Приехав в Красноярск, я зашел к Л.Г. Сизову, и он назначил встречу в КТГУ на 16 часов.

В назначенное время Сизов в сопровождении завпрототделом крайкома Е.А. Зубкова и замзавотделом В.И. Чалова зашел в актовый зал геологоуправления и взял на себя роль распорядителя – приглашает в президиум В.Д. Чельшева, сопровождающих его крайкомовских работников и меня. Зачитывает приказ Мингео СССР об освобождении Чельшева от должности начальника геологоуправления в связи с уходом на пенсию. При этом тепло поблагодарил его за добросовестный труд, перечислив его заслуги перед страной и геологией. И здесь же объявил, что начальником геологоуправления назначается В.А. Неволин. Рассказал о моей длительной работе в партийных органах, конечно, с положительной стороны. Вопросов не было, собрание закончилось

аплодисментами.

Затем мы пошли с В.Д. Челышевым в его кабинет и договорились о передаче дел через неделю. Сначала он предложил объехать с ним все экспедиции, но я посчитал это ненужным делом, поскольку половина из них мне была известна, а из руководящего состава я знал почти всех лично.

В районе мой переход на другую работу был неожиданным. Я с детства привык хранить тайну, а на военной службе ее укрепил, проходя ее в разведке, но ближайшие люди видели, что я в последнее время часто выезжал из района в Красноярск и Москву, активно вел телефонные переговоры.

Официально сказал о своем переходе на новую работу после того, как был назначен начальником Красноярского территориального геологического управления.

Организационный пленум Мотыгинского района партии прошел спокойно. Крайком партии согласился с моей кандидатурой и рекомендовал Ю.А. Озерского первым секретарем, и он был избран. Коммунисты правильно поняли мотивы моего перехода на новую работу и поблагодарили за партийную деятельность в районе.

Вечером члены бюро райкома и райисполкома в честь меня организовали небольшие проводы, где подарили мне охотничье двуствольное ружье как охотнику, которое до сих пор хранится в заводской упаковке. На этом закончилась моя партийная работа секретарем райкома.

За 12 лет партийной работы в Северо-Енисейском райо-

нах мне, к большому сожалению, не удалось построить что-то большое, запоминающееся, что можно оставить после себя в наследство. Мы жили в этом плане одним днем, в основном для государства, а оно о нас не заботилось. Находясь в зоне затопления ГЭС, возводили деревянные сооружения – сельские школы, больницы, клубы, а после их быстрого старения на этих же землях строили новые, и порой становилось просто обидно – добывали золото, выплавляли сурьму, заготавливали для центра древесину, создавали минерально-сырьевую базу для крупного территориально-промышленного комплекса, а сами геологи жили в нищете. Но народ советской власти верил и всегда ее поддерживал.

Мотыгинский район стал поставщиком руководящих кадров. Руководителем золотой промышленности края стал Владислав Владимирович Смирнов, лесной промышленности – Анатолий Александрович Емельянов, заместителем председателя Стройбанка – Валентин Яковлевич Заборцев, начальником бассейнового управления Енисейского пароходства – Николай Павлович Жигалин, начальником воздушной милиции – Григорий Иванович Зенин, главным геологом «Севзапгеологии» (Ленинград) – Андрей Вадимович Лесгарт, Валентин Сарафанов назначен директором НИИ лесной промышленности. Заведующим орготделом крайисполкома стал Александр Васильевич Кириллов, секретарем краевого совета профсоюза связи – Михаил Павлович Кулаков, Юрий Сергеевич Курочкин – зав. лекторской груп-

пой крайкома КПСС, Вячеслав Григорьевич Ширинский – сотрудником КГБ СССР, Михаил Илларионович Плотко – главным врачом одной из больниц г. Красноярска, Дмитрий Иванович Авдеенко – директором техникума, теперь В.А. Неволин возглавил геологию края. Роман Шмигельский стал начальником краевого управления общественного питания.

Выходцами из Мотыгинского района стали начальник управления ФСБ по Красноярскому краю генерал Анатолий Петрович Самков и ректор Красноярского института цветных металлов и золота профессор Валерий Васильевич Кравцов. Из Мотыгино в Красноярск мы вылетали, как говорится, налегке: все наши финансовые сбережения равнялись 9 тысячам рублей. Все вещи и белье поместились в нескольких чемоданах и сумках, уложенных в самолетный багаж. А из значимого в обиходе имущества – холодильник «Москва», который считался в то время большим дефицитом, и два больших фанерных ящика из-под спичек, набитые книгами, половина из которых – техническая и образовательная литература, были доставлены в Красноярск с помощью геолого-разведочной экспедиции на их попутном транспорте.

Я выехал из северных районов, но не навсегда. Потом по роду своей новой деятельности я не менее одного раза в год приезжал в Северо-Енисейский и Мотыгинский районы в свои геолого-разведочные экспедиции для ознакомления с результатами их работы, направлений и оказания необхо-

димой помощи. Моя двадцатилетняя работа руководителем геологической службы Центральной Сибири (Красноярский край, республики Тува и Хакасия) подробно мною описана в книге «Записки геолога», поэтому здесь о ней я говорить не буду.

Глава 5

Красноярский комсомол

Ленинский комсомол всегда был опорой Коммунистической партии и ее резервом. О его значимости я не буду распространяться, но хотелось бы рассказать о людях, которые его представляли в нашем крае, вожаков комсомольского движения, многих из которых я знал и с которыми состоял в близких товарищеских отношениях. Из комсомольских руководителей многие потом стали секретарями райкомов, горкомов партии и перешли на хозяйственную работу.

Об одном из ведущих представителей комсомольского поколения – Полине Георгиевне Макеевой – я уже упоминал вскользь, теперь же хочу поведать более подробней. Полина Георгиевна за 12 лет прошла путь от секретаря райкома до первого секретаря Красноярского крайкома комсомола. Возглавляя красноярский комсомол, она воспитала целое поколение комсомольских руководителей, среди них мне запомнились Константин Чернов, Евгения Ротанова, Олег Колесниченко, Валентин Шубодарев, Валентин Фадеенков, Павел

Федирко, Леонид Сизов, Виктор Плисов, Владимир Гериш, Владимир Чалов, Нина Силкова, Владимир Соколов, Игорь Аристов, Николай Гонза, Александр Шадрин, Зоя Перфильева, Георгий Пашков, Валентина Иванова, Вячеслав Ширинский и другие. Этих ребят в то время называли «меченные», заметные.

С Полиной Георгиевной, когда она была секретарем Красноярского крайкома партии по идеологии, я несколько раз встречался. Она даже мне помогла решить просьбу академика А.Л. Яншина об открытии в городе Красноярске магазина «Академкнига». В общем, вела всегда строго официально. Лишь однажды я ее встретил на улице в Москве с мужем, который состоял со мной в дружеских отношениях, являясь инженером-лесником, и он часто приезжал к нам в район в качестве помощника в выбивании плана лесозаготовок. Тогда она находилась в декретном отпуске и в разговоре вела себя как обычная сибирская женщина.

О некоторых комсомольских секретарях я хотел бы поделиться своими впечатлениями. Начну с Константина Михайловича Чернова, выпускника Томского госуниверситета. В 1962 году он был первым секретарем крайкома комсомола. Потом стал зав. административным отделом промкрайкомпартии, первым секретарем Центрального райкома КПСС г. Красноярска, окончил политическую академию в ГДР, был инструктором ЦК КПСС, секретарем Красноярского крайкома партии и чрезвычайным и полномочным посланником

МИД СССР.

Я со студенческих лет дружу с его старшим братом Федором Михайловичем, участником Великой Отечественной войны, профессиональным геологом. И вот, собираясь вместе с супругой в туристическую поездку, повстречал Федора и сказал, что буду в г. Берлине. Он меня попросил позвонить Косте и передать от него привет. Эта просьба была в порядке вежливости и не обязательная. Находясь в Берлине, я все-таки позвонил Константину Михайловичу, хотя с ним до этого не состоял в дружеских отношениях. Передал ему привет от брата, он выказал желание со мной встретиться, назначив время. На следующий день после рабочего дня мы встретились в гостинице. Его сопровождал молодой мужчина небольшого роста, атлетического телосложения. При знакомстве он назвал его только по имени, при этом сказал, что при нем можно говорить все, что считаешь нужным.

Константин Михайлович повел нас на Александр-плац в уютное небольшое кафе, заказал шнапс – водку, пиво и знаменитое немецкое блюдо – свиные ножки, чем-то напоминающие кавказский хаш, но оно было вкусное, я не удержался его повторить. После застолья он повел меня по центру города и в молодежный дворец показать, чем там занимаются молодые люди. Под конец прогулки он захотел познакомиться с моей супругой, которая только что возвратилась с экскурсии. Встреча закончилась в ресторане гостиницы, расположенной на Линденштрассе недалеко от советского посоль-

ства в ГДР, где Константин Михайлович по службе являлся вторым лицом.

При отъезде из Берлина рано утром он принес подарки, один из которых предназначался О.С. Шенину – тогда первому секретарю Красноярского крайкома, большая бутылка коньяка, которую я все боялся разбить, ведь наша турпоездка продолжалась еще в Чехословакии.

Олег Колесниченко, горный инженер, внезапно стал первым секретарем Красноярского промышленного крайкома комсомола и любимцем партийно-комсомольского актива. Умело выступал в коллективах организаций, много ездил по краю. Он дважды побывал в наших Северо-Енисейском и Мотыгинском районах, и у меня с ним завязалась дружба. Мне кажется, что в тот короткий промежуток времени, когда он работал в краевой комсомольской организации, он еще полностью не раскрыл свои организаторские способности. Его выдвинули на работу в ЦК ВЛКСМ, где он стал заведующим отдела ЦК по работе с рабочей молодежью. Пробыться ему в секретари ЦК ВЛКСМ не было возможным, пути москвичами были закрыты, а в подчинении он работать не мог. Я с ним повстречался в Москве, и он мне откровенно признался, что сделал непоправимую ошибку, уехав из края. Жаль этого талантливого человека.

Леонид Георгиевич Сизов – прирожденный молодежный организатор. Комсомольскую работу начал еще в институте, и так по комсомольской линии стал первым секретарем

Красноярского горкома комсомола, затем и руководителем города. В бытность долгой работы в должности второго секретаря крайкома КПСС Л.Г. Сизов, как мне представлялось, дополнял собой Федирку, и это делало политическое руководство края крепким, единым и работоспособным. Леонид Георгиевич отличался тонким уважительным отношением к людям, простотой, и в то же время обязывая к неукоснительному подчинению ему. Не помню, чтобы в разговоре он вспылал, приказал, нагрубил, а мне долго пришлось с ним непосредственно работать, поскольку по распределению секретарских обязанностей он курировал геологию и много нам помогал. И мне даже не верилось, что с его характером можно стать первым заместителем министра внутренних дел СССР и получить воинское звание генерал-лейтенанта. Он сильно любил край и людей, населяющих его. Рано ушел из жизни, но оставил замечательный труд – двухтомник «Все осталось людям». Этот обаятельный человек достоин памяти в г. Красноярске, которому он отдал всю свою сознательную жизнь.

Виктора Васильевича Плисова, как тогда говорили партийные работники, заметил В.И. Долгих, когда он был секретарем комитета ВЛКСМ на строительстве Красноярской ГЭС. Виктор Васильевич создал на стройке сплоченный молодежный коллектив и проявил свой организаторский талант. С этого времени началось его активное продвижение в партийных организациях. Он избирался первым секретарем

рем Назаровского, потом Ачинского горкома КПСС, секретарем крайкома партии по строительству. Помню, тогда он руководил штабом по строительству аэродрома Емельяново, где я состоял его членом. Он смог создать небывалый трудовой ритм в работе промышленных организаций, которые выполняли строительные работы на общественных началах без централизованного финансирования.

Последняя его должность в Красноярском крае – первый секретарь Хакасского обкома КПСС и председатель Красноярского крайисполкома – признание его как крупного партийно-государственного деятеля. Закончил свою работу в должности заместителя министра машиностроения СССР.

Нина Прокопьевна Силкова повторила путь комсомольско-партийной работы, проделанный П.Г. Макеевой. Избиралась секретарем райкома комсомола, первым секретарем Центрального райкома партии и секретарем крайкома партии по идеологии. На мой взгляд, от своей покровительницы она отличалась большей женственностью, артистизмом и более открытым отношением в общении с людьми. Она была достойна должности заместителя министра культуры СССР.

Георгий Пашков, инженер, был избран первым секретарем одного из райкомов партии в г. Красноярске, затем зав. промышленным отделом крайкома партии. Учеба в Академии общественных наук при ЦК КПСС, инструктор ЦК КПСС и, наконец, первый секретарь Курганского обкома КПСС. Руководитель деловой, контактный, требовательный

и в то же время доступный для товарищеского общения с ним.

Юрий Сергеевич Аристов, горный инженер, бывший первый секретарь Норильского горкома КПСС. Мне представилась возможность с ним работать. Он работал в период расцвета Норильского ГМК и самого города Норильска. Умный, общительный, все еще молодой человек, достойный продолжатель деятельности своих предшественников – И.А. Савчука и Б.М. Благих. Он всегда ценил труд норильских геологов. И я не помню случая, чтобы он отказался от деловой встречи со мной, никогда не отказывал в помощи. С его участием нам удалось ликвидировать аварийный поселок геологов на территории Талнахского месторождения и расселить семьи геологов в благоустроенные квартиры городов Норильска и Талнаха. Затем он был выдвинут на работу в Министерство цветной металлургии СССР в качестве руководителя по кадрам. В период горбачевской реформы партийные руководители стали избираться на новой демократической основе. Норильские коммунисты рекомендовали Юрия Сергеевича кандидатом на должность первого секретаря Красноярского крайкома партии. Он приезжал в Красноярск, но при выборах снял свою кандидатуру и в них не участвовал.

Среди красноярских комсомольских активистов мне бы особо хотелось отметить роль и заслуги секретарей райкомов комсомола из периферии. Это прежде всего Зоя Иннокентьевна Перфильева, окончившая ВПШ, длительное вре-

мя работала в Удере́йском райкоме комсомола, на Крайнем Севере на Диксоне и в Хатанге. Будучи первым секретарем Хатангского райкома партии, она помогала геологам и много сделала для них, работавших в суровых условиях Заполярья, в открытии и разведке уникальных месторождений импактных алмазов и в создании стационарной экспедиции в самом п. Хатанга, которая сегодня является форпостом для геологического изучения природных богатств Восточного Таймыра.

И, конечно, Александр Ефимович Шадрин, начавший свой путь комсомольского организатора в Северо-Енисейском районе, окончивший ВПШ и ставший вторым секретарем Эвенкийского окружкома партии и первым секретарем Туруханского райкома партии. В Красноярском крае не было секретаря райкома партии, который бы так глубоко был заинтересован в геологических исследованиях своего района и так тепло относился к геологам, как Александр Ефимович. Он сделал Туруханск столицей красноярских геологов нефтяников. И ему в немалой степени принадлежит заслуга в открытии первых газовых, а потом и нефтегазовых месторождений на территории среднего течения реки Енисей, в том числе и Ванкорского нефтяного месторождения, которое уже находится в эксплуатации и дает около 5 % добычи нефти РФ, а красноярскому бюджету – прирост до 20 млрд. рублей ежегодно.

Полина Георгиевна Макеева поздно вышла замуж, и она

умела подбирать кадры среди молодого поколения мужского пола. А вот в кандидатуре Юрия Афанасьева ошиблась. Этот молодой красавец мужчина быстро после окончания вуза стал секретарем крайкома комсомола и не задержался на этом месте, его направили на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС, но после защиты диссертации он уже не вернулся в Красноярск. В начале его работы карьера в столице не складывалась, но в период развала СССР он стал одним из лидеров антикоммунистов, антисоветчиков, и свой жизненный путь окончил бесславно.

Райком комсомола работал под руководством партийной организации. В своей работе во многом дублировал ее деятельность среди молодежи, но в целом райком комсомола работал по своему комсомольскому уставу. Наиболее активную часть комсомольцев потом принимали в компартию. Секретари райкомов комсомола входили в состав руководящих партийных органов и потом выдвигались на руководящую, партийную, советскую и хозяйственную работу. Направлялись на учебу в ВПШ при ЦК КПСС.

Однако, как мне думается, в 80-е годы тесная связь, активная совместная деятельность комсомольских и партийных организаций стала ослабевать, когда начались предпринимательская деятельность комсомола на стройках, иностранный туризм, появился у молодежи вкус к вещизму, к личной и красивой жизни и т. п. Появились дискотеки, широкие застолья, началось какое-то моральное разложение даже среди

руководящего состава комсомола. Например, руководители красноярских гостиниц стали жаловаться в партийные органы, что при проведении краевых комсомольских мероприятий комсомольский актив бурно праздновал и допускалась аморальность, неприличное поведение. Но в целом нельзя умалять заслуги комсомола в воспитании советской молодежи.

Красноярский комсомол принимал самое активное участие в экономике, политике, хозяйственной и культурной жизни края. Он имеет свою большую историю трудового участия во всех крупных стройках на территории Красноярского края, был зачинателем грандиозных дел по освоению новых, необжитых мест, участвовал в поднятии целинных земель. Была создана система комсомольского молодежного движения, ее организации существовали, начиная от школы, в техникумах, институтах, на заводах, фабриках и в общественных организациях. Комсомол через свои комитеты вел большую воспитательную работу среди подрастающего поколения, организационно хорошо управлялся, и вызывает большое сожаление, что в условиях сегодняшней Российской Федерации он упразднен и российская молодежь оказалась не управляемой ни организационно, ни идейно.

Глава 6

Партийная печать

Основными партийными изданиями в крае были газеты «Красноярский рабочий», «Красноярский комсомолец», а также «Блокнот агитатора». Во всех районах были свои районные газеты. У нас – газета «Ангарский рабочий», редакторами которой был сначала П.И. Никандрин, потом Г.И. Панов. Наша газета не славилась, была в числе середняков. Она работала вроде и самостоятельно, но под идейным и политическим контролем райкома и выходила на его идеологический отдел. От газеты требовалось не только освещать новости, но и через этот партийный орган шла вся воспитательная, политическая и идеологическая работа по воздействию на жителей района. Она должна была быть в то же время критична, бороться с недостатками во всех сферах нашей деятельности. И ее читали все. Любое критическое высказывание в газете должностное лицо должно было принять к сведению и дать ответ о принятых мерах – что предпринимается для исключения подобных явлений на производстве, в коллективе. А если на критику не реагировали, то здесь уже вмешивался райком партии. Вот сейчас говорят, что пресса стала свободна, в ее деятельность никто не вмешивается, нет цензуры – говори все и обо всем, нет теперь компартии. Но что от того, что можно говорить все, на это никто не реагирует, твори что хочешь. Зачем тогда писать в газету, на кого-то жаловаться, реакции-то нет. Печать потеряла свою власть, хотя о ней написано в Конституции.

В наше время газету побаивались и уважали. Редакто-

ром «Красноярского рабочего» долгое время был Дубков. Он внешнею чем-то напоминал М.С. Сулова, такой же высокий и сухопарый. Эта газета была самой популярной в крае с ее информацией. Она имела много подписчиков.

Помню одну статью критического содержания, называлась «С ответным визитом». Там описывалось, чем закончилась дружба двух соревнующихся городов – Игарки и Енисейска, которые обменялись своими делегациями, – обильной попойкой, и не одной. И там фигурировали первые секретари горкомов П.С. Федирко и В.Г. Шубодеров, комсомольские друзья еще по Норильску. Статья правдоподобная, но чересчур критическая и резкая. Ее автор, журналист, сотрудник «Красноярского рабочего» Михаил Иванов. Он был другом детства моего двоюродного брата Александра Шарыпова. Михаил имел прекрасное образование, окончил МГУ, учился на одном потоке с дочерью Сталина Светланой. Еще мне говорили, что она ему запомнилась по одежде – все годы продолжала носить одну желтую кофту. Мы с ним все эти годы имели близкие товарищеские отношения. Он часто появлялся у нас в районе на Ангаре. Рассказывал, что после критической статьи о секретаре горкома на него пытались давить дружки Федирки и Шубодерова – смягчить или отозвать статью.

А.А. Кокарев ознакомился со статьей в газете и распорядился, несмотря на то что эти секретари были кандидатами на выдвижение по партийной работе, создать комиссию для

проверки фактов, указанных в статье. И если подтвердится, что банкеты проводились за счет партийного бюджета, то обоим освободить от занимаемых должностей и исключить из партии. Их спасло то, что банкет они провели за счет других источников.

Могу привести пример отношения партийных органов к материалам, опубликованным в краевой газете, из своей практики: в районе проходила отчетно-выборная партконференция. Приехали представители крайкома и журналисты. Конференция прошла нормально, без особых замечаний в работе Мотыгинского района. Меня вновь избрали секретарем. Однако на страницах «Красноярского рабочего» была опубликована большая статья о нашей партконференции. В целом она была положительная, но мне показалось, что в ней были надуманные критические оценки работы партийных организаций района, и по своей инициативе от имени рабочего написал опровержение на имя крайкома и редакции газеты «Красноярский рабочий». Тем более автор статьи – корреспондент газеты – перед конференцией, оказавшись в кругу своих ангарских приятелей вечером в столовой, был задержан за выпивкой, что было запрещено, и доставлен в милицию. Вечером начальник милиции звонил мне и спрашивал, что с ним делать. Я порекомендовал отвезти в гостиницу, если он сам дойти не сможет. Но об этом я не информировал ни редакцию, ни крайком.

Через некоторое время мне звонит заведомо оргпартра-

боты Б.В. Баранов и говорит:

– Что ты затеял спор с редакцией газеты?

Я ему быстро отвечаю, что газете следовало бы помягче наводить критику на работу районной парторганизации. Он меня выслушал, спорить не стал, только посоветовал официально отозвать свои опровержения, и положил трубку.

Но я не отозвал статью и стал настаивать на своем. И вот через день в район одновременно приезжают два инструктора крайкома – Л. Балашов и Ю. Панфилов, только что окончившие ВПШ при ЦК КПСС, и говорят мне, пока одному, что у них есть поручение крайкома поговорить со мной лично. Если мы не будем согласны отозвать свое опровержение, то они с завтрашнего дня приступят к проверке деятельности райкома партии в соответствии со статьей по критическим замечаниям газеты. Вопрос этот нужно было обсудить на бюро райкома партии до 17 часов. Потребовав устроить их в гостиницу, они пошли купаться на Ангару.

Я собрал всех членов бюро райкома, стал с ними советоваться. И мне опытный партработник М.Я. Ким сказал:

– Виктор Андреанович, не надо связываться с краевой газетой. Эти газетчики так могут оболгать, что потом не отмоешься. А когда крайкомовцы начнут проверку, найдут массу недостатков в нашей работе и еще вызовут на бюро крайкома для обсуждения и обвинят.

Все согласились отозвать опровержение – статью не опубликовали.

Вот так реагировали партийные органы на критические статьи, опубликованные в советской печати. А если критика будет в газете «Правда» и подтвердится, то ее обязательно рассмотрят на бюро крайкома партии и сообщат о принятых мерах.

Помнится, в 90-х годах сотрудники редакции газеты «Красноярский рабочий» во главе с главным редактором В.Е. Павловским радовались и ликовали, что они стали хозяевами газеты, приватизировали ее. Получили свободу творчества, отменена цензура... И что же мы видим теперь? Газета «Красноярский рабочий» уже не лидер в крае. Тираж газеты «Наш Красноярский край» в четыре раза больше. Ранее бывшая ежедневным органом Красноярского краевого комитета КПСС, в настоящее время газета – частное, независимое издание. Если когда-то она была пропагандистом и организатором, к мнению редакции прислушивались, на критические статьи газеты реагировали – делали выводы, сообщали о принятых мерах, то сегодня это пустой звук. Газеты в материально-финансовом плане имеют своих хозяев и на них работают. Такая участь постигла и «Красноярский рабочий», ее владельцами являются пять сотрудников редакции. Поэтому с финансированием туго, средств, получаемых от подписки, недостаточно, и не надо удивляться, когда в ней выходят проплаченные материалы толстосумов и дельцов.

М.С. Горбачев в Красноярске

В 1988 году М.С. Горбачев вместе со своей супругой Раисой Максимовной прибыли в Красноярск, побывав и в г. Норильске. Встреча с народом у него была благожелательной, и прямо на улице он останавливался, выходил из машины и отвечал на разные вопросы.

Руководство края во главе с О.С. Шениным запланировало встречу с партийным активом края, чтоб рассказать президенту о сырьевых ресурсах края, и для этой встречи подыскивали нужное помещение. Рассматривался и наш Геологический музей Центральной Сибири. Приходили работники спецслужб, осматривая все углы, но остановились на помещении Института физики Красноярского филиала СО АН СССР.

Открытие совещания должно было начаться с информации красноярских геологов и нефтяников о состоянии минерально-сырьевой базы Красноярского края и перспектив ее развития. Мы с В.Д. Накоряковым на стенах развесили геологические карты и схемы, характеризующие наши открытия и достижения. Но нам дали для доклада мало времени и продолжил информацию директор Института геологии СО АН СССР академик А.А. Трофимов.

Перед совещанием долго ждали появления на нем М.С. Горбачева, он был задержан на территории института наро-

дом. Он вошел в зал с другой двери, откуда его не ждали. Я сидел в середине зала на боковом кресле, готовясь к выходу для доклада, и вдруг передо мной появляется буквально в двух-трех метрах М.С. Горбачев, который стал мне объяснять, почему он задержался:

– Окружила толпа людей, все хотят поговорить со мной, и не буду же я от них бежать.

Я не поверил своим глазам – передо мной с объяснениями стоит сам генсек ЦК КПСС и президент СССР М.С. Горбачев, и чуть было не подал ему руку для приветствия. Стоял человек небольшого роста, подтянутый, как мы его видели по телевидению, я, конечно, встал с кресла, но не промолвил ни слова. К нему подходит Раиса Максимовна, и они начинают о чем-то говорить.

Позже мне подумалось, зачем же на совещание «приперлась» эта женщина – жена президента. Мы ее в это время ждали в геологическом музее, чтобы она посмотрела наши красивые минералы и руды. Для Раисы Максимовны мы изготовили, естественно, геологический сувенир из офикальцита, он остался не врученным и лежит в нашей коллекции до сегодняшнего дня.

Кстати, в советское время все подарки-сувениры изготавливали из натуральных материалов, избегая золота и алмазов. А вот администрация губернатора В. Зубова для Наины Ельциной преподнесла подарок из алмазов и золота стоимостью, как говорили обыватели, в десятки тысяч рублей.

Но вернемся к совещанию.

На него были приглашены по списку 60-70 человек, даже не все секретари крайкомов и руководители крайисполкома. Президиум состоял из М.С. Горбачева, Шенина, председателя Сибирского отделения АН СССР Катюкова, академика А.А. Трофимова и первого заместителя председателя крайисполкома Ю.К. Абакумова. Я не помню уже, кто выступал кроме геологов на этом совещании из других руководителей края, но мне запомнилось в заключение выступление А.Ф. Вепрева – директора Назаровского совхоза. Говорил он речисто, до этого я его не знал. Он поведал нам, что его хозяйство по результатам своей деятельности вышло на мировой уровень по зерну и молоку, сравнимым с США. Ему давали на выступление 10 минут, а он уже подошел к 20. Шенин дает ему знак заканчивать, а он не унимается. Но главное, что от него услышал я, – в стране наряду с колхозным и совхозным государственным производствами нужен конкурент в лице советских фермеров. И вот чтобы это доказать на практике, он отправил своего сына в США для ознакомления с фермерским ведением сельского хозяйства.

Мне думается, М.С. Горбачева заинтересовали идеи А.Ф. Вепрева. Он стал депутатом Верховного Совета СССР и был утвержден на должность председателя комитета по сельскому хозяйству. Мне неизвестна дальнейшая деятельность сына Вепрева в сельском хозяйстве Красноярского края. А вот что касается состояния социально-культурных учреждений

и быта, работающих в Назаровском совхозе в бытность А.Ф. Вепрева, то заместитель председателя крайисполкома В.Н. Семенов мне рассказывал, что они ничем не отличаются от окружающих поселений, районов.

Избрание Аркадия Филимоновича Вепрева губернатором Красноярского края представило ему возможность показать на практике, как дальше вести политику по развитию сельского хозяйства в новых рыночных условиях.

О распаде СССР

В государственной и политической жизни СССР, как и наш край, продолжал наследовать сталинский казарменный социализм – изоляция страны от всего мира и в то же время навязывание ему своего образа государственного устройства – та же, но завуалированная политика мировой социалистической системы, преимущественно в отсталых в экономическом отношении странах или с неустойчивыми политическими режимами – такими как Куба, Никарагуа, Вьетнам, Алжир, страны Африки – Мали, Гана, Гвинея, Эфиопия и другие.

Добиваясь огромных достижений в развитии тяжелой промышленности и других сферах производства, руководство страны забывало во многих отношениях о социальной сфере в жизни простых людей, всецело отдающих себя процветанию Родины – главным образом в обеспечении населения продовольственными и промышленными товарами. Са-

ма система государственного планирования для производства товаров вплоть до спичек была отжившей свой век.

И вот сегодня, после развала СССР, трудно сопоставить, что было в прошлом. И справедливо нас критиковали как страну ватников и, можно добавить, кирзачей, а хорошая одежда и обувь в небольшом количестве шла из стран Восточной Европы, несмотря на то что СССР уже овладел космосом и термоядерным оружием. Ведь насколько я помню, все годы советской власти лишь всего несколько лет при Н.С. Хрущеве в Красноярске свободно продавалось говяжье и свиное мясо. В дефиците всегда были колбасные изделия и мясокопчености. В крае изготовлялось низкокачественное пиво, и то не обеспечивающее потребности жителей, не говоря уже о различных напитках.

В то же время казалось, что все было брошено для развития сельскохозяйственного производства. Достаточно привести пример: из числа Героев Социалистического Труда 55 % были специалистами сельского хозяйства. И, к сожалению, эти недостатки усугублялись с каждым годом, что и привело людей к равнодушию и распаду великого государства, великой империи.

Производительность труда со сталинских времен оставалась ниже, чем в развитых капиталистических странах, в три раза в промышленности и в пять раз в сельском хозяйстве, и вход России в экономику Запада привел к разрушению, ликвидации заводов, фабрик советских времен в связи с их

нерентабельностью в капиталистическом рынке. Сохранился лишь, и то не полностью, оборонно-промышленный комплекс, который ранее развивался практически автономно. И совсем не случайно Россия была вынуждена добывать и продавать свои природные ресурсы: нефть, газ, металл, лес и прочее, которыми возможно было обеспечить экономическое существование России как великой страны.

Любое человеческое общество, будь то капиталистическое или социалистическое, не может жить и развиваться только путем указов и приказов власти, иначе оно напоминает рабовладельчество. Нужна обязательно инициатива масс снизу, их поддержка и предпринимательство, их заинтересованность. А поскольку любой человек по своей натуре собственник, то наряду с государственной собственностью должна обязательно функционировать частная собственность – или конкурировать, или соревноваться. В СССР этого не было. Хороший пример по коллективному крестьянству – оно само распалось.

СССР существовал в мире обособленно. Население его было изолировано от других стран, даже от восточноевропейских, которые входили в наш оборонительный Варшавский блок. Государство всегда имело большой дефицит в иностранной валюте, ею распоряжался лично председатель Совета Министров СССР. Доллары в небольших суммах имели дельцы, занимающиеся подпольным промыслом, старатели, мелкие нувориши, впоследствии ставшие хозяевами

крупных предприятий и недвижимости.

В постсоветское время в Россию хлынул поток иностранной валюты за счет продажи за границу природных сырьевых ресурсов, имеющих бешеную цену, – нефти, газа, черных и цветных металлов, устаревших кораблей, танков и другой военной техники, горного и бурового оборудования. На эту валюту были куплены промышленные и продовольственные товары, автомашины и бытовая техника, причем в избытке, и в стране сами перестали работать, закрыли свои заводы и фабрики, выпускавшие неконкурентоспособную технику и товары. Поэтому сегодняшнее изобилие товаров, лекарств и техники в России нужно относить не за счет того, что она перестроила свою экономику на рыночные отношения, а за счет наших богатств, созданных в период советской власти, а сейчас их только продаем и не восполняем, не воспроизводим.

Свердловский гость

В середине 70-х годов прошлого столетия в Красноярском крае из города Свердловска приехала небольшая делегация для посещения мест ссылки Якова Михайловича Свердлова в Туруханском районе. Возглавлял эту делегацию недавно избранный вторым секретарем Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцин. По этому поводу было организовано в честь руководителя делегации застолье. Меня, большого тогда начальника геологического управления, пригласили

по материальным соображениям, поскольку сметных расходов на гостей у Туруханского района не было, а у геологии в Туруханске был свой ОРС и небольшое производственное геологическое подразделение. Учитывая, что основной гость любил охоту и рыбалку, в программе пребывания делегации предусматривался вертолет для выезда на природу.

Борис Николаевич за столом быстро со всеми познакомился, немного выпив, быстро превратился из гостя в хозяина стола. Стал много говорить, перебивать в разговорах других, рассказывать, как он считал, интересные истории, и его никто уже не останавливал. Ладонь левой руки, без нескольких пальцев, которые он потерял при несчастном случае, он аккуратно прятал, но в то же время пытался неоднократно обнять за талию пышную официантку. В общем, он мне показался веселым и нескромным парнем, простоватым в общении. Много лет спустя, уже после своего президентства, в желтой прессе появилось сообщение, как Борис Николаевич был личным гостем президента США Билла Клинтона. В ней рассказывалось, что при каких-то обстоятельствах он шлепнул по заднему месту супругу президента США, и она была крайне возмущена и потребовала удалить гостя. Но Клинтону все же удалось ее успокоить, сказав: «Ты ему сильно понравилась, и в России существует такой народный обычай, когда употребляют такие действия».

Трудно верить в такие эпизоды нашего бывшего президента России, но вот прошлое красноярское застолье не исклю-

чение – уж больно он при употреблении алкоголя простоват в своих поступках.

Будучи президентом РФ, Б.Н. Ельцин приезжал в Красноярск. Администрация губернатора В. Зубова устроила на теплоходе «Антон Чехов» «деловую» его поездку по Енисею, и на одной из стоянок теплохода было устроено купание, в котором по неизвестным причинам воздержался принять участие его секретарь В. Костиков. Тогда Б. Ельцин распорядился сбросить его с верхней палубы в Енисей, как сделал в свое время Степан Разин с персидской особой. И так как Ельцин занимал высокую государственную должность, это выполнили, конечно, но данный случай не получил широкой огласки.

Всесоюзное совещание о кооперативах

Насколько мне помнится, это совещание состоялось в Москве в феврале 1989 года. Оно проходило в Кремлевском дворце Съездов. На его участие Мингео СССР отправило 16 представителей, в число которых попал и я. Разместили нас в разных гостиницах города, причем непрестижных, но подавали хорошие автобусы для приезда в Кремль. Даже специально для нас в утреннее время открывался для посещения музей В.И. Ленина.

В зале появились все члены Политбюро ЦК КПСС во главе с М.С. Горбачевым, по новым демократическим правилам высокое руководство участники совещания не встретили да-

же своим вставанием из кресел, не говоря об аплодисментах. И мне здесь сразу вспомнилось кремлевское совещание 1964 года, проведенное Н. Хрущевым, которого встретили бурными аплодисментами, длившимися несколько минут. Вот так М.С. Горбачев показал к себе неуважение.

Открыв совещание, доклад представил председатель Совмина СССР Н.И. Рыжков. Он по времени был не более часа. Суть и задача настоящего совещания – создание кооперативов при промышленных и других организациях Союза по производству товаров народного потребления с одновременным обеспечением выполнения государственных планов и заданий. Произведенная кооперативами продукция по усмотрению кооператоров реализуется по рыночным ценам, в том числе и за границу, то есть подразумевалось использование предприятиями своих внутренних ресурсов для повышения доходности, получения прибыли. Это было в какой-то степени заимствование от существующих в то время в золотой промышленности старательских артелей. Артель получает от государства месторождение золота, объект, технику, материально-техническое снабжение, на добровольных началах образуется временный рабочий коллектив, проводят добычу металла и сдают его предприятию, при котором оно было создано, не платя при этом налогов и не неся социально-бытовых затрат. Получает высокую оплату труда, при хорошей организации производства, а председатели артелей становятся советскими нуворишами, подкупая

дирекцию предприятий и местную власть.

Создание кооперативов при государственных производствах – та же технология, что и у старателей. Материальные и финансовые ресурсы для создания кооперативов обеспечивались предприятиями по существующим государственным ценам, а реализация созданного предмета потребления происходила по рыночным ценам, которые во много раз выше государственных цен. Наживался кооператив, который содержался под боком у предприятия.

Однако на высоком совещании эта практика расточительства была одобрена. Некоторые выступающие захлеб рассказывали, как они обогатились, сколько выдали товаров и изделий для потребления. С тем мы и разъехались по домам. Мы, геологи, тоже этим занимались, но немного. В частности, заготовкой леса и продажей его за границу, покупая на выручку импортную электронную технику, но немного.

Александр Иванович Лебедь

Опальному генералу, когда он стал губернатором, никто не задал вопроса: «Зачем ты едешь в Красноярский край? За славой? Но ведь ее надо заработать, заслужить. Ведь ты не знаешь даже географии края, его экономики, людей. Здесь не с кем тебе воевать, в полном смысле этого слова».

И что поразительно, этот генерал, используя свою волю, характер, жажду власти, финансовую поддержку московских олигархов и некоторых из местной политической элиты, без

особого труда вошел в губернаторский кабинет. Наверное, он все-таки думал, что после правления огромным сибирским краем он с победой въедет в российскую столицу.

Как говорят политологи, наши люди голосуют на выборах сердцем, но ведь для этого нужно знать человека, за что-то любить. Нам всегда нужен кто-то новенький, и еще лучше, если он из заморских.

На первых же порах Лебедь отправил в тюрьму двух бывших заместителей губернатора, третий сам сбежал в московскую психлечебницу. Подбирал ключи и к В. Зубову, как потом он говорил. Растущего местного предпринимателя за нелестные о нем отзывы нашел за границей и упрятал в тюрьму, несмотря на то что он поддерживал Лебеда на выборах.

Он привез женщину в качестве своего заместителя по недропользованию, которая в крае никогда не работала, потом ее уволили, а закончилось дело судебным протестом. Привез в край для своей поддержки людей, которые ему были близки по Молдавии и Москве. В назначении кадров он ни с кем не советовался. Возмущение было вызвано только назначением своим заместителем одной московской особы, которая вызвала зависть местных модниц – дорогими шубами.

А. Лебедь часто появлялся на телевидении, много ездил по краю, встречался с главами новых субъектов Федерации, но склонить их вернуться в край не сумел. А нам он объявил, что государство в работе будет помогать только крепким хо-

зьяствам, бывал в Норильске и на золотых предприятиях Северо-Енисейского района. Человек, конечно, деятельный и энергичный, но изменить жизнь в крае к лучшему он не мог. Сама обстановка во всей России была сложной. Семья его жила в Москве, а сюда несколько раз приезжала его супруга, сам он поселился в резиденции «Сосны».

А.И. Лебедь вел активную работу по созданию в крае кадетских корпусов, внедрил в практику проведение в День Победы военных парадов, которые сам и принимал. Однако в то время в крае были закрыты два военных училища, сокращалось присутствие военных частей. Был спортсменом, играл в качестве вратаря за команду местных чиновников юга края.

С народившимися тогда политическими партиями он не конфликтовал, хотел им понравиться, например, коммунистам, которые в то время еще имели авторитет в народе.

Константин Устинович Черненко

Наш земляк родился в Новоселовском районе. В свое время принимал активное участие в партийно-политической жизни и избирался секретарем Красноярского крайкома по идеологии. Затем был переведен на работу в Москву. Работал вместе с Л.И. Брежневым в ЦК Компартии Молдавии и с ним же перешел на работу в КПСС.

Для всех, конечно, было неожиданно его избрание Генеральным секретарем ЦК КПСС после смерти Ю.В. Андропо-

ва, поскольку в партии он работал на вторых, но ответственных постах в качестве заведующего отделами.

Работая в центральных партийных органах государства, он не оборвал связи с краем и его жителями. Рассказывали такой случай. Случайно один из его детских и юношеских друзей, пребывая на южном курорте, написал К.У. Черненко пожелание с ним встретиться. Ответ пришел мгновенно – сообщи, когда и каким рейсом самолета, поезда приезжаешь в Москву, и тебя встретят.

Встретили, разместили в одноместном номере лучшей московской гостиницы и предупредили, что может проживать в ней по своей надобности, проживание будет оплачено Черненко. На другой день в назначенное время за ним пришла машина, и его увезли в ЦК КПСС. Там в одной из комнат состоялась встреча друзей детства. На столе стояла бутылка дорогого коньяка и легкий завтрак. Черненко не выпил, но пригубил рюмку коньяка. Беседа продолжалась 15-20 минут, затем, извинившись, Черненко попрощался.

Известно, что К.У. Черненко помог краю получить разрешение на строительство аэропорта в Емельяново, оросительной системы полива земель в Новоселовском районе.

В наш геологический музей он приехал в сопровождении П.С. Федирко и сказал, что хотел восстановить в памяти, какими ископаемыми богат наш край. Я ему рассказал об этом, вручил скромный геологический сувенир. В тот же день вечером он встретился с краевым партактивом в

здании крайкома. Мне запомнились его слова, сказанные на этом активе: «Руководству страны известны социально-экономические условия жизни населения, их нужно серьезно улучшить, больше выделять средств на общественные фонды потребления. Однако мы вынуждены обеспечивать крепкую оборону страны, а наши генералы требуют все больше и больше средств на ОПК».

Мне тогда показалось, что у П.С. Федирко очень теплые отношения с К.У. Черненко. Я даже подумал, что наш Федирко укатит в Москву, и стал пророчить ему должность: министром общего или среднего машиностроения СССР, или станет секретарем ЦК КПСС по обороне – была такая должность.

Во время руководства страной К.У. Черненко повысил ранг красноярцу В.И. Долгих, избрал его кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, думается, с прицелом выдвинуть его на должность председателя Совмина СССР, где тоже стоял человек, заслуживающий отдыха, – Тихонов. И даже в тот год впервые на торжественном собрании по случаю годовщины со дня смерти В.И. Ленина с докладом поручили выступить В.И. Долгих. Но здоровье К.У. Черненко не дало ему возможности управлять страной.

В г. Красноярске поставили памятник К.У. Черненко, и по какой-то причине, связанной с выступлением против него политических недоумков, его перенесли в Новоселово. Надо гордиться тем, что наш земляк был хоть немного времени,

но главой великой советской империи, и он не допустил бы распада СССР, как это сделал М. Горбачев.

Петр Фадеевич Ломако

Это выдающийся государственный и политический деятель, внесший большой вклад в развитие тяжелой промышленности СССР. Герой Социалистического Труда, награжден орденом Ленина и другими правительственными наградами. Много сделал для развития Норильского промышленного района и т. д. Все это так, но я хотел бы рассказать о Петре Фадеевиче в ином плане, мы встречались с ним в различной обстановке.

П.Ф. Ломако сделал очень много для развития Норильска, в становлении развития алюминиевой промышленности СССР, разместив крупные заводы вблизи строящихся ГЭС. А вот золотодобывающую промышленность Минцветмет довел, как говорится, до ручки. Золотая промышленность находилась в годы войны в ведении НКВД СССР, и из нее выдавили все, а с переходом в Министерство цветной металлургии СССР положение там не изменилось. Отрабатывались в основном россыпные месторождения золота по традиционной простой технологии, при избыточной рабочей силе. Золото стране давалось дешево, и не требовалось больших капитальных затрат на совершенствование производства и создание нормальных социально-бытовых условий для населения, работающего на приисках.

В этом я лично убедился, побывав в основных золотодобывающих районах Сибири и Дальнего Востока – на Чукотке, Колыме, в Якутии, Забайкалье. Да что далеко ходить, взять золотую промышленность Красноярского края – рудники Коммунарковский, Артемовский, Саралинский и тот же Советский – это же вчерашний день по сравнению с другими новыми предприятиями черной, да и цветной, металлургии СССР.

В начале 60-х годов П.Ф. Ломако, будучи председателем Красноярского совнархоза, прилетел на арендованном самолете Ли-2 в Северо-Енисейский район в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета СССР для встречи с избирателями. Район, особенно руководство Северо-Енисейского рудопроектного управления, надеялись с его помощью решить ряд вопросов в жизни и работе населения. За более ста лет этот район ни разу не посетил ни царь, ни советский министр, ни первый секретарь Красноярского крайкома.

Встреча с избирателями была назначена на вечер, поэтому Ломако был вынужден остаться на ночлег. Днем его повезли на Соврудник, там приготовили одежду для спуска в шахту. Но он от приглашения спуститься в забой отказался – вышел из машины, осмотрел копер шахты, не пошел и по технологической линии доставки руды на фабрику. Подъехал к деревянной фабрике и только сказал: «Демидовское производство», – и порекомендовал ее использовать для кинохроники. При беседе в рудопроектном управлении ему

показали большой штуф кристаллического свинца, недавно найденного в канаве вблизи Григорьевского ключа, на что он сказал: «Геологи много раз меня обманывали», – и не проявил интереса к этой находке геологов.

Главной проблемой для руководства района было организовать ночлег высокого гостя. В поселке была гостиница – заежка, где не было ни одного отдельного номера в деревянном полубараке и теплого туалета. Его не было и ни в одной квартире поселения. Что делать? В центре поселка была отремонтирована одна квартира, но тоже без коммунальных удобств, сортир на улице, не ставить же ему ведро с водой. Нашли новую кровать с панцирной сеткой, застелили пол и стены коврами. Сортир на улице, а Е.И. Бодягин предупредил начальника ЖКХ Ф. Репина утеплить его и вычистить.

Встреча с избирателями Северо-Енисейского района, как тогда говорили, прошла на высоком политическом уровне, зрительный зал дома культуры был забит до отказа. Избиратели активно выступали, говорили о своих трудовых достижениях, никто не жаловался на недостатки, на свою горькую судьбу, давали наказы новому кандидату в депутаты, и он встречей остался очень довольный.

После встречи повели его в столовую на ужин, там ему приготовили стол из местных даров природы: брусники, грибов, рыбы, боровой дичи. Ему ужин понравился, он много шутил и высказывал благодарности поварам и обслуживающему персоналу. Привели на ночлег и пожелали спокойной ночи, а помощнику

напомнили, где находится сортир.

Утром П.Ф. Ломако вместо утреннего приветствия буквально набросился на Бодягина со словами:

– Кто тебе здесь доверил такое крупное золотодобывающее предприятие, когда ты даже не можешь построить теплый туалет? Я в твоём сортире утром чуть я... не отморозил.

Отказался от завтрака и потребовал немедленно отвезти его в аэропорт. В общем, после этого разноса больше делового разговора уже не последовало. При прощании Бодягину даже руку не подал и улетел из Северо-Енисейска рассерженный и недовольный. Проклятый сортир испортил все дело.

Проводя гостя, пошли смотреть, что же представлял собой сортир? Не вычищен, не утеплен, гуляет ветер, а на дворе стоит лютый мороз под минус 50. Ф. Репина, бывшего работника исправительных лагерей, снимать с работы за это не стали, поскольку на его собачью должность охотника в районе не нашлось.

Потом Петр Фадеевич снова стал министром цветной металлургии СССР, разместился в новом высотном здании на Калининском проспекте Москвы. В золотой промышленности Красноярского края произошел групповой несчастный случай, на руднике погибли два забойщика. В тресте «Енисейзолото» наказали непосредственных начальников ЧП на руднике, но Министерство ЦМ СССР решило привлечь к ответственности и главного инженера треста А.С. Сычева

как ответственного за безопасность горных работ. Состоялась коллегия министров, где произвели разбор несчастного случая. Ломако как председатель коллегии должен сделать заключение и определиться с дисциплинарным взысканием. Он подошел к открытому окну зала коллегии, посмотрел с высоты седьмого этажа и говорит прямо в лицо Сычеву:

– Вот тебя бы нужно за гибель горняков выбросить через окно на улицу, но ведь ты можешь своим телом убить прохожих...

Решением коллегии Сычеву объявили строгий выговор с предупреждением. Однако он вышел в приемную, не мог вынести такого оскорбления и сразу написал заявление об увольнении с работы.

П.Ф. Ломако не забывал юмор. Как-то к нему зашел зам. П.Жмурко, он ему и говорит:

– Ты Петр, и я Петр, но нам с тобой в работе не хватает Петра Первого.

Почти через 30 лет после открытия объединение «Красноярскгеология» закончило геологоразведку Талнахско-Октябрьского месторождения. Был сделан генеральный подсчет запасов, которые утверждены в ГКЗ СССР с высокой оценкой. Однако Минцветмет СССР отказался ставить на свой баланс сырьевой базы запасы, которые находятся на глубине ниже 1600 метров от поверхности.

Мингео СССР не стало вести с Минцветмет СССР борьбу, объект закончен и сдан, а количество металла в тоннах

уже не имело значения. А вот для «Красноярскгеологии» это было очень важно, поскольку в геологическом задании, утвержденном Госпланом СССР, количество запасов было одним из главных экономических показателей, отражающим результаты работы предприятия.

Наши геологи настояли, чтобы я ехал в Москву и добивался справедливости – занижают наши результаты работ в количестве разведанного металла.

Минцветмет свои действия объяснил просто: добычу металла ниже отметки 1600 метров по техническим причинам в то время производить было невозможно, а засорять свой баланс неактивными запасами они не заинтересованы. Поскольку этот вопрос не решается на уровне чиновников министерства, я решил идти прямо к министру. В приемной мне не отказали от встречи.

Захожу к Ломако, представился. Он не предложил мне сесть, спрашивает:

– Зачем пришел?

Я начал ему объяснять издалека. Он до конца меня не дослушал и говорит:

– Иди к моему заму, который занимался сырьевой базой министерства.

Пришел к замминистра. Принял меня человек по национальности осетин, фамилию сейчас не помню. Я знал лишь о нем, что он одно время работал в Норильске и является свояком В.И. Долгих, его сын женат на его дочери. Человек го-

рячий, кавказец, отличался большой властью и положением родственника. Он категорически отказался даже вести беседу на эту тему – эти запасы норильскому комбинату не нужны, к ним он никогда не подойдет. Я ему напомнил, с каким трудом нам удалось разведать объект, и заикнулся, что в таком положении я буду вынужден обратиться в вышестоящие органы, на что он среагировал мгновенно: «Иди куда хочешь!» – и фактически выгнал меня из своего кабинета. На меня нашли зло и обида. Геологи им открыли и разведали крупнейшие в мире месторождения, а они к нам относятся как к батракам. Ну настоящий мерзавец. А кому на них жаловаться, когда они ближе к власти, чем геологи? В Совмине СССР у меня не было знакомых людей с большой властью, а знакомый геолог Э.Ю. Совченко, референт по природным ресурсам Тихонова, был человек по характеру мягкий и связываться с «цветниками» не будет.

После обеда я пошел на старую площадь в ЦК КПСС, в отдел тяжелой промышленности к инструкторам-геологам, рассказал об всем, и они мне организовали встречу с зав. сектором цветной металлургии Федоровым, который меня внимательно выслушал, потом с кем-то переговорил из руководства отдела по телефону и назначил на следующий день к 11 часам утра встречу по решению моего вопроса, заказал пропуск в здание ЦК. На заседание пришел тот замминистра, который выпроводил меня из своего кабинета, председатель ГКЗ СССР А.М. Быбочкин, представитель Госплана

СССР и первый замзавотдела ЦК КПСС Сергей Алексеевич Баскаков, который приветливо мне улыбнулся, как старому знакомому, хотя первая с ним беседа состоялась более 10 лет назад, когда мою кандидатуру рассматривали на предмет работы в аппарате ЦК КПСС в качестве инструктора.

Объяснения прошли с обеих сторон. Я говорил о наших физических и финансовых затратах, понесенных при разведке месторождения полезных ископаемых в столь сложных горно-геологических условиях, а Минцветмет СССР отказывался принять запасы металлов для эксплуатации.

Результат встречи определило выступление председателя ГКЗ СССР Алексея Мироновича Быбочкина, который ранее бывал у нас в Норильске и ознакомился с месторождением. Он сказал примерно следующее: на глубине ниже 1600 метров «Красноярскгеология» в соответствии с утвержденной государственной программой провела работы в соответствии со всеми требованиями. Количество и качество запасов металлов подтверждены бурением и лабораторными исследованиями и не подлежат сомнению. И они утверждены в ГКЗ СССР. Да, сегодня эти запасы невозможно извлечь, но идет научно-технический прогресс в горном деле, и со временем они будут извлекаемы. ЦК КПСС обязал Минцветмет СССР принять запасы на свой баланс.

Когда мы вышли в приемную, замминистра зло на меня посмотрел и, не простившись ушел.

Почему я сегодня вспомнил эту историю? Через тридцать

лет в одной из центральных газет появилось сообщение: Норильский филиал «Норникеля» начал подготовительные работы по проходке сверхглубоких стволов для отработки запасов рудника Скалистого глубиной до 2000 метров, тех запасов, от которых министерство когда-то отказалось.

Последний раз я встречался с П.Ф. Ломако в середине 80-х годов. Мне позвонил второй секретарь Красноярского крайкома КПСС Л.Г. Сизов и дал распоряжение завтра к 12 часам дня прибыть на Ачинский глиноземный комбинат на совещание, которое проводит министр цветной металлургии П.Ф. Ломако по вопросу дальнейшего развития комбината. Нужно быть готовым по вопросам состояния сырьевой базы алюминиевого сырья в Центральной Сибири.

В назначенное время я был в Ачинске и принял участие в рассмотрении программы развития комбината. Собрались эксперты, руководители и проектировщики. Ломако как председатель слово предоставил главному инженеру проекта. Мужчина небольшого роста, худенький, стал докладывать, и видно, что волнуется. Ломако раз его оборвал, второй, и на глазах у всех докладчик как сноп падает на пол. Подбежали люди, подняли и отвели его в приемную. Ломако как ни в чем не бывало спрашивает, кто продолжит доклад, сразу нашелся заместитель главного инженера и продолжил начатое сообщение.

Прошло около пяти минут, вдруг Ломако спрашивает: «Он еще живой?» – сказали, что сердечный приступ. Полез

в карман пиджака и говорит, что у него есть сердечные импортные таблетки и может дать.

Предоставил и мне слово о сырьевой базе. Я ему доложил, что геологами рядом в Шарыповском районе создана запасная сырьевая база для Ачинского комбината. И, кроме того, в Туве открыто крупнейшее и богатое Боянкольское месторождение нефелиновых сиенитов. Он мне дал даже сказать о его химических характеристиках и говорит:

– Ты еще будешь нам рассказывать об открытии месторождений на Северном полюсе?

И я здесь огрызнулся:

– Минцветмет привыкло получать от геологов месторождения рядом с их предприятием, пример – Норильск.

Он вспылил, и не знаю, чем бы это закончилось, если бы не вступил в разговор Л.Г. Сизов, который заглушил конфликт.

Вот таков был нравом и характером бывший сталинский нарком, таким он мне запомнился. Он чем-то был похож на другого железного сталинского наркома – Лазаря Кагановича. Может быть, отличался от него одним – не давал волю своим кулакам.

Петру Фадеевичу одному из немногих министров дали возможность возглавлять министерство до 80 лет. Он в свое время заметил В.И. Долгих и привел его на должность директора Норильского комбината, и тот же не остался в долгу у Ломако. Став секретарем ЦК КПСС, способствовал его

долгой работе. Когда при М.С. Горбачеве были объединены два министерства – цветной и черной металлургии, то Ломако протестовал, писал доклады в ЦК, но его уже никто не слушал, и он сильно переживал, а Долгих уже сам был отправлен на пенсию.

Василий Николаевич Увачан

Первый секретарь Эвенкийского окружного комитета КПСС, советник председателя Совета Министров РСФСР по национальным вопросам. Я его знал и состоял с ним в дружеских отношениях.

Василий Николаевич по возрасту был старше меня, но это не мешало нашему общению. С ним я познакомился в период моей работы секретарем Северо-Енисейского райкома партии.

Он тогда по причине нелетной погоды в Туре ненадолго остановился в нашем аэропорту Соврудник, я его встречал и провожал, вел с ним разговоры, беседы на разные житейские темы. Он тогда несколько раз высказал мне свою просьбу. В Северо-Енисейском районе кочевали семейные общины эвенков, занимались охотой и вели самостоятельный образ жизни. Они со своими небольшими стадами оленей жили вблизи поселков Пит-Городок, Немуни, Тея и Вельмо. И вот он просил меня выжить их из района, чтобы они возвратились в Эвенкию, вступили там в колхозы и совхозы. Я, конечно, никаких ему обещаний не дал и считал это несерьезным

делом. Кроме того, он проявил желание передать из района в Эвенкию поселок Вельмо, где жили старообрядцы.

Потом, когда я стал руководителем геологической службы региона, то трижды бывал в Туре, столице округа, и встречался с В.Н. Увачаном. Поездки были связаны с приездом в край ответственных работников ЦК КПСС, которые решали вопросы усиления геологоразведочных работ на территории Эвенкии, имевшей большую территорию. Геологоуправление в то время не имело здесь своих стационарных геологических экспедиций, работали сезонно многочисленными партиями поисковиков.

Василий Николаевич был очень гостеприимным человеком. Работники пищеблока забивали молодого оленя и из него готовили национальные блюда. Сам он не выпивал. Он очень был заинтересован в геологических открытиях крупного масштаба, поскольку знал, что с традиционным образом жизни у Эвенкии нет будущего, наступила цивилизация, и кочевой образ жизни не обеспечивал эвенкам нормально-го существования. Национальные амбиции у него были высокие. Человеком он, конечно, был властным, самолюбивым и очень болезненно реагировал на все критические замечания в адрес эвенков и в целом Эвенкии. Он хорошо и глубоко знал историю своего народа и ценил его быт. Никому не прощал критику Эвенкии и себя лично.

Много учился, окончил пединститут, Академию общественных наук при ЦК КПСС, имел ученую степень докто-

ра исторических наук и одно время был преподавателем в институте в г. Красноярске. Он заслуженный деятель науки РСФСР.

Еще ближе я с В.Н. Увачаном познакомился в конце 60-х годов во время пребывания в санатории ЦК им. Фрунзе в Сочи, там он отдыхал вместе со своей супругой, русской по национальности. Однажды он организовал культурное мероприятие с отдыхающими в Сочи космонавтами. Их закрытый санаторий находился недалеко от нашего, там тогда отдыхала Валентина Терешкова, и она нас поила чаем. Николаева с ней не было.

Увачан тепло и заботливо относился к своим местным геологам, занимающимся добычей и обработкой исландского шпата. Музей исландского шпата в п. Туре был лучшим в СССР.

В своих выступлениях на партийных активах он любил говорить об успехах в развитии оленеводства, и когда один из краевых чиновников стал критиковать его, что фактически количество оленей в Эвенкии сократилось, то он стал его политическим противником. Увачан неоднократно на партийных активах подчеркивал, что эвенкийский народ из феодализма, минуя стадию капитализма, вошел в социализм, опровергая принятую теорию развития общества. Все это, конечно, у нас, знающих Эвенкию, вызвало только усмешку.

Интересные были его суждения о работе с руководящими кадрами в СССР И.В. Сталина. Как он мне говорил, Сталин

якобы сам подбирал себе надежных людей по происхождению из рабочих и крестьян численностью сто человек и потом их тасовал. Тех, кто проваливался на работе и оказывался негодным и не преданным, он жестко изгонял из своей номенклатуры, других переводил с места на место, к этой категории «сотников» он причислял и себя.

Василий Николаевич, безусловно, – выдающаяся личность среди коренных народов Севера, в частности, эвенков. Он выглядел рослым человеком, упитанным, благообразным, с внимательным и доброжелательным взглядом и хитровой улыбкой. На трибуне держал себя свободно, и видно, что всегда к выступлению хорошо готовился. Он политик и всегда думал о своем народе, представлял себя его вождем, в узком, конечно, понимании.

Последняя моя с ним встреча произошла в стенах гостиницы, он только что поговорил по телефону с секретарем ЦК КПСС И.В. Капитоновым и пожаловался, что крайком его не рекомендует в кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР от Эвенкии, предлагает какого-то эвенка производственника. Капитонов пообещал рассмотреть его просьбу положительно, и В.Н. Увачан уже в который раз был избран депутатом. И вскоре он уехал в Москву работать в должности советника председателя Совета Министров РСФСР М. Соломенцева по национальным вопросам.

В.Н. Увачан в Красноярском крае и особенно в Эвенкии оставил о себе добрую память, он был заслуженным и уважа-

емым человеком, крупным государственным и общественным деятелем, достойным сыном эвенкийского народа.

Владислав Владимирович Смирнов

Наша дружба началась с 1963 года, когда он был начальником Раздолинского сурьмяного рудника, а потом и директором Северо-Ангарского золотосурьмяного комбината. Человек из уральской рабочей семьи, он окончил Магнитогорский горно-металлургический институт. Все трое детей из этой бедной семьи (у В.В. Смирнова были брат и сестра) стали горными инженерами и посвятили свою трудовую деятельность Сибири.

Этот удивительный по скромности, порядочности и деловитости человек прошел все ступени профессионального роста от мастера до директора объединения «Енисейзолото». Все эти годы мы с ним совместно работали, и я, может быть, в какой-то степени способствовал продвижению его по служебной лестнице. Мы с Владиславом Владимировичем дружили семьями и жили в одном доме в Красноярске.

Переехав в Красноярск, оба стали руководителями – он золотой промышленности края, а я геологии. Вместе организовывали производство кристаллического периклаза. Совместно решали задачу создания сырьевой базы золота в Северо-Енисейском и Мотыгинском районах, что позволило Красноярскому краю из отсталого по золотодобыче превратиться в один из первых золотодобывающих районов России.

Однако с распадом СССР наши производства оказались не у дел – оба распались, прекратили свое существование, и мне очень жаль, что с В.В. Смирновым так бесчеловечно и грубо поступили администрация Красноярского края и Главлото, отстранив его группу золотопромышленников Сибири от руководства работой Олимпиадинского золоторудного месторождения, предпочли отдать объект в руки кавказским нуворишам – председателю старательской артели «Полюс», на коррупционной основе. Обесславили большого человека и специалиста горного дела. Умер он от рака легких. Пусть земля ему будет пухом.

О памятнике геологам в Красноярске

Известно, первыми в Сибирь пришли дружины донских казаков – завоеватели восточных земель Российского государства. Потом за ними последовали путешественники, географы, полярники и, наконец, исследователи недр – геологи. Об их заслугах перед государством и пойдет речь.

Красноярские геологи с 1943 года, с момента образования производственной геологической службы в составе Красноярского геологического управления, позже производственных объединений «Красноярскгеология», «Енисейнефтегазгеология» и «Енисейгеофизика» на территории Центральной Сибири (Красноярский край, республики Хакасия и Тува), оценивали эту территорию как единый крупнейший промышленно-сельскохозяйственный экономический реги-

он России. Они выполнили огромный комплекс геологических исследований, в частности:

1. Территория Центральной Сибири была покрыта государственной геологической съемкой, проведены геологосъемочные, геофизические и гидрогеологические исследования масштаба 1:200 000, а в промышленных районах 1:50 000 и в более крупных масштабах. Таким образом, была создана научная картографическая основа для прогнозирования и проведения всех видов поисковых и геологоразведочных работ на все виды полезных ископаемых;

2. В начале 1960-х годов геологами были открыты уникальные Талнахское и Октябрьское месторождения медно-никелевых руд и платиноидов на Таймыре. В результате спасли от гибели Норильский горно-металлургический комбинат и сам город Норильск, так как к тому времени были отработаны богатые руды на известных месторождениях, а оставшиеся запасы вкрапленных руд не обеспечивали рентабельность производства. Тридцатилетняя геологоразведка месторождений обеспечила работу комбината преимущественно богатыми рудами на целое столетие.

Кроме того, в Норильском промышленном районе были открыты и разведаны месторождения других видов сырья, необходимого для технологии металлургического производства. Район был обеспечен подземными источниками водоснабжения и газоконденсатными месторождениями на Таймыре. Благодаря сырьевой базе комбинат получил воз-

возможность своего автономного развития. Сегодня из талнахско-октябрьских руд извлекается 14 элементов таблицы Д. Менделеева, Норильский комбинат производит около 17 % всего мирового объема никеля и десятки процентов палладия и платины;

3. В Нижнем Приангарье открыты и разведаны месторождения Ангаро-Питского железорудного бассейна гематитовых руд с запасами свыше 5 млрд тонн. Бассейн является сырьевым резервом железа РФ. Кроме того, в этом районе разведаны и месторождения магнетитовых железных руд;

4. В нижнем течении Ангары открыто и разведано Горевское месторождение свинца, цинка, серебра и кадмия. Месторождение входит в тройку крупнейших в мире по запасам свинца, и несмотря на то что оно на одну треть находится под руслом реки, оно рентабельно для разработки;

5. На севере Красноярского края открыты и разведаны месторождения Попигайских импактных алмазов, запасы которых обеспечивают техническими алмазами все потребности России на неограниченный срок;

6. На открытых месторождениях юга Красноярского края и Республики Хакасия работают Сорский молибденовый комбинат, Тейский, Абаканский, Ирбинский, Краснокаменский железные рудники, Кибик-Кордонский комбинат мраморов. Здесь подготовлены месторождения для промышленного освоения голубого асбеста, золота, аграрного сырья, титана, уртитов, для производства глинозема и строительные

материалы. На востоке края подготовлено крупнейшее месторождение меди и никеля – Платье-Кингашское.

7. На Енисейском кряже в Северо-Енисейском районе открыто уникальное Олимпиадинское золоторудное месторождение и другие, запасы золота которых превышают имеющийся золотой запас Российской Федерации. Практически создана новая по генезису сырьевая база Сибири, промышленное освоение которой вывело Красноярский край на первое место по золотодобыче в России;

8. В Республике Тува по экономическим обстоятельствам долгие годы не решался вопрос строительства железной дороги, и лишь благодаря геологам в республике за последние двадцать лет советской власти была создана крупная минерально-сырьевая база каменного угля, черных, цветных и редких металлов, урана, глиноземного сырья, здесь полный набор строительных материалов. Стало экономически целесообразно строительство железной дороги Курагино – Кызыл при необходимости дальнейшего ее продолжения до Монголии, Китая, Индии и Пакистана;

9. На территории Центральной Сибири частично разведаны и эксплуатируются крупнейшие угольные бассейны: Канско-Ачинский, Минусинский, Улуг-Хемский, Тунгусский и Таймырский, которые составляют основную сырьевую базу угля России;

10. На севере края создана вторая после Тюмени Восточно-Сибирская нефтегазовая сырьевая база, часть которой

уже разрабатывается на Ванкорском месторождении нефти, строятся там и нефтегазопроводы на юг края и в Китай;

11. Красноярские геологи обеспечили многие города и рабочие поселки подземным водоснабжением, создана сеть геологических скважин в засушливых районах для обеспечения водой отгонного животноводства. Открыты и разведаны месторождения минеральных и термальных вод, на базе которых построены санатории, дома отдыха, а также осуществляется их реализация в розничной торговле.

Это далеко неполные сведения выполненных геологами научно-производственных работ в регионе. В общей сложности документально подтверждено: на территории Центральной Сибири красноярскими геологами открыто около 1750 месторождений и рудопроявлений, в том числе марганца, кобальта, хрома, сурьмы, ртути, вольфрама, лития, ниобия, тантала, бериллия, исландского шпата, баритов, флюоритов, фосфоритов, каменной соли, цеолитов, графита, слюды, талька, магнезитов, кварцсамоцветов и других полезных ископаемых. Суммарная стоимость разведанного сырья в недрах оценивается более 2,3 трлн долларов.

Трудовые заслуги геологов в развитии производственных сил Красноярского края очевидны. Три производственных коллектива геологов стали орденоносными. За выдающиеся открытия месторождений полезных ископаемых отдельным группам геологов присуждены звания лауреатов Ленинской государственной премии СССР.

Вспоминаются благодарственные слова в адрес геологов председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина (Норильск, 1967 г.), к которым он добавил:

– Сельское хозяйство кормит людей, а геологи – промышленность.

В 1980-х годах объединение «Красноярскгеология» для строительства своего административно-производственного корпуса снесло по ул. Карла Маркса целый квартал деревянных домов, предусмотрев и площадку для сквера, где хотели разместить геологический музей под открытым небом, а в центре его соорудить памятник – в полный рост полевого геолога, в руках которого молоток и кусок руды. Но, к большому сожалению, наша мечта не осуществилась – распад СССР, затем ликвидирована региональная производственная геологическая служба в лице «Красноярскгеологии».

В конце 1990-х годов мы пытались снова поставить памятник геологам через красноярские городские власти, вели переговоры о выборе площадки, но все упиралось в финансирование этих работ. Оставшиеся после ликвидации «Красноярскгеологии» мелкие геологические подразделения сами остались без финансирования, не говоря уже о средствах на памятник.

Сохранить память о деятельности геологов в их золотой век созидания решила группа геологов-ветеранов горно-геологической компании «Красноярскгеология» – В.В. Некос, Б.М. Афанасьев, Г.Д. Назимков, С.Г. Рычкова и я.

При поддержке научно-производственной геологической общественности в течение почти десяти лет на общественных началах они попытались воссоздать историю геологических работ в Центральной Сибири через биографии видных исследователей недр, сохранить для потомков имена и увековечить их персональный вклад в создание уникальной минерально-сырьевой базы региона. В апреле 2016 года был издан уже 10-й выпуск «Исследователи недр Центральной Сибири», в которых охвачено более двух тысяч персоналий, но этого мало.

За период геологических исследований Центральной Сибири через производственные геологические организации ориентировочно прошло более 300 тысяч человек, целые геологические коллективы. В них работали тысячи дипломированных специалистов со всего Советского Союза – геологов, геофизиков, гидрогеологов, буровиков, инженеров-исследователей минерального сырья. В 1980-е годы на территории Красноярского края в производственных геологических организациях численность работающих составляла до 30 тысяч человек.

Идея сооружения памятника геологам в г. Красноярске сохраняется, и она вполне выполнима. В Красноярске работают выдающиеся архитекторы и скульпторы, в частности Арэг Саркисович Демирханов и Константин Зинич, которые, думается, согласились бы выполнить весь комплекс работ. Остается по-прежнему вопрос финансирования.

Сегодня краевой, а также федеральный бюджеты формируются в основном за счет налоговых отчислений от использования недр. Все наши богатейшие месторождения полезных ископаемых даром достались частным крупным компаниям. От добычи эти горные компании получают огромные прибыли и, что удивительно, все трудовые достижения в этом плане они относят только на свой счет. И я не помню, чтобы кто-нибудь когда-либо из них при этом сказал слова благодарности геологам, которые своим умом и трудом открыли и развели месторождения.

Я назову лишь четыре горные компании: Норильский комбинат, СУЭК, «Полюс Золото» и «Ванкор», которые, по моему мнению, в прямом смысле обязаны, если у них есть гражданская совесть, взять на себя финансирование сооружения памятника геологам в г. Красноярске, деньги-то небольшие. Все они сегодня управляются из Москвы. В советское время первые руководители края всегда оказывали помощь геологам. И здесь хотелось бы просить красноярского губернатора Виктора Александровича Толоконского, используя свои должностные полномочия и авторитет, привлечь эти компании к финансированию памятника геологам.

Вторая просьба к главе города Эдхаму Шукриевичу Акбулатову – проявить личную инициативу в сооружении памятника геологам именно в городе Красноярске.

Наш краевой центр активно строится, с каждым годом хорошеет, и памятник геологам будет дополнительным укра-

шением и гордостью для исследователей недр Сибири.

Заключение

Красноярский край испытал большое экономическое величие. О нем знал весь Советский Союз. Оно базировалось на трех основных китах: огромной территории развития гидроэнергетики, созданием геологами крупнейшей минерально-сырьевой базы – Норильск, Нижнее Приангарье, Канско-Ачинский угольный бассейн, и третье – создание предприятий атомной промышленности и ракетостроения.

А отсюда приток в край населения, строительство комбинатов, рудников, шахт, заводов, фабрик, создание инфраструктуры – железных и автомобильных дорог, магистралей, аэропортов, поднятие уровня сельскохозяйственного производства, и, к сожалению, в последнюю очередь решение социальных вопросов обеспечения населения, учреждений образования, медицины и культуры (по сравнению с европейской частью России).

Основа комплексной программы развития производственных сил Красноярского края была заложена еще в бытность Красноярского совнархоза, она изучалась и рассматривалась на многочисленных форумах с участием Академии наук СССР и СОПСа Госплана СССР, поэтому легко вошла в проект постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о комплексном развитии производственных сил. Была утверждена Политбюро ЦК КПСС к обязательному испол-

нению всеми министерствами и ведомствами СССР, и в соответствии с этим выделяли соответствующее государственное финансирование.

Здесь я не буду говорить, чья эта заслуга из первых руководителей Красноярского края, поскольку тогда созрели объективные причины, обстоятельства в необходимости государственного развития нашего сибирского региона, в первую очередь, по сравнению с другими областями Сибири, кроме Тюмени и ее нефтегазового комплекса.

В настоящее время появилась стратегия будущего Красноярского края. К 2030 году Красноярский край станет самым передовым регионом Сибири.

По стратегическому социально-экономическому развитию ее разработчики утверждают, что к 2030 году в крае будет жить более трех миллионов человек, а доходы граждан увеличатся в 1,5 раза. Для реализации этого плана в край придется привнести сразу несколько триллионов рублей, и в этом должен помочь центр.

В.А. Толоконский этот план окрестил «Будущее Красноярского края». Авторы стратегии-2030 уверены, что регион сегодня сможет повторить рывок 70-80-х годов прошлого века.

У меня на этот счет возникает вопрос: за счет чего конкретно? Где же базовые составляющие, на которых развивался край в течение более 30 лет?

П. Федирко вторит Толоконскому, что стратегия будуще-

го реально благодаря усилиям команды губернатора. Он подтверждает, что прошлые десятилетия стали возможны благодаря усилиям команды – людей, которые по-настоящему радели за родной край. Нет, парень, вы с Долгих пришли к руководству края на готовое, в основе созданной вашими предшественниками, я это утверждаю ответственно, поскольку лично знаю историю развития Красноярского края и ее движущих сил.

Не забывайте, сегодня в Красноярском крае нет базы для его развития, которая была в 60-80-е годы. За последние десятилетия она потеряна: не работает геология тех лет, отсутствует воссоздание энергетических мощностей атомной державы, закрыты города, живем в мирное время, а нефтегазовые и золоторудные предприятия вновь создаются вахтовым методом. Достаточно назвать Северо-Енисейский обжитый район с населением 12 тысяч человек. И принимает 6-7 тысяч вахтовиков на добычу золота. Что же касается развития нефтегазового комплекса в северных территориях края, то себестоимость продукции на всех наших предприятиях по добыче нефти и газа на порядок выше себестоимости в других странах.

Но и, пожалуй, главное в экономике края сегодня – все крупные высокорентабельные предприятия края принадлежат московским олигархам, на которых у краевого руководства нет рычагов воздействия. И последнее – край потерял половину предприятий машиностроения, химии и лесной

отрасли с разрушением деревни.

Что же касается большой науки, то она сохранилась лишь в названии.

Так что, мне думается, жить нам в будущем в крае будет нелегко, хотя оптимизма нам не растерять.